

Ю. Д. АПРЕСЯН

ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОВЕРХНОСТНО-
СЕМАНТИЧЕСКОГО
КОМПОНЕНТА МОДЕЛИ
СМЫСЛА ↔ ТЕКСТ

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 1

W 81 1341 (1)

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND I

Herausgegeben und redigiert von
Tilmann Reuther

Wien 1980

REDAKTIONSADRESSE

Institut für Slawistik der Universität Wien,
A-1010 Wien, Liebiggasse 5, Tel. (0222) 4300-2934

BANKVERBINDUNG

Zentralsparkasse und Kommerzbank Wien (BLZ 20151),
Konto Nr. 701 323 115

DRUCK

Offsetschnelldruck Anton Riegelnik,
A-1080 Wien, Piaristengasse 19

Zu beziehen über: Wiener Slawistischer Almanach, Institut für
Slawistik der Universität Wien, A-1010 Wien, Liebiggasse 5.

Gefördert durch das Bundesministerium für Wissenschaft und
Forschung, Wien.

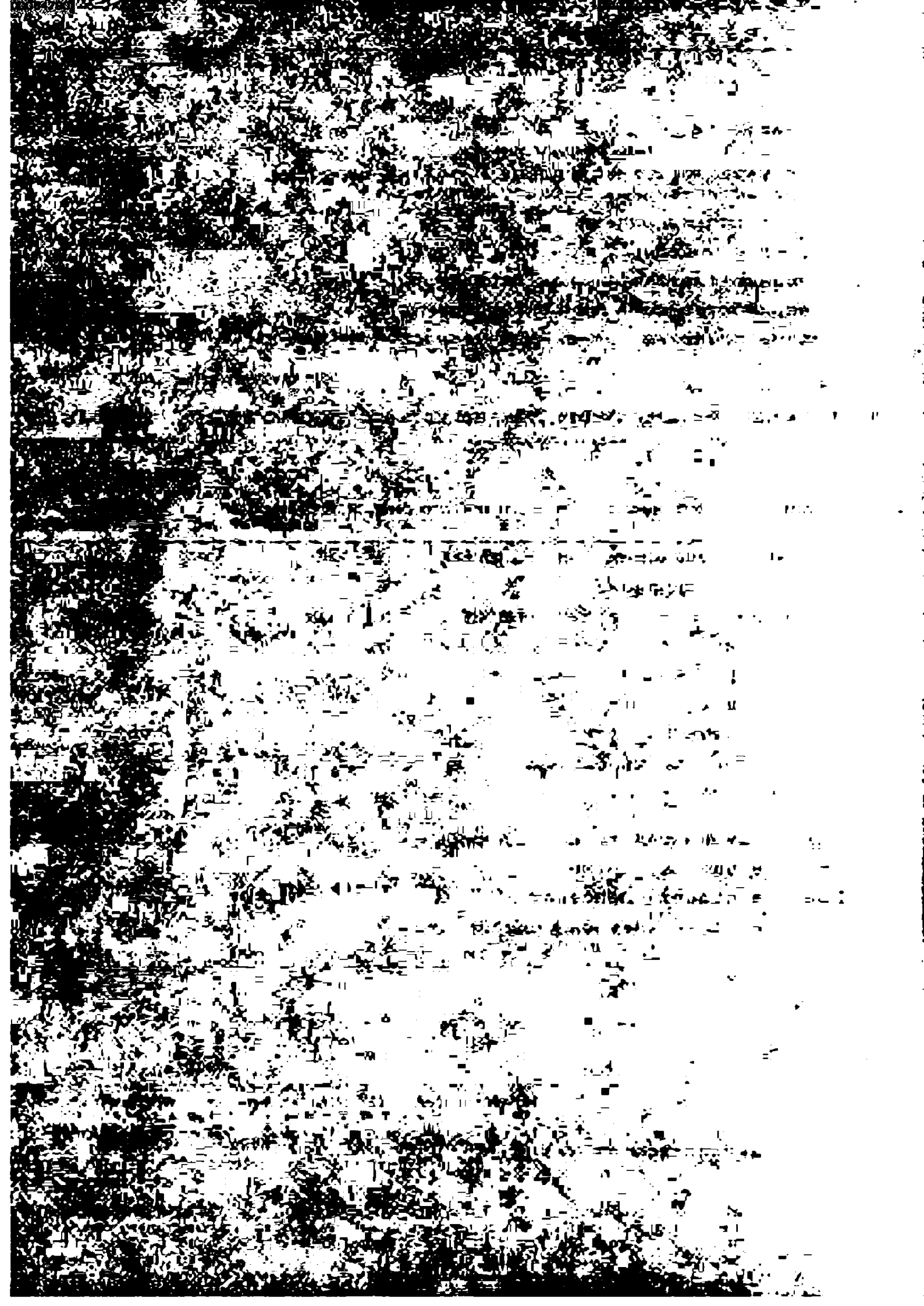
Bayerische
Staatsbibliothek
München

© WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
Alle Rechte vorbehalten

Tg 81 1151

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
1. Общая характеристика модели и задачи ее - поверхностно-семантического компонента	1
1.1. Объект моделирования	2
1.2. Строение модели "Смысл \leftrightarrow Текст"	3
1.3. Глубинно-синтаксическая структура	4
1.4. Поверхностно-семантическая структура	9
1.5. Задача поверхностно-семантического компонента	21
2. Семантические признаки	
2.1. Понятие нетривиального семантического признака	25
2.2. Правила <u>сочетаемости</u> значений лексем со значениями граммем	32
2.3. Правила сочетаемости значений лексем между собой	39
3. Толкование значащих единиц языка	48
3.1. Структура толкований	49
3.2. Толкование лексических единиц	55
3.3. Толкование грамматических единиц	58
3.4. Условия реализации значений	67
3.4.1. Семантические факторы	68
3.4.2. Синтаксические факторы	68
3.4.3. Морфологические факторы	71
3.4.4. Сочетаемостные факторы	71
4. Правила взаимодействия значений	73
4.1. Общие и частные правила	73
4.2. Правила области действия	79
4.3. Правила семантической модификации	86
5. Заключение	95
Примечания	96
Обозначения	106
Литература	109
Резюме (на английском языке)	115

VORWORT
DES REDAKTEURS

Es ist mir eine große Freude, die Sonderreihe des "Wiener Slawistischen Almanach" mit dem vorliegenden Band eines so hervorragenden Sprachwissenschaftlers wie Ju.D. Apresjan einzuleiten. Den Autor, dessen fünfzigster Geburtstag sich heuer jährt, vorzustellen, ist wohl nicht erforderlich. Es scheint mir jedoch wichtig, darauf hinzuweisen, daß diese Publikation die erste größere Studie Apresjans ist, die nach der Monographie *Leksičeskaja semantika*, Moskva 1974, im Druck erscheint. Sie spiegelt somit eine weitere Etappe in seiner Arbeit an einer modernen Semantik-Theorie wider.

Für einen ersten Einstieg in den Inhalt des Buches sei besonders auf das ausführliche englische Abstract am Ende des Bandes verwiesen. Dort werden so typische Züge von Apresjans Methode wie

- das strenge Vorgehen im Rahmen des Modells "Bedeutung ↔ Text", verbunden mit der Darbietung einer großen Anzahl semantisch-lexikographischer Detailstudien,
- die besondere (in der westlichen Semantik-Forschung kaum vertretene) Berücksichtigung von Regeln, die Bedeutungen sprachlicher Einheiten kombinieren, und
- das ständige Bestreben, sowohl bekannte Begriffe zu präzisieren, als auch neue einzuführen,

genauer besprochen.

Daß das Buch als Sonderband des "Wiener Slawistischen Almanach" erscheint, kann als Zeichen eines Bemühens gesehen werden, neben dem Abdruck von Artikeln in den regulären "Almanach"-Bänden nun auch durch eine größere Studie die Aufmerksamkeit der westlichen Linguistik auf das Modell "Bedeutung ↔ Text" zu richten.

Daß der originale russische Text, und nicht eine Übersetzung erscheint, macht eine Besonderheit des "Almanach" aus und zielt darauf ab, jüngste Forschungsergebnisse rasch und authentisch zu publizieren.

Es ist mir eine angenehme Aufgabe, allen zu danken, die zur Entstehung dieses Sonderbandes beigetragen haben: den Mitherausgebern des "Almanach" für die Unterstützung meiner Pläne, besonders Doz.Dr.J.Vintr und Dr.A.Hansen-Löve, die mich in der letzten Phase in Wien vertreten haben, während ich ein Forschungsjahr in Kanada verbrachte; denjenigen, die das Manuskript neu getippt haben - Frau Jakl, Frau Milewicz und Herrn Brien; schließlich Tatjana N. Korel'skaja, die mir bei der letzten Durchsicht des fertigen Textes bedeutend geholfen hat.

Jänner 1980

Tilmann REUTHER

1. Общая характеристика модели и задачи ее поверхностно-семантического компонента

Многолетние попытки формально и в достаточно полном объеме описать семантику естественного языка до сих пор оканчивались неудачей. Из этого, однако, вовсе не следует, что они были бесплодными. Чрезвычайно плодотворным результатом этих семантических исследований было, во-первых, введение в научный оборот большого корпуса фактов, никогда раньше не рассматривавшихся; во-вторых, выдвижение новых теоретических принципов и новых идей относительно того, как устроен объект изучения; в-третьих, осознание того факта, что формализация семантических описаний в настоящее время была бы поспешной, потому что объем материалов, которые еще только предстоит освоить, в десятки, а может быть, и в сотни раз превосходит все то, что уже было освоено.

Поэтому в данной работе мы ни в коем случае не ставим перед собой задачи построить сколько-нибудь полный семантический компонент модели "Смысл \leftrightarrow текст" или хотя бы фрагмент такого компонента. В связи с этим полезно подчеркнуть, что все определения, правила и толкования, содержащиеся в данной работе, носят предварительный и эскизный характер и очевидным образом нуждаются в уточнениях и дополнениях. Мы ставим перед собой гораздо более скромную цель - очертить типы семантической информации, без которых не может обойтись никакая формальная модель языка, если она претендует на то, чтобы быть адекватной своему объекту; правда, в двух местах (разделы 1.5 и 3.4.2 - 3.4.4) мы выходим за рамки собственно семантической информации.

В работе принимается и предполагается известной читателю общая концепция модели "Смысл \leftrightarrow Текст", предложенной в Мельчук 1974а (см. также Жолковский и Мельчук 1967). Ниже в тезисной и, может быть, несколько догматической форме напоминаются те положения модели, которые представляют принципиальный интерес при обсуждении семантических проблем. Предлагаемые нами дополнения и уточнения излагаются более развернуто и по возможности мотивируются.

1.1. Объект моделирования.

Объектом моделирования является феномен, называемый "владением языком". Владение языком - словарем и грамматикой - отграничивается от знания логики и знания действительности. Считается, что два последние рода знаний должны описываться не лингвистической моделью, а самостоятельными, хотя и сопряженными с ней моделью мышления и моделью "представления знаний о мире". Поэтому не предполагается, что формальная модель языка должна различать такие свойства предложений, как логическая непротиворечивость - противоречивость (аналитическая истинность - ложность), осмысленность - бессмысленность, соответствие - несоответствие реальному положению вещей (синтетическая истинность - ложность) и т.п.

Владение языком проявляется у его носителей в следующих трех способностях:

(1) способности выражать заданный смысл многими (в идеале - всеми) различными способами, т.е. строить множество синонимичных друг другу предложений языка (говорение, или синтез);

(2) способности извлекать смысл из заданного предложения, а также распознавать синонимию внешне различных и омонимию внешне совпадающих предложений (понимание, или анализ);

(3) способности отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных.

Здесь необходимы два комментария.

Во-первых, в пунктах (1)-(3) речь идет об установлении различных свойств предложений естественного языка, а не текстов на нем. В связи с этим полезно обратить внимание на то, что модель "Смысл \leftrightarrow Текст" в ее нынешнем состоянии является, по существу, лингвистикой предложения, а не лингвистикой текста.

Во-вторых, некоторые формулировки пункта (2) ("распознавать синонимию внешне различных и омонимию внешне совпадающих предложений"), могут навести на мысль об известной симметрии этих двух типов семантических отношений между предложениями. В действительности такой симметрии нет. Свойство иметь синонимы присуще всем предложениям естественного языка, а свойство иметь омонимы присуще лишь некоторым из них. Однако методологически формулировки пункта (2) полезны, потому что, вместе с (1), они создают одну из важнейших установок модели "Смысл \leftrightarrow Текст" - установку на множественный синтез (порождение синонимии) и на множественный

анализ (распознавание омонимии) предложений.

1.2. Стрoение модели "Смысл \Leftrightarrow Текст".

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" определенного естественного языка представляет собой единое формальное описание его грамматики и словаря, реализованное в виде системы правил, которые функционально подобны носителям этого языка в отношении трех перечисленных выше способностей. Концепция "единого", или "интегрального" лингвистического описания, известная в лингвистике по крайней мере с 1964 года (Katz and Postal 1964) и представляющая собою одно из главных новшеств современной теоретической мысли, применительно к модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" может быть представлена следующими тезисами:

(4i) Словарь является неотъемлемой частью полного теоретического описания языка, во всех существенных отношениях уравненной с грамматикой;

(4ii) Формальный словарь и формальная грамматика как части единой теории языка должны быть идеальным образом согласованы друг с другом в отношении распределения языковой информации, форме ее записи и взаимодействия грамматических правил со словарными материалами (правилами и объектами);¹

(4iii) Требование согласования грамматической и словарной информации включает в себя, в частности, требование того, чтобы значения всех содержательных единиц языка - слов, фразем, граммем, конструкций, просодических элементов - было описано на одном и том же семантическом языке² (ср. Gruber 1976, 3).

С другой точки зрения модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" представляет собой многоуровневый транслятор текстов в смыслы и наоборот. Выделяются четыре основных уровня - фонетический, морфологический, синтаксический и семантический. Каждый из них, за исключением семантического, подразделяется на два других уровня - поверхностный и глубинный; нам аналогичное деление представляется необходимым и на семантическом уровне (см. ниже):

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" - это

- набор формальных языков для записи представлений предложения на всех уровнях, включая правила внутриуровневых преобразований и условия правильности формальных представлений (последние включают проективность деревьев зависимостей относительно предложений, несочетаемость или неповторимость актантных синтаксических отношений в деревьях зависимостей и графах, насыщенность обязательных валентностей лексем, непересечение темы и ремы, непересечение пресуппо-

зиции и утверждения, внутреннюю непротиворечивость пресуппозиций, внутреннюю непротиворечивость модальной рамки, отсутствие противоречия между утверждением и модальной рамкой - см. Иорданская 1967, Апресян 1978);

- совокупность двусторонних (обратимых) правил межуровневых преобразований, в которых, помимо объектов двух соседних уровней, может быть использована и другая обращающаяся в модели информация, в том числе информация о некоторых характеристиках языковых единиц в представлениях любых уровней (ср. Lakoff 1970); в ходе этих преобразований могут возникать "гибридные" объекты, обладающие свойствами объектов обоих соседних уровней;

- толково-комбинаторный словарь, материалы которого используются в некоторых типах внутриуровневых правил и во всех типах межуровневых правил, за исключением, может быть, глубинно-фонетических и поверхностно-морфологических.

На каждом из восьми уровней исходный текст, обычно - предложение (при анализе) или исходный смысл (при синтезе), получает определенный формальный образ, называемый представлением предложения соответствующего уровня. Мы будем иметь дело главным образом с глубинно-синтаксическими и поверхностно-семантическими представлениями.

Представление предложения на каждом из двух интересующих нас уровней состоит из а) структуры соответствующего уровня, б) сведений о коммуникативной организации предложения (тема и рема, данное и новое³, пресуппозиция и утверждение, логические акценты и эмфатические выделения), в) сведений о референтности - нереферентности - кореферентности различных узлов, г) указаний об областях действия одних единиц относительно других.

Главной частью представления предложения является его структура. Специальный интерес в рамках данной работы представляют два типа структур - глубинно-синтаксическая и поверхностно-семантическая.

1.3. Глубинно-синтаксическая структура (ГСС).

ГСС - это дерево зависимостей с составляющими, т.е. такое дерево, в котором стрелки могут соединять не только узлы, но и группы узлов⁴. В узлах ГСС стоят имена лексем глубинно-синтаксического языка с необходимыми характеристиками, а стрелки зависимостей соответствуют одному из универсальных (единых для всех языков) подчинительных отношений глубинного синтаксиса. Охарактеризуем сначала словарь глубинно-синтаксического языка, а затем - его синтаксис.

К числу словарных единиц глубинно-синтаксического языка относятся а) все семантически содержательные слова естественного языка, б) имена фразеологических единиц, каждая из которых тоже стянута в единый узел, в) фиктивные глубинно-синтаксические слова, являющиеся интерпретацией семантически содержательных поверхностно-синтаксических отношений, г) фиктивные потенциальные слова, предсказываемые словообразовательной системой языка в целом и вводимые для сохранения общности некоторых правил перифразирования.

В число глубинно-синтаксических отношений входят 6 актантных отношений (считается, что более чем шестиместных предикатов в естественных языках нет - см. Апресян 1974), а также координативное, атрибутивное и присоединительное отношения. Координативное отношение описывает разного рода сочинительные конструкции, атрибутивное - определительные, обстоятельственные, аппозитивные, количественные, ограничительные, разъяснительные, собственно атрибутивные и некоторые другие конструкции, присоединительное - разного рода вводные конструкции.

В связи с тем, что синтаксис глубинного языка является по замыслу универсальным, глубинно-синтаксические отношения должны быть асемантичны. Это значит, что все семантически содержательные поверхностно-синтаксические отношения на глубинно-синтаксическом уровне должны быть проинтерпретированы, т.е. переработаны в фиктивные слова группы в). При такой постановке вопроса оказывается, что в глубинно-синтаксические слова должно быть отображено гораздо большее число поверхностно-синтаксических отношений, чем предполагалось раньше, и что сами эти отношения должны быть более дробными, чем в нынешней модели поверхностного синтаксиса. Это в особенности касается обстоятельственных и атрибутивных поверхностно-синтаксических отношений. Ниже мы рассмотрим в иллюстративных целях один пример из области обстоятельственных отношений - некоторые обстоятельственные конструкции с деепричастиями.

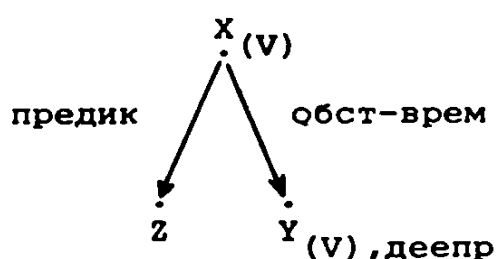
В исследованиях русских деепричастных конструкций (из последних работ см., например, Богуславский 1977) обычно отмечается, что препозиция и постпозиция деепричастия относительно глагола, к которому оно относится, играют смыслоразличительную роль. В большинстве случаев препозитивное деепричастие несов, наст обозначает одновременность (5i), а постпозитивное деепричастие - способ, манеру или обстоятельства осуществления действия (5ii):

(5i) *Сочиняя музыку, он ходит по комнате* ('когда сочиняет музыку - ходит'),

(5ii) *Он ходит по комнате, сочиняя музыку* ('ходит и при этом сочиняет музыку').

Очевидно, что семантическое различие между (5i) и (5ii) должно быть как-то отражено в поверхностно-синтаксическом представлении. Наиболее естественный способ сохранить его - это ввести два разных поверхностно-синтаксических отношения, например, обстоятельственно-временное для (5i) и обстоятельственно-модифицирующее для (5ii). Тогда поддеревья вида $X \xrightarrow{\text{обст-врем}} Y$ будут перерабатываться глубинно-синтаксическим правилом (5i) в подструктуры с фиктивным словом 'одновременность', а поддеревья вида $X \xrightarrow{\text{обст-мод}} Y$ будут перерабатываться глубинно-синтаксическим правилом (5ii) в подструктуры с фиктивным словом 'модификация':

(5'i)

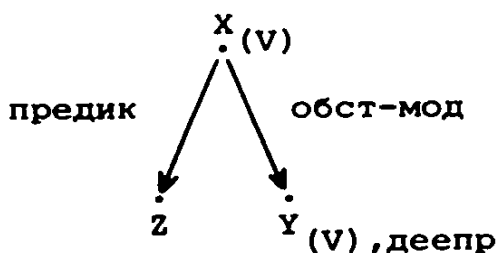

\leftrightarrow

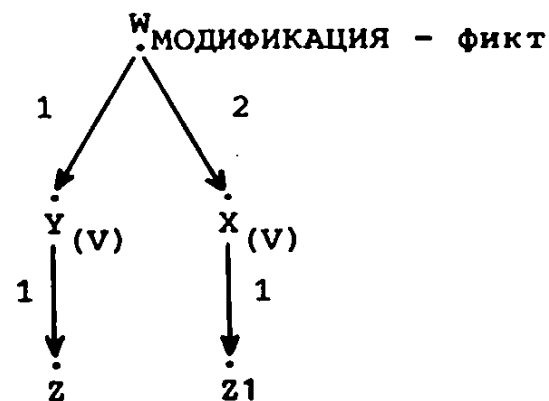

COREF ($Z1, Z$) и $Z1 = Z$ (т.е. $Z1$ и Z кореферентны и равнолексемны).

(5'ii)

\leftrightarrow

COREF ($Z1, Z$) и $Z1 = Z$

Очевидно, что каждое фиктивное глубинно-синтаксическое слово должно иметь самостоятельное толкование, отличное от толкования внешне совпадающего с ним слова естественного языка. В словаре у фиктивного слова должен быть особый вход.

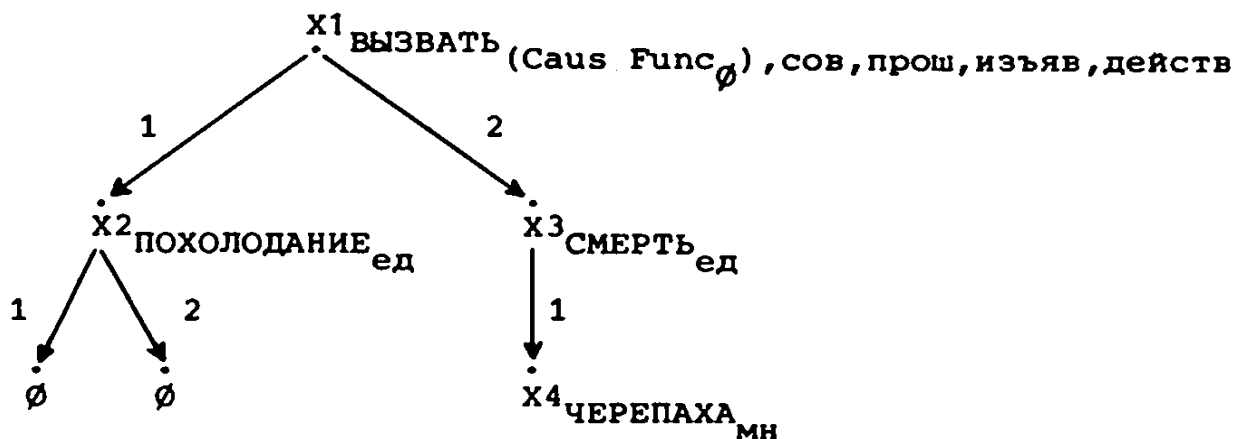
Из слов и отношений глубинно-синтаксического языка строятся ГСС. Выше мы сказали, что в узлах ГСС стоят имена лексем глубинно-синтаксического языка с необходимыми характеристиками. В число необходимых характеристик узла, помеченного именем нефиктивной лексемы, входят сведения о его глубинно-синтаксических признаках, т.е. о том, значении какой лексической функции от какого аргумента он является, и сведения о семантически содержательных граммеммах, т.е. тех граммеммах, выражение которых диктуется существом сообщаемого, а не согласовательными синтаксическими правилами языка.

ГСС предложения

(6i) *Похолодание вызвало смерть черепах*

выглядит (с некоторыми упрощениями) следующим образом:

(6'i)

Из (6'i) по весьма общим лексическим и синтаксическим правилам перифразирования, определенным в глубинно-синтаксическом языке, могут быть получены ГСС предложений (6ii)-(6vii) и многих других, синонимичные (6'i):

(6ii) *Похолодание вызвало гибель черепах*

(замена *смерть* \Leftrightarrow *гибель* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Syn}(X)$),

(6iii) *Похолодание привело к смерти черепах*

(замена *вызвать* \Leftrightarrow *привести к* по тому же правилу),

(6iv) *Смерть черепах проистекла из-за похолодания*

(замена *вызвать* \Leftrightarrow *проистечь из-за* по правилу

$X \Leftrightarrow \text{Conv}_{21}(X)$),

- (6v) *Похолодание было причиной смерти черепах*
 (замена *вызвать* \Leftrightarrow *быть причиной* по правилу
 $X \Leftrightarrow \text{Cопul} \xrightarrow{2} S_1(X)$),
- (6vi) *Смерть черепах была следствием похолодания*
 (замена *вызвать* \Leftrightarrow *быть следствием* по правилу
 $X \Leftrightarrow \text{Cопul} \xrightarrow{2} S_2(X)$),
- (6vii) *Черепашки умерли из-за похолодания*
 (замена *вызвать смерть* \Leftrightarrow *умереть из-за* по правилу
 $X \xrightarrow{2} Y \Leftrightarrow Y \xrightarrow{\text{attr}} \text{Adv}_{1B}(X)$).

Статус глубинно-синтаксического уровня время от времени становится предметом дискуссий и нуждается поэтому в дополнительном обосновании.

Постулируя определенный уровень представления предложений, желательно мотивировать необходимость его введения ссылкой на совокупность таких языковых фактов, которые 1) имеют одинаковую природу (ср. словоизменительные морфологические средства, описываемые на поверхностно-морфологическом уровне, словоизменительные морфологические категории, описываемые на глубинно-морфологическом уровне, специфические для данного языка синтаксические конструкции, описываемые на поверхностно-синтаксическом уровне); 2) тесно друг с другом связаны, так что описание одного факта естественно влечет за собой описание другого факта, причем описание всех релевантных фактов может быть выполнено на одном и том же формальном языке; 3) не описываются с соизмеримой простотой и полнотой ни на каких других уровнях представления предложений.

В защиту глубинно-синтаксического уровня можно привести все три рода аргументов.

Если морфологические уровни описывают устройство морфологии естественного языка, а поверхностно-синтаксический уровень — его синтаксические конструкции, то глубинно-синтаксический уровень является инструментом описания лексики, включая туда и часть словообразования, т.е. инструментом описания устройства словаря естественного языка *par excellence*. Действительно, на этом уровне описывается, в терминах лексических функций-параметров, несвободная лексическая сочетаемость слов естественного языка. В терминах других лексических функций (в особенности — S_0 , A_0 , Adv_0 , V_0 , S_1 , S_{res} , S_{loc} , S_{instr} , A_1 , Able_1 , Adv_1) описываются некоторые регулярные и продуктивные словообразовательные модели языка и их кон-

кретные словесные проявления, притом не только в области классического словообразования, но и в области супплетивного словообразования и так называемого семантического словообразования (регулярной многозначности). Еще один тип лексических функций (Syn, Conv, Anti, Gener, Mesur, Sing, Mult и многие другие) описывает основные семантические (не логические, не энциклопедические) классы слов естественного языка. Актантные глубинно-синтаксические отношения (1-6) описывают валентные свойства предикатных слов естественного языка, т.е. их способность присоединять к себе такие синтаксические зависимости, наличие которых диктуется семантическими свойствами данного предикатного слова. Наконец, в терминах лексических функций и глубинно-синтаксических отношений удастся сформулировать правила перифразирования - семантические уравнения, описывающие лексическую синонимию естественного языка в широком смысле слова и показывающие глубокие связи между всеми перечисленными выше типами языковых объектов (см. (6i)-(6vii)); о лексических функциях и правилах перифразирования см. Жолковский и Мельчук 1967.

Вообще говоря, никакого другого обоснования для введения глубинно-синтаксического уровня не требуется. Нельзя, однако, не заметить, что тот формальный язык, на котором записываются глубинно-синтаксические представления предложений, имеет еще две в высшей степени ценные функции: во-первых, в нем есть специальные глубинно-синтаксические слова, посредством которых интерпретируются семантически содержательные поверхностно-синтаксические отношения; во-вторых, лексические функции, выступающие в роли лингвистических понятий по отношению к конкретному естественному языку, приобретают статус системы метапонятий применительно к языку вообще и могут быть использованы в качестве универсального метаязыка общей лингвистической типологии.

1.4. Поверхностно-семантическая структура (ПСемС).

В первоначальной версии модели "Смысл \leftrightarrow Текст" не предполагалось, что семантический уровень представления предложений подразделяется на подуровни. Основным объектом этого уровня было семантическое представление, а его главным компонентом - семантическая структура (СемС), которая имеет вид связного ориентированного графа. Каждый из узлов графа соответствует некоему семантическому конструкту-слову семантического языка. Разумно допустить, что это может быть граф с "мешками", т.е. такой граф, ребра (дуги) которого соединяют не только отдельные узлы, но и группы узлов.

Вся чисто семантическая информация, содержащаяся в СемС, сосредоточена исключительно в узлах графа. Дуги графа - стрелки зависимостей - сами по себе не несут никакой смысловой информации, а указывают лишь на синтаксическую организацию смыслов (узлов)⁵.

Одному и тому же предложению может соответствовать несколько (иногда достаточно много) СемС, но эти СемС отличаются друг от друга не принципиально, а лишь степенью детальности представления смысла. Среди всех СемС имеется одна каноническая, составленная исключительно из простейших (неопределяемых) элементов смысла, своего рода смысловых атомов, различные комбинации которых формируют значения реальных единиц естественных языков.

Язык семантических графов является, по предположению, универсальным - единым для всех человеческих языков. Очевидно, что тогда все синонимичные друг другу предложения всех естественных языков должны быть отобразимы в одно и то же семантическое представление (СемП) - их единый универсальный образ на семантическом языке.

Создание такого семантического языка продолжает оставаться конечной задачей лингвистической семантики, но перспектива получения надежных результатов в этой области, если исходить из реального опыта современных исследований, несколько отдалается.

Высказываемые ниже соображения о поверхностно-семантическом уровне представления предложений, как и только что данная оценка перспектив более глубоких разработок, отражают, как нам кажется, именно этот реальный опыт современных исследований семантических проблем.

Прежде всего следует самым определенным образом подчеркнуть, что никто из современных теоретиков семантики, за исключением, может быть, А.Вежбицкой (Wierzbicka 1972), не работает со столь глубокими СемС. Большинство исследователей используют гораздо более поверхностный семантический язык (ср. Fillmore 1969, Мельчук 1974а, Падучева 1974), а многие вообще не прибегают ни к какому специальному языку, довольствуясь перифразированием в качестве основного средства экспликации смысла предложений (ср. McCawley 1971, Lakoff 1971, Chomsky 1971).

Нам кажется, что это обстоятельство не случайно, что оно отражает не каприз исследователей и не преходящий этап в истории развития науки, а некоторые фундаментальные свойства изучаемого объекта.

Главным из этих свойств мы считаем национальное своеобразие семантики естественного языка. Это своеобразие имеет много различных

проявлений, из которых, в первую очередь, следует упомянуть факт обязательности выражения некоторых смыслов в предложении.

Обычно, когда говорят об обязательности выражения некоторых смыслов в определенном естественном языке, ссылаются на значения грамматических категории и грамматических слов (см. Сэпир 1934, Jakobson 1959, Мельчук 1960). Хрестоматийными примерами такого рода являются вид в славянских языках и артикль в романских. Русская глагольная форма, например, через грамматическую категорию вида выражает идею законченности или незаконченности действия, а французская глагольная форма, в особенности такая, как инфинитив или причастие, может оставлять эту идею невыраженной.⁶ С другой стороны, при французском существительном через артикль обязательно выражается значение определенности — неопределенности, а при русском существительном оно выражается лишь тогда, когда это диктуется содержанием сообщения.

Следует сказать, что обязательность выражения определенных значений свойственна не только грамматике, но и лексике. Можно, например, заметить, что русский язык по сравнению с французским навязывает говорящим гораздо более детальное описание действий с точки зрения способа их осуществления, независимо от того, требует ли существо сообщаемого такой детализации или нет.

Смысл 'перестать находиться где-л.' выражается в русском языке несколькими глаголами — *выйти, вылететь, выплыть, выползти* — в зависимости от того, как перемещается субъект (идет, летит, плывет или ползет), между тем как во французском языке тот же смысл выражается единообразно — глаголом *sortir*. Хотя в русском языке имеется глагол *покинуть*, являющийся родовым обозначением соответствующего действия, в стилистически и семантически нейтральном контексте следует говорить (7i), а не (7ii):

- (7i) Собака вышла из конуры,
 (7ii) ?Собака покинула конуру.

С другой стороны, по-французски можно сказать *sortir en marchant*, если нужно в подчеркнутой форме выразить ту мысль, что некое существо (та же собака, например), покинувшее какое-то место, именно шло, а не перемещалось иным способом, но в условиях, когда такого специального смыслового задания нет, следует употреблять просто глагол *sortir*. В нейтральном контексте говорят (8i), а не (8ii):

- (8i) Le chien est sorti de sa niche,
 (8ii) ?Le chien est sorti en marchant de sa niche.

Совершенно аналогичным образом устроены русские и французские

глаголы со значением преодоления пространственного препятствия: русским видовым обозначениям *переправиться* (через границу), *перелететь* (через Альпы), *перепрыгнуть* (ров), *переплыть* (реку), *переступить* (порог) соответствует один и тот же родовой глагол *franchir* (*la frontière, les Alpes, un fossé, un fleuve, le seuil*). Использование русского родового обозначения *преодолеть* в этих условиях семантически и стилистически отмечено, а во французском языке семантически отмечено употребление расчлененных видовых наименований типа *franchir le fleuve à la page* 'переправиться через реку вплавь'.

Иными словами, в нейтральных условиях на тему покидания какого-то места и преодоления пространственного препятствия в русском языке, притом в обязательном порядке, сообщается несколько больше, чем во французском.

Подобные расхождения свойственны не только глаголам со значением перемещения, но и глаголам со значением положения в пространстве. По-русски несколько необычны или сомнительны фразы:

(9i) *Поль находился у окна,*

(10i) *? Не находишься у окна!*

Соответствующие мысли должны быть выражены фразами:

(9ii) *Поль стоял у окна,*

(10ii) *Не стой у окна!*

хотя для говорящего может быть несущественным тот факт, что субъект этих ситуаций находился у окна в вертикальном положении, опираясь на ноги. Этот "лишний" смысл выражается в русском языке автоматически. Адекватные французские переводы фраз (9ii) и (10ii) - фразы (11i) и (12i) - по своему буквальному смыслу больше соответствуют фразам (9i) и (10i):

(11i) *Paul se trouvait près de la fenêtre,*

(12i) *Ne reste pas près de la fenêtre!*

Выделенный разрядкой смысл выражается во французском лишь в том случае, когда в этом есть содержательная необходимость:

(11ii) *Paul se trouvait debout près de la fenêtre,*

(12ii) *Ne reste pas debout près de la fenêtre!*⁷

Здесь обнаруживается глубокая аналогия между морфологическими и семантическими фактами. Известно деление морфологических категорий на синтаксические обусловленные и необусловленные (ср. синтаксическую обусловленность числа, рода, лица у глагола, падежа, числа, рода у прилагательного, падежа у существительного и синтаксическую необусловленность времени, вида, наклонения у глагола, степени срав-

нения у прилагательного, числа у существительного). Известно, с другой стороны (см. Иомдин 1979), что почти для каждой синтаксически обусловленной категории существует синтаксическая конструкция или конструкции, в которых она оказывается семантически содержательной (ср., например, число прилагательного в сочинительных конструкциях типа *красный и белый шар*, где значение 'один красный шар и один белый шар' выражается именно числом прилагательного, а не существительного).

В поверхностно-синтаксических структурах сведения о синтаксически обусловленных категориях элиминируются, за исключением тех случаев, когда последние семантически содержательны.

Рассмотренные выше факты показывают, что с автоматически выражаемыми значениями, независимо от их природы, дело обстоит до известной степени похожим образом: в одних случаях выражение такого значения может быть вынужденным, т.е. чисто автоматическим, а в других (например, в условиях просодической выделенности и противопоставления) - полностью совпадать с намерениями говорящего.

Очевидно, что правила обращения с такими значениями должны быть аналогичны правилам обращения с синтаксически обусловленными категориями: в ситуациях первого рода автоматически выражаемые значения нерелевантны и могут быть сняты (или порождены) без ущерба для существа сообщения, а в ситуациях второго рода они релевантны для сообщения и должны остаться неизменными.

Важность этой проблемы вполне выясняется в связи с задачей перевода. Адекватный перевод с языка на язык должен происходить без семантических потерь и приобретений, что в свете только что рассмотренных фактов семантической несоизмеримости разных языков предстает как трудно достижимый идеал. В самом деле, переводя, например, с русского языка на французский и обратно, мы должны знать, когда значение законченности - незаконченности, определенности - неопределенности, способа перемещения в пространстве и способа расположения в пространстве могут быть сняты (или порождены) без серьезного ущерба для адекватности перевода, а когда их снятие (или добавление) может привести в искажению существа переводимого текста.

Таким образом, в смысле предложения естественного языка мы обнаруживаем два разных слоя, или уровня - национальный и универсальный. Чтобы добраться до универсального, самого глубокого слоя

семантики, необходимо в определенных ситуациях уметь снимать обязательно выражаемые в данном языке, т.е. национально своеобразные значения.

Уже из этих соображений следует, что в формальной модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" должно быть два уровня представления смысла - поверхностно-семантический (уровень национальной семантики) и глубинно-семантический (уровень универсальной семантики). На первом из них отражаются все выраженные в соответствующем предложении значения, в том числе и нерелевантные, а на втором - только те, которые существенны для сообщения.

Имеется еще одно основание для расщепления семантического уровня на поверхностно- и глубинно-семантические подуровни.

Как мы уже говорили, модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" для каждого естественного языка должна формально эксплицировать отношения синонимии между предложениями этого языка.

В смысл синонимических предложений некоторого естественного языка могут входить как раз те обязательные, национально своеобразные значения, о которых мы говорили выше. Следовательно, синонимические отношения между ними должны устанавливаться раньше, чем на глубинно-семантическом уровне, где эта национальная специфика будет снята.

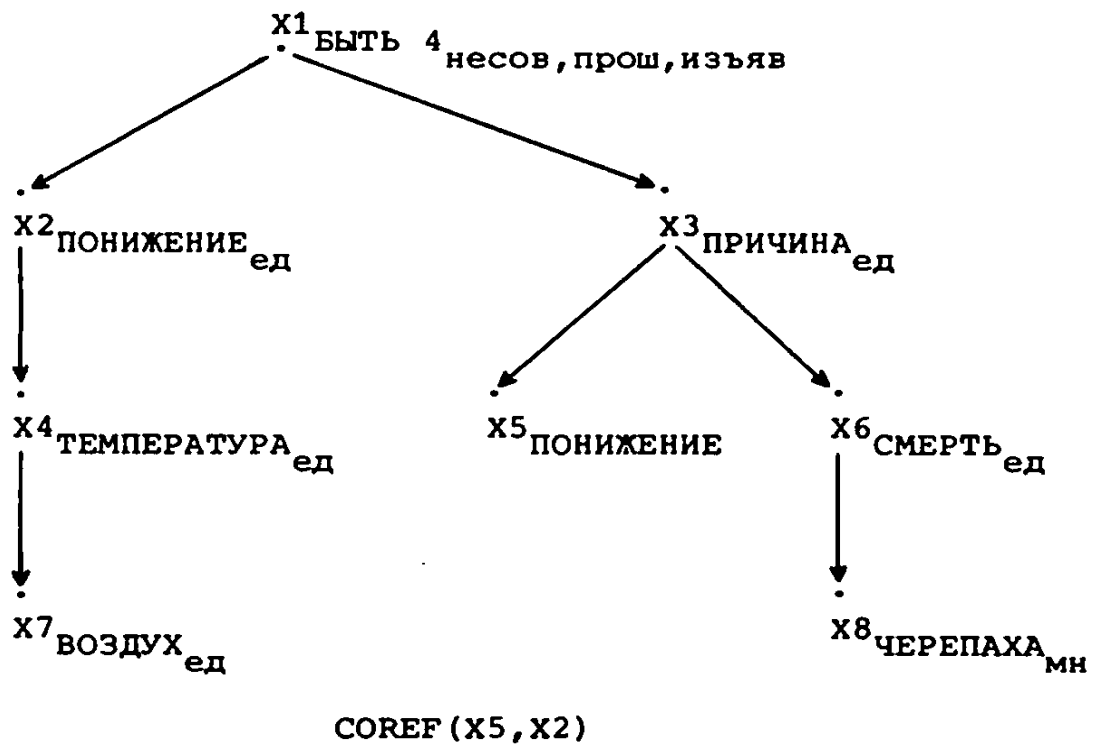
Естественно возникает вопрос, могут ли они все же описываться не на поверхностно-семантическом, а на глубинно-синтаксическом уровне, где действует специально для этого предназначенная система правил перифразирования (см. (6i)-(6vii)). Оказывается, однако, что на глубинно-синтаксическом уровне эксплицируются далеко не все отношения такого рода. Синонимическое перифразирование (6i)-(6vii) обеспечивается глубинно-синтаксическими правилами, а синонимическое перифразирование (6i) \Leftrightarrow (13), в некотором отношении более точное, - нет:

(6i) *Похолодание вызвало смерть черепах.*

(13) *Понижение температуры воздуха было причиной смерти черепах.*

Фразе (13) соответствует (с упрощениями) глубинно-синтаксическое представление (13').

(13')

Преобразование (6'1) \Leftrightarrow (13') на глубинно-синтаксическом уровне невозможно потому, что в ГСС каждая лексическая единица фигурирует в "собранном" виде, как единое целое, а для выполнения (6'1) \Leftrightarrow (13') необходимо обращение к отдельным составляющим ее семантическим элементам, т.е. в конечном счете - к толкованиям, или СемП-ам. Синонимия (6'1)-(13') устанавливается не непосредственно, а через поверхностно-семантический уровень, на котором обе эти ГСС отражаются одинаково - в виде ПСемС (6''1) (см. ниже).

Толкованиями слов необходимо располагать и для целей экспликации отношений омонимии. В связи с этим поучительно вспомнить историю одной лингвистической контроверзы, приведшей в конце концов к рождению так называемой генеративной семантики.

Среди многих возражений против интерпретирующей семантики (см. McCawley 1968, Lakoff 1971), исходные положения которой были сформулированы в Katz and Postal 1964 и в усовершенствованном виде приняты в Chomsky 1971 в качестве компонента "расширенной стандартной теории языка", было следующее: фразы типа

(15) John almost killed him

омонимичны и допускают следующие три интерпретации:

(15') 'Джон был близок к тому, чтобы сделать с ним нечто такое, что могло бы убить его, но не сделал этого'

(например, готов был кинуться на него с ножом, но сдержался).

(15'') 'Джон сделал нечто такое, что могло убить его, но этого не произошло' (например, сбросил или случайно спустил с горы камень, который пролетел на опасно близком расстоянии от стоявшего ниже человека).

(15''') 'Джон сделал с ним нечто такое, из-за чего он оказался в состоянии, близком к смерти' (например, ударил ножом).

Теория Н.Хомского, в которой объектами правил преобразования являются не семантические представления, а глубинные (синтаксические) структуры, этой омонимии объяснить не может, потому что в глубинных структурах все слова фигурируют в "собранном" виде. Между тем, для того, чтобы объяснить эту омонимию необходимо допустить воздействие наречия *almost* не на слово *kill* в целом, а на разные семантические компоненты в толковании этого глагола.

(16) *kill* \cong 'cause to begin to be dead'

Областью действия *almost* могут быть компоненты 'cause', 'begin' и 'be dead'. В первом случае получается осмысление (15'), во втором - (15''), в третьем - (15''').

В связи с тем, что интерпретирующая семантика неспособна объяснить эту и другие подобные ситуации омонимии, оппоненты Н.Хомского предлагали заменить ее более сильной теорией - генеративной семантикой, располагающей необходимым для этого аппаратом.

Имеется немало аргументов в пользу приведенного описания и против него. В частности, Н.Хомский в своем ответе критикам усмотрел здесь, и, может быть, не без оснований, не ситуацию языковой неоднозначности (омонимии), а случай ситуативной неопределенности (см. Weinreich 1966), которая в принципе не должна описываться собственно лингвистической моделью. Однако, даже если Н.Хомский и прав в интерпретации этого конкретного примера, нельзя сомневаться в том, что явления такого рода в языке существуют (см. ниже, раздел 4.2.), и формальная модель языка должна быть в состоянии справляться с их описанием. Решить эту задачу без достаточно детальных толкований содержательных единиц языка нельзя.

Итак, на поверхностно-семантическом уровне - уровне национальной семантики - решаются следующие задачи: (а) эксплицируются все

выраженные в предложении значения, в том числе и те обязательные (обусловленные) значения, которые семантически нерелевантны; (б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями данного естественного языка ("национальная" синонимия) и тем самым показываются системные семантические связи между различными содержательными единицами языка, в том числе и единицами разной природы; (в) эксплицируются отношения омонимии между предложениями данного естественного языка.

На глубинно-семантическом уровне - уровне универсальной семантики - решаются следующие задачи: (а) элиминируются все семантически нерелевантные значения; (б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями разных (в идеале - всех) естественных языков.

Предлагаемое нами расщепление прежде единого семантического уровня на два новых подуровня обнаруживает неслучайное сходство с соответствующим делением синтаксического уровня: поверхностно-синтаксический уровень - это уровень, на котором описываются специфические для данного языка "национальные" синтаксические конструкции, а глубинно-синтаксический уровень - это уровень, на котором элиминируется национальная синтаксическая специфика, т.е. уровень универсального синтаксиса, единого для всех естественных языков.

Теперь попытаемся описать в самых общих чертах языки обоих уровней представления смысла предложений и семантические структуры, которые строятся из материала этих языков.

В свете того, что было сказано выше, глубинно-семантическим языком разумно считать элементарный универсальный семантический язык, словарь которого состоит исключительно из *indefinibilia* - семантических конструкторов, являющихся именами предметов или именами простейших предикатов, по преимуществу одно- или двухместных. Из таких слов по правилам предикатно-аргументного синтаксиса строятся глубинно-семантические структуры (ГСемС) - по существу те канонические структуры, о которых шла речь на стр. 10.

Поверхностно-семантический язык отличается от глубинно-семантического и своим словарем, и своим синтаксисом.

Поскольку поверхностно-семантический язык предназначен для экспликации национальной семантики, основная часть его словаря должна формироваться из наименее идиоматичных, достаточно про-

ств, но не обязательно элементарных слов того же естественного языка, отобранных таким образом, чтобы внутри поверхностно-семантического языка они не имели синонимов и использовались каждое ровно в одном значении. Таким образом, словарь поверхностно-семантического языка представляет собой продукт радикального упрощения (сокращения не меньше чем на два порядка) и стандартизации (снятие синонимии, полисемии и омонимии) словаря соответствующего естественного языка.

С другой стороны, поскольку слова поверхностно-семантического языка в общем случае неэлементарны, его словарь а) значительно больше по объему, чем словарь универсального семантического языка, и б) помимо одно- и двухместных предикатов включает предикаты с большим числом мест.

Что касается различий поверхностно-семантического и глубинно-семантического языков в области синтаксиса, то они прямо вытекают из природы их предикатных слов: в число поверхностно-семантических отношений входят не два актанных отношения, как в глубинно-семантическом языке, а 5-6 актанных отношений (ср. замечания о глубинно-синтаксических отношениях в разделе 1.3.). Как видим, синтаксис поверхностно-семантического языка, в отличие от его словаря, не извлекается из естественного языка, а от начала и до конца конструируется.

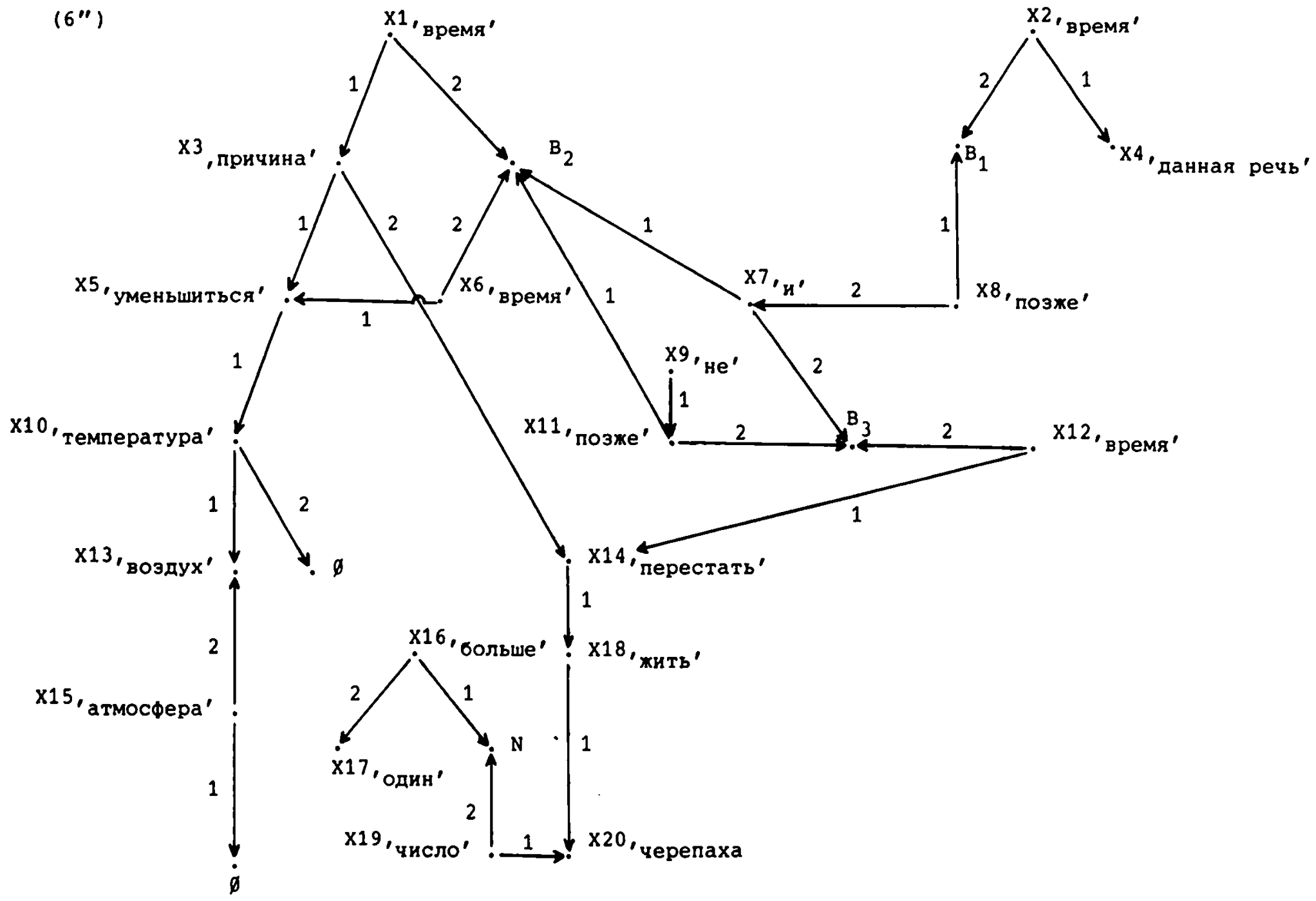
Из слов поверхностно-семантического языка и его синтаксических отношений строятся ПСемС. В достаточно большом числе случаев (но, естественно, далеко не всегда) ПСемС являются продуктом первого шага замены содержательных единиц соответствующей ГСС (слов и грамем) их семантическими представлениями. Обязательной замене на семантические представления подлежат все грамемы и те из лексических единиц, которые не совпадают ни с одним словом поверхностно-семантического языка или ведут себя нестандартно относительно правил семантических преобразований.

В качестве иллюстрации приведем (с упрощениями) ПСемС для ГСС (6'1) и, следовательно, для предложения (61); в нее отображается и ГСС (13') с соответствующим ей предложением (13)⁸: (6'').

Эта ПсемС отражает следующие содержательные представления о значениях использованных в (61) единиц:

Похолодание = 'уменьшение температуры атмосферного воздуха'.

(6")

X вызвал $Y \cong$ 'Во время B_2 имела место ситуация X ; во время B_3 имела место ситуация Y ; X является причиной Y -а; B_1 - время данной речи; B_1 позже B_2 и B_3 ; B_2 не позже B_3 ' (несколько упрощенное толкование лексического значения глагола *вызвать* и граммем прошедшего времени, изъявительного наклонения и совершенного вида).

Смерть Z-ов \cong 'Тот факт, что Z , число которых больше одного, перестал жить' (толкование лексического значения слова *смерть* и граммемы множественного числа при Z).

При нынешнем состоянии разработки семантических проблем ничего более определенного о семантических языках, ГСемС и ПСемС сказать нельзя. В связи с неясностью многих вопросов, касающихся, в частности, ПСемС, мы в данной работе будем пользоваться более привычной формой экспликации смысла в виде толкований. Однако наши толкования (см. приведенные выше примеры) отличаются рядом существенных свойств и от перифраз, используемых в порождающей модели языка, и от традиционных лексикографических дефиниций.

В данной работе мы будем понимать под толкованием единицы X предложение на ограниченном и стандартизованном языке, построенное с соблюдением следующих требований: (а) оно должно быть в точности синонимично толкуемой единице X ; (б) оно должно сводить толкуемый смысл к более простым смыслам - словам поверхностно-семантического языка (см. выше); (в) эти более простые смыслы должны быть настолько крупными, насколько это возможно без нарушения требования (б): последнее условие значит, что толкуемую единицу X следует сводить к ее "непосредственным семантическим составляющим", а не к мельчайшим неопределяемым словам - смыслам. Обоснование всех этих требований содержится в Апресян 1974.

Мы допускаем, что для решения трех основных задач поверхностно-семантического уровня - экспликации национальной семантики, а также отношений синонимии и отношений омонимии между предложениями в национальном языке - достаточно именно той степени детальности представления смысла, которая достигается в толкованиях языковых единиц. С другой стороны, такая степень детальности представления смысла абсолютно необходима: как будет подробно показано в дальнейшем, если бы мы не располагали толкованиями языковых единиц, а работали бы с самими этими единицами в собранном виде,

мы бы лишились возможности эксплицировать отношения синонимии и омонимии между многими предложениями естественного языка с помощью простых и принципиальных правил.

1.5. Задача поверхностно-семантического компонента.

Задачей поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" является установление много-многозначного соответствия глубинно-синтаксических и поверхностно-семантических представлений, т.е.

$$(20) \quad \{ГСП\} \Leftrightarrow \{ПСемП\}.$$

В дальнейшем мы будем рассматривать соответствие (20) с точностью до структур и исключительно в направлении анализа, т.е. в направлении

$$(21) \quad \{ГСС\} \Rightarrow \{ПСемС\}.$$

Такое ограничение рамок исследования связано с тем, что по поводу соответствия

$$(22) \quad \{ПСемС\} \Rightarrow \{ГСС\}$$

в настоящее время нельзя сказать почти ничего определенного сверх того, что оно устанавливается посредством наложения на ПсемС некоторого предложения ПсемС содержательных единиц языка. Автору неизвестен ответ на ключевой вопрос о том, каким способом, отличным от полного перебора, можно выбрать для заданной ПсемС такие семантически содержательные единицы - слова и граммы, которые, с одной стороны, обеспечивали бы полное покрытие смысла ПсемС, а с другой - не выражали бы никакого лишнего смысла.

Этап (21) разбивается (не во времени, а чисто логически) на ряд отчетливо выделяемых шагов, первым из которых является подготовка заданной ГСС к семантической интерпретации. Поясним, что мы имеем в виду. Рассмотрим фразы

(23i) *Он едет в Москву,*

(23ii) *Он уже (еще только) едет в Москву,*

(23iii) *Он завтра едет в Москву.*

Фраза (23i) неоднозначна: она может пониматься либо как (23'), либо как (23''):

(23') *'В момент речи он едет в Москву',*

(23'') *'В момент, более поздний, чем момент речи, будет иметь место то, что он едет в Москву, и у него, говорящего или лица известного говорящему, имеется намерение, чтобы он ехал в Москву'.*

В отличие от этого, (23ii) и (23iii) однозначны, причем (23ii) понимается только в смысле (23'), а (23iii) - только в смысле (23").

Источником неоднозначности (23i) является то обстоятельство, что граммема несов имеет несколько разных значений, в частности, значение длительного действия, т.е. действия, разворачивающегося в момент речи или в другой фиксированный момент (ср. (23')) и (в соединении с граммемой наст) значение так называемого "намеренного или предстоящего действия" (ср. (23")). Из (23ii) и (23iii) следует, что реальная возможность осмысления произвольной глагольной формы вида

(24) (V), несов, наст

в длительном значении или значении предстоящего действия зависит от ряда условий. Эти условия должны быть учтены в правилах ГСС \Leftrightarrow ПСемС: очевидно, что для фразы (23i), которая реально омонимична, должны быть получены две разных ПСемС, а для реально однозначных фраз (23ii) и (23iii) - по одной.

Осмысления (23") для (23ii) и (23') для (23iii) должны быть исключены именно на этапе перехода к ПСемС, когда грамлемы заменяются их толкованиями. Если это не будет сделано, на уровне ПСемС возникнет ложная омонимия.⁹

Значительная часть ложной лексической омонимии и полисемии к моменту перехода ГСС \Rightarrow ПСемС должна оказаться снятой на предшествующих этапах. Так, при интерпретации фразы

(25) Он сказал мне, что нездоров

должно приниматься во внимание только одно - первое - лексическое значение глагола *говорить* - *сказать*. Два других значения (*О чем вы с ним говорили?*, *Один мой знакомый бегло говорит по-японски*) будут исключены еще на глубинно-морфологическом уровне, поскольку у них нет формы совершенного вида (*сказал*), что отмечается специальной записью в их словарных статьях.

При интерпретации фразы

(26) Установка не будет работать

тоже должно учитываться только одно - служебное - значение глагола *бить*, потому что лишь оно обладает способностью иметь два таких зависимых, из которых первое является именной группой в именительном падеже, выполняющей функцию подлежащего, а второе - инфинитивом несовершенного вида. Другие значения глагола *бить* - локативное (*Где вы били?*), посессивное (*У института били прекрасные мастерские*), экзистенциальное (*При испытании новых самолетов били случаи аварий*), связочно-классифицирующее (*Ночью все кошки \emptyset БЫТЬ сери*) и связочно-идентифицирующее (*Это бил Иван*) этими свойствами не обладают. Номер зна-

чения глагола *бить* вырабатывается (в данном случае) на поверхностно-синтаксическом уровне с помощью грамматического правила, анализирующего русские аналитические конструкции.

Рассмотрим, наконец, фразу

(27) *Командный пункт находился под наблюдением,* в которой нужное (третье) значение слова *наблюдение* устанавливается с помощью информации о лексических функциях на еще более глубоком уровне - глубинно-синтаксическом. Среди прочих лексических функций для лексемы *наблюдение 3* определена функция $Opp_2 = \text{находиться (под наблюдением)}$, записываемая непосредственно в словарной статье *наблюдение 3*, а для лексем *наблюдение 1* (ср. *Наблюдение явлений дифракции позволило ему сформулировать остроумную гипотезу*) и *наблюдение 2* (ср. *Ему принадлежит одно интересное наблюдение*) она не определена.

Однако часть ложной лексической полисемии и омонимии и вся граммемная полисемия остается неснятой даже на уровне ГСС. Поэтому семантическая интерпретация ГСС, т.е. процесс перехода ГСС \Rightarrow ПСемС, начинается с отсеивания тех еще не исключенных значений слов и граммем, которые в конкретных морфологических, синтаксических, лексических и семантических условиях данной ГСС не могут быть реализованы.¹⁰ Этот отсев происходит на основе специальных правил реализации значений, рассматриваемых ниже. В результате для каждой ГСС формируются все допустимые комбинации значений входящих в ее состав слов и граммем. Для (23i), например, допустимыми будут две комбинации значений, а для (23ii) и (23iii) - по одной.

На втором шаге поддеревья ГСС заменяются толкованиями (формально - подграфами ПСемС). При этом, если преобразуемое поддерево ГСС включает два или более узлов, используются специальные правила взаимодействия значений, эксплицирующие законы построения ПСемС словосочетаний из ПСемС входящих в их состав словоформ.

По-видимому, следует предусмотреть еще один шаг в процессе перехода ГСС \Rightarrow ПСемС - получение приведенной ПСемС всего предложения с помощью глобальных семантических правил, обрабатывающих не поддерево ГСС, а определенные типы ПСемС.

Для решения основных задач семантического компонента, как они были сформулированы выше, в него должна быть заложена семантическая информация по крайней мере следующих трех типов:

- информация о семантических признаках всех содержательных единиц языка - для формирования допустимых комбинаций значений (первый шаг преобразования ГСС \Rightarrow ПСемС);

- толкования содержательных единиц языка вместе с условиями их реализации;

- правила взаимодействия (сложения, преобразования) значений.

Уже сейчас более или менее очевидно, что некоторые другие, преимущественно метаязыковые задачи общей лингвистической теории требуют включения в семантический компонент еще некоторых типов семантической информации, в частности, информации о семантических ассоциациях, или коннотациях данной единицы и информации о ее семантических связях с другими содержательными единицами языка. Однако для обеспечения преобразования ГСС \Rightarrow ПСемС достаточно первых трех типов семантической информации, и в дальнейшем речь пойдет только о них.

2. Семантические признаки.

2.1 Понятие нетривиального семантического признака.

Термин "семантический признак", возникший в рамках так называемого "компонентного анализа значений", обозначает ту часть значения определенной содержательной единицы языка (обычно - лексемы), по которой она противопоставлена другой содержательной единице языка, при условии, что достаточно большая часть их значений совпадает. Очевидна аналогия между понимаемыми таким образом семантическими признаками и "дифференциальными фонологическими признаками". Типичные примеры семантических признаков - "пол" (со значениями "мужской" и "женский"), "поколение" (со значениями "то же самое, что поколение его" - "непосредственно предшествующее" - "непосредственно следующее") и т.п. По признаку "пол", например, слово *отец* так противопоставлено слову *мать*, как слово *сын* - слову *дочь*.

Такие семантические признаки (назовем их тривиальными) дублируют часть значения определенной лексемы и в системе, располагающей толкованиями, абсолютно не нужны. Как теоретическое понятие они представляют собою очевидный анахронизм.

Семантические признаки, которые будут предложены в данной работе, имеют совершенно иную природу, и их следовало бы называть иначе. Единственным, но решающим основанием при выборе их названия послужило то обстоятельство, что они имеют много общих свойств с синтаксическими признаками. Следовательно, название "семантические признаки" выбрано по аналогии, а чтобы предупредить возможность их неправильного сближения с традиционными (тривиальными) семантическими признаками, мы предлагаем называть их нетривиальными.

Чтобы освоиться с понятием нетривиального семантического признака, напомним более привычное понятие поверхностно-синтаксического признака.¹¹

Известно, что глаголы типа *начинать*, *стать*, *бросаться*, *пущаться*, *давать* (А он *давай* плясать); *переставать*, *прекращать*, *кончать*, *продолжать* и т.п. способны управлять формой (V), инф, несов, но не формой (V), инф, сов:

(28) Он начал (начинал, перестал, продолжал) делать гимнастику,

(29) *Он начал (начинал, перестал, продолжал) сделать гимнастику.

Возможно словарное и грамматическое описание этого факта. Словарное описание свелось бы к включению соответствующего ограничения в модель управления каждого из этих слов. Грамматическое описание (а именно оно принято для этого случая в поверхностно-синтаксическом компоненте модели "Смысл \leftrightarrow Текст") состоит в том, что в словаре каждому глаголу приписывается только синтаксический признак (фаз), который в пределах самой словарной статьи никак не расшифровывается. Содержательный смысл фазовости раскрывается условием (30) в общем поверхностно-синтаксическом правиле, устанавливающим комплетивное отношение между любым управляющим словом X (глаголом, существительным, прилагательным, наречием) и зависимым инфинитивом Y:

(30) Если X = (V, фаз), то Y \neq сов.

Это, бесспорно, более экономное и более общее описание.

Сказанное тем более верно, что фазовые глаголы имеют и другие общие синтаксические свойства. Одним из них является то, что форма подлежащего при фазовом глаголе в значительной мере определяется обычной формой подлежащего при глаголе, инфинитивом которого управляет данный фазовый глагол (см. Иомдин-Мельчук-Перцов 1975). При глаголе *хватать*, например, подлежащее всегда стоит в родительном падеже:

(31) *Хлеба всем хватало (никому не хватало).*

Если глагол *хватать* зависит от фазового глагола, то подлежащее последнего может быть оформлено так, как оно оформляется при *хватать*:

(32) *Хлеба всем начало (перестало) хватать.*

Следовательно, признак (фаз) оказывается необходимым в описании русского языка на основаниях, независимых от упомянутого выше правила, что, естественно, увеличивает его теоретическую ценность.

С помощью признака (фаз) и других подобных признаков, число которых даже в инженерно ориентированной модели русского поверхностного синтаксиса достигает 150, описываются синтаксические свойства слов, определяющих их способность - неспособность участвовать в тех или иных синтаксических конструкциях. Таким образом, синтаксический признак - это теоретический конструкт, позволяющий записать синтаксическую информацию (в рассмотренных случаях - информацию об особенностях управления) в сокращенном и обобщенном виде.

Понятие фазовости очевидным образом семантически мотивировано, т.е. отражает какую-то семантическую особенность перечисленных выше глаголов. Поэтому появляется соблазнительная мысль не вводить никакого специального признака фазовости, а попытаться обнаружить общий смысловой компонент в толкованиях всех подобных глаголов и переформулировать условие (30) и другие подобные условия таким образом, чтобы они ссылались непосредственно на этот компонент.

Общим компонентом значения всех фазовых глаголов является смысл 'начинать'. Действительно, *начинать P* = 'начинать P', *переставать P* = 'начинать не P', *продолжать P* = 'не переставать P' = 'не начинать не P' и т.п. Нельзя ли в свете этого факта переформулировать (30) следующим образом:

(30') Если ПСемС (X) \supset 'начинать', то Y \neq сов.

Факты, однако, показывают, что формулировка (30') неверна, ибо в других случаях наличие в значении глагола смысла 'начинать' не препятствует тому, чтобы он управлял формой вида (V), инф, сов, ср.

(33) Он *вознамерился* (захотел, собрался) *послать министру открытое письмо,*

где в значения глаголов *вознамериться*, *захотеть*, *собраться*, *бесспорно*, входит смысл 'начинать'. Следовательно, (фаз) нельзя связать непосредственно, без дополнительных громоздких ограничений, с каким-либо одним компонентом в толкованиях соответствующих глаголов. Из этого в свою очередь следует, что, хотя признак фазовости мотивирован, он должен приписываться определенным глаголам независимо от их толкования. ¹²

Нетривиальные семантические признаки обладают всеми указанными свойствами синтаксических признаков. Во-первых, они дают возможность записывать лингвистическую информацию в сокращенном и обобщенном виде; во-вторых, в большинстве случаев каждый из них используется не в одном семантическом правиле, а сразу в нескольких независимых друг от друга правилах; в-третьих, каждый из них семантически мотивирован, т.е. отражает определенную семантическую особенность слова, но в общем случае не дублирует ее целиком. Отличие семантических признаков от синтаксических - одно: они используются не в синтаксических, а в (поверхностно-)семантических правилах - граммемно-лексемных и лексемно-лексемных. ¹³

Подробно семантические признаки лексем будут рассматриваться

ниже, в связи с поверхностно-семантическими правилами. Здесь мы в чисто иллюстративных целях обсудим один пример.

В Austin 1962 было выдвинуто понятие перформативности, с тех пор часто упоминавшееся в лингвистической литературе (см., в частности, Fillmore 1969, где впервые было предложено включать указание на перформативность, наряду с толкованием, в словарные статьи некоторых глаголов), но еще совершенно недостаточно изученное с лингвистической точки зрения. Ниже мы разовьем взгляд на перформативность как на типичный нетривиальный семантический признак.

Глагол X называется перформативным, если возможно такое употребление формы

(34i) X^(V), 1, ед, наст, действ, изъяв
которое равносильно выполнению обозначаемого этим глаголом действия, например,

(34ii) *Я клянусь (обещаю) вам, что этого не случится.*

Ср. неперформативное употребление перформативных глаголов:

(34iii) *Ты напрасно клянешься (Не клянись), я тебе все равно не поверю.*

(34iv) *Слуга клялся, что не видел кольца.*

(34v) *Я подхожу к отцу и клянусь, что это больше не повторится, но он по-прежнему недоверчиво качает головой (Praesens historicum).*

Существует мнение, что всякий глагол речи, т.е. глагол, включающий в свое толкование смысл 'говорить'/'сказать', перформативен, и что всякий перформативный глагол содержит этот смысл. Если бы дело обстояло таким образом, в семантическом признаке перформативности не было бы никакой нужды, потому что в любом правиле, где фигурирует этот признак, можно было бы сослаться непосредственно на смысловой компонент 'говорить'/'сказать'. В действительности, однако, перформативность не сводима к этому смыслу, хотя в большой степени мотивируется им.

С одной стороны, существуют глаголы, не обладающие свойством перформативности, хотя в их толкование входит смысловой компонент 'говорить'/'сказать', ср. *бормотать, бурчать, ворчать, прокартавить, прошепелявить, шептать* и другие, обозначающие манеру или дефект речи.

С другой стороны, существуют перформативные или очень близкие к перформативам глаголы, в толкование которых смысл 'сказать'

явным образом не входит. Мы можем назвать две группы глаголов такого рода (внимание автора на них обратили Л.Л.Иомдин и В.З.Санников).

В первую группу входят глагольные формы типа *боюсь, надеюсь*, употребление которых в бесподлежащей вводной конструкции подчиняется всем грамматическим ограничениям, характерным для перформативов (см. (34i)); ср. правильность (35i), (35ii) и неправильность или сомнительность (35iii) - (35vi):

- (35i) *Он, боюсь, уже пожаловался на вас.*
- (35ii) *Вы, надеюсь, не дура, и понимаете, что к чему.*
- (35iii) **Вы, боится (боялся), уже пожаловались на него.*
- (35iv) **Вы, надеется (надеялись), не дурак.*
- (35v) **Он, боимся (боялись), уже пожаловался на вас.*
- (35vi) *?Петр, надеемся (*надеялись), не дурак.*

Во вторую группу входят некоторые формулы приветствий и прощаний, особенно распространенные в эпистолярном жанре, ср. *целую, обнимаю, жму руку* и т.п. Они, скорее, квазиперформативны, так как называемые ими действия выполняются не физически, а лишь в воображении говорящего и адресата.

Перформативы имеют ряд синтаксических и семантических особенностей.

Одна из наиболее интересных синтаксических особенностей перформативов состоит в том, что в перформативном употреблении особенности глагольного управления могут меняться весьма существенным образом.

Глагол *благодарить* имеет три семантические валентности, из которых первая и вторая синтаксически обязательны; ср.

- (36i) *Гости [M₁] благодарят хозяев [M₂] за теплый прием [M₃].*
- (36ii) *Гости благодарят хозяев (M₃ = ∅).*
- (36iii) *?Гости благодарят за теплый прием (M₂ = ∅).*
- (36iv) **Гости благодарят (M₂ = ∅, M₃ = ∅).*
- (36v) **Благодарят хозяев за теплый прием (M₁ = ∅).*

Однако в перформативном употреблении фразы, в которых M₁ = ∅ и M₂ = ∅, вполне правильны:

- (37) *Вы мне очень помогли, благодарю.*

У глаголов *восторгаться, восхищаться, удивляться* и других подобных имеется, как показано в Иорданская 1971, особое значение,

формулируемое в общем виде как (38') и представленное во фразах (38i), (38ii):

(38') 'Человек X выражает определенную эмоцию по поводу факта или объекта Y, делая высказывание P'.

(38i) "Вот это да!" [P], - удивился он [X] моему приходу [Y].

(38ii) "Великолепно!" [P], - возмутился отец [X] картиной [Y].

При перформативном употреблении таких глаголов валентность содержания высказывания P, в других случаях факультативная, (ср. Отец громко возмущался картиной), должна, вместе с валентностью субъекта X, оставаться нереализованной. Можно сказать (39i), но не (39ii):

(39i) *Восхищаюсь (восторгаюсь) вами* ($M_1 = \emptyset$ и $M_3 = \emptyset$)

(39ii) **Великолепно, - восхищаюсь (восторгаюсь) вами* ($M_3 = \emptyset$)

Ограничения такого рода, записываемые в словарных статьях соответствующих глагольных лексем, описывают условия возможного ненасыщения синтаксически обязательных валентностей (ср. (37)) или условия обязательного ненасыщения синтаксически факультативных валентностей (ср. (39)). Следовательно, в конечном счете они определяют условия правильности поверхностно-синтаксических структур.

Использование признака перформативности в семантических правилах будет рассмотрено ниже, в разделе 2.2.3.

В разделе 1.5 мы описывали в самых общих чертах весь процесс перехода ГСС \Rightarrow ПСемС. Теперь рассмотрим более подробно первый этап этого процесса - тот, в правилах которого используются нетривиальные семантические признаки.

В узлах ГСС, как мы уже говорили, стоят имена лексем, фразем и глубинно-синтаксических слов, причем имена лексем и фразем снабжены набором граммем синтаксически необусловленных грамматических категорий - сов, несов, наст, прош, буд, изъяв, ед, мн и т.п. Этой информации для перехода ГСС \Rightarrow ПСемС недостаточно по следующим двум причинам: во-первых, каждой граммеме в общем случае соответствует не одно значение, а несколько разных, иногда очень существенно разных, значений; во-вторых, далеко не все значения граммемы способны сочетаться со значением соответствующей лексики. Рассмотрим оба эти свойства значений граммем.

Главным свойством разных значений одной граммы следует считать, вопреки широко распространенному, если не общепринятому мнению, отсутствие у них семантического инварианта. Нельзя, например, считать семантическими инвариантами грамм *наст*, *прош* и *буд* значения 'совпадение с моментом речи', 'предшествование моменту речи' и 'следование за моментом речи' соответственно.

Действительно, грамм *наст*, например, имеет не только первое из этих значений, т.е. значение собственно настоящего времени, но и два других названных выше значения тоже; ср. (40i) с первым значением, (40ii) - со вторым и (40iii) - с третьим:

(40i) *Я работаю, не мешайте мне.*

(40ii) *Вчера идет он по улице и видит...* (так называемое *Praesens historicum*, т.е. по смыслу прошедшее).

(40iii) *Когда же Лиходеев идет в Ялту?* (ср. (23iii)).

Аналогичными свойствами обладают и граммы *прош* и *буд*.

Грамм *прош* имеет значение действия, предшествующего моменту речи, в (41i), значение императива "настоящего" времени в (41ii), и значение действия, следующего за моментом речи, в (41iii):

(41i) *Вчера из Парижа в Москву прибыла спортивная делегация.*

(41ii) *А ну, встали!*

(41iii) *Ну, до свидания, я пошел.*

Наконец, грамм *буд* имеет "собственное" значение в (42i), значение настоящего в (42ii) и значение прошедшего в (42iii).

(42i) *Вы зайдете к нам завтра?*

(42ii) *Да вы кто такой будете?*

(42iii) *А ветер как гикнет, Как мимо просвищет
Как двинет барашком под звонкое днище!*

Таким образом, у каждой из трех грамм - *наст*, *прош* и *буд* - есть полный набор всех основных временных значений. Правда, значения эти очень разные; ср. (42iii) и менее эмоциональное, менее картинное *А ветер как мимо просвистел!* Однако это обстоятельство не только не опровергает тезиса об отсутствии у большинства грамм семантических инвариантов, но лишний раз подчеркивает условность большинства грамматических ярлыков. Если мы знаем о глагольной форме только то, что ей приписана грамм *наст*, мы еще ничего не знаем о ее значении. Чтобы осуществить

переход ГСС \Rightarrow ПСемС, необходимо иметь адекватные толкования всех значений грамем.

Здесь мы сталкиваемся с другим упомянутым выше принципиальным фактом, касающимся разных значений одной грамемы: они весьма избирательно сочетаются с лексемами разных семантических классов. В терминах понятий, которые были введены выше, можно было бы сказать, что возможность - невозможность реализации того или иного значения грамемы зависит от семантического признака, который приписан соответствующей лексеме.

Законы сочетаемости значений лексем и грамем задаются специальными правилами вида

$$(43i) X_{\alpha} \Leftrightarrow R_1^{\alpha} \xrightarrow{Y} 'X' | X = ('B'),$$

где X - узел ГСС, α - толкуемая грамма (в нашем случае - несов), R_1^{α} - ПСемС i -го значения этой грамемы (в нашем случае - сокращенное обозначение типа 'процессное', 'предстоящее' и т.п.), ' X ' - образ узла X на поверхностно-семантическом уровне, \xrightarrow{Y} - поверхностно-семантическое отношение, (' B ') - словарный поверхностно-семантический признак X - α . В дальнейшем мы будем записывать эти правила в сжатой форме импликаций вида

$$(43ii) \text{Если } X_{('B'),\alpha}, \text{ то } R_1^{\alpha} \text{ (или не } R_1^{\alpha}).$$

К рассмотрению этих правил мы и переходим.

2.2 Правила сочетаемости значений лексем со значениями грамем.

Из большого числа значений грамем мы будем рассматривать лишь некоторые значения грамемы несов. При этом в целях экономии места мы в данном разделе будем оперировать не толкованиями значений в собственном смысле слова, а их квазисемантическими названиями, т.е. условными именами значений, принятыми в исследованиях по русскому глагольному виду (см., например, Виноградов 1947; Рассудова 1968; Forsyth 1970; Бондарко 1971). В ряде случаев традиционные формулировки уточняются на основе наблюдений автора и с учетом результатов, содержащихся в Гловинская 1977а, Гловинская 1977б, Гловинская 1980б.

В аспектологической литературе рассматриваются, в частности, следующие значения грамемы несов, отчасти уже упоминавшиеся в нашей работе: актуально-длительное, или процессное (см. (23ii) и (40i)), настоящее намеренного действия (см. (23iii) и (40iii)) и так называемое прошедшее общефактическое (или аористическое). Последнее имеет три разновидности: двунаправленное, результативное,

нерезультативное. Все три разновидности общефактического, как это предполагается самим его названием, обозначают факт, имевший место в некоторый никак не уточняемый момент времени в прошлом. Рассмотрим их несколько подробнее.

Двунаправленное общефактическое представлено в предложении

(44) *К вам кто-то приходил,*

описывающем действие, результат которого был аннулирован противоположно направленным действием: кто-то пришел, а потом ушел.

Двунаправленное общефактическое несинонимично основному значению сов и характерно для глаголов, у которых есть, хотя бы по смыслу, лексические антонимы (ср. Рассудова 1968, 28).

Результативное общефактическое представлено в

(45) *Вы читали "Мастера и Маргариту"?*

Оно квазисинонимично основному значению сов.

Что касается нерезультативного общефактического, то оно, вследствие своей семантической близости к процессному значению несоев, до последнего времени вообще не выделялось аспектологами. В пользу того, что за ним все же следует признать статус самостоятельного значения, как это предложено в Гловинская 1980б, свидетельствуют факты омонимичности некоторых предложений. Так, в предложениях (46i) и (46ii) нерезультативное общефактическое и процессное значения отчетливо противопоставлены друг другу, что является бесспорным свидетельством их отдельности.

(46i) *На стене справа висела картина (говорящий помнит, что когда-то висела, хотя в описываемый момент не висит vs. висит в описываемый момент).*

(46ii) *А вот и дом, где жил его старый друг (жил в какое-то время до описываемого момента vs. жил в описываемый момент).*

В соответствии с существующей терминологической традицией пять перечисленных значений будут в дальнейшем фигурировать под следующими условными названиями: 'процессное', 'предстоящее', 'двунаправленное', 'общефактическое результативное', 'общефактическое нерезультативное'.

Теперь мы можем перейти непосредственно к правилам сочетаемости перечисленных значений граммем и некоторых лексем.

2.2.1 В русской грамматике и лексикографии принято различать моторно-некратные и моторно-кратные глаголы перемещения. К первому

типу относятся глаголы *бежать, брести, везти, вести, гнать, идти, катить, лететь, нести, плыть, тащиться* и т.п., а ко второму - глаголы *бегать, бродить, возить, водить, гонять, ходить, летать, носить, плавать, таскаться* и т.п. Обычное толкование моторнократного глагола содержит отсылку к соответствующему моторнонекратному глаголу и некую более или менее стандартную добавку, например,

(47i) *Бегать* = 'то же, что *бежать*, с той разницей, что *бегать* обозначает действие повторяющееся или совершающееся в различных направлениях, а также *взад и вперед*'.

(47ii) *Ходить* = 'то же, что *идти*, с той разницей, что *ходить* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях и в разное время' (МАС).¹⁴

В Апресян 1967 было замечено, что в пределах этого значения моторнократные глаголы имеют два принципиально различных подзначения, которые представлены соответственно фразами типа (48) и фразами типа (49):

(48) *Я сегодня ходил на работу (в магазин, к родителям, за хлебом, по грибы, купаться).*

(49) *Заклученные ходили из угла в угол (с места на место, взад и вперед, по тесному дворику).*

В (48) глагол управляет формами со значением конечной точки или цели, в (49) - формами со значением маршрута. Эти два типа форм несоподчинимы или почти несоподчинимы, ср. неправильность или сомнительность

(50i) **Я сегодня ходил на работу (к родителям, за хлебом, купаться) взад и вперед.*

(50ii) **Я сегодня ходил в магазин с места на место.*

Факт несоподчинимости управляемых форм при одном и том же глаголе в большинстве случаев указывает на то, что управляющее слово используется в разных значениях. Это безусловно верно применительно к нашему примеру (48)-(49), в котором первое значение можно огубно описать как перемещение туда и сюда вдоль одной линии, но в разное время, а второе - как перемещение вдоль разных линий, но в течение одного и того же актуально выделенного отрезка времени. Правильность такого разбиения косвенно подтверждается наличием в

русском языке моторно-кратных глаголов, не имеющих первого значения (ср. *бродить, кататься*).

Значения первого типа мы предлагаем описывать семантическим признаком 'временная кратность', а значения второго типа - семантическим признаком 'пространственная кратность'. Последний признак приписывается не только традиционно выделяемым моторно-кратным глаголам, каждый из которых имеет моторно-некратный коррелят, но и некоторым глаголам, не имеющим моторно-некратных коррелятов, например, *блуждать, кружить, петлять, порхать, слоняться, шататься* и т.п.

Реализация двух рассмотренных значений регламентируется следующими правилами семантической сочетаемости:

- (51) Если X = (V, 'временная кратность'), несов, то X = 'процессное' и X = 'общефактическое результирующее' и X = 'общефактическое нерезультирующее'.

Это правило исключает, в частности, возможность процессной интерпретации фраз типа (48), но оставляет возможность их двунаправленного общефактического осмысления. Заметим, что моторно-некратные глаголы (*Я иду (бегу) на работу*) ведут себя в этом отношении диаметрально противоположным образом: они вполне хорошо сочетаются с процессным значением несов, но совершенно исключают возможность каких-либо общефактических осмыслений.

- (52) Если = (V, 'пространственная кратность'), несов, то X = 'двунаправленное' и X = 'общефактическое результирующее'.

Это правило исключает возможность двунаправленной или результирующей интерпретации фраз типа (49), но оставляют возможность их процессной и, может быть, нерезультирующей интерпретации.

2.2.2 В Маслов 1948 отмечается, что глаголы типа *прибегать, приводить, привозить, пригонять, прилетать, приносить, припливать, притаскивать, приходить* и т.п. в несовершенном виде не имеют длительного значения; ср. неправильность (53i)-(53iv), где имеется типичный для длительного (процессного) значения контекст - обстоятельства длительности типа *долго, два часа* или актуализаторы типа *посмотри*:

- (53i) *Он долго приходит на работу,
 (53ii) *Судно два часа припливает в порт,
 (53iii) *Почтовый самолет недолго прилетал,
 (53iv) *Посмотри, он приносит свои вещи (приходит из школы).

В литературе отмечаются и другие глаголы, не способные употребляться в длительном значении, например, *находить* (**Посмотри, он находит кошелек на дороге*), *видать* и *слыхать* в противоположность *видеть* и *слишать* (**В сгущающихся сумерках он плохо видал берег vs. ...плохо видел берег, *В этом грохоте он плохо слышал vs. ... плохо слышал*)¹⁵, но они в большинстве случаев представляют достаточно изолированные явления в русском языке. Между тем выделенная выше группа допускает, на первый взгляд, простое обобщение: процессного значения не имеют глаголы перемещения с приставкой *при-*.

Это, как будто, подтверждается тем, что глаголы перемещения с приставкой *под-*, семантически близкие к рассматриваемым глаголам, имеют процессное значение, ср. *Войска долго подходили к стенам крепости, Судно два часа подплывало к причалу*. Есть оно и у глаголов с антонимичной *при-* приставкой *у-*, ср. *Судно медленно уплывало в ночь, Посмотри, он уносит свои вещи (уходит из школы)*.

Более пристальный анализ фактов показывает, однако, что нет никаких оснований связывать интересующее нас свойство с морфологической структурой глаголов на *при-*. Во-первых, сами эти глаголы в переносных значениях, в которых они, между прочим, сохраняют центральную для понятия перемещения идею изменения, могут иметь процессное значение (этот факт тоже отмечен в Маслов 1948):

(54i) *Врач два часа приводил его в чувство,*

(54ii) *Ну, что, все еще приходишь в себя?*

Во-вторых, тем же самым свойством - неспособностью к употреблению в длительном несовершенном - обладают некоторые другие глаголы со значением прибытия, либо вовсе не имеющие приставок, либо включающие приставки, отличные от *при-*, например, *заявляться, появляться, являться*:

(55) **Он два часа являлся на собрание (появлялся в зале, заявлялся со своими друзьями).*

Таким образом, рассматриваемое ограничение имеет не столько морфологическую, сколько семантическую природу. Было бы, однако, опрометчиво связывать его и со смыслом 'прибытие'. Действительно, можно назвать по крайней мере одну большую группу глаголов русского языка, в значение которых входит этот смысловой компонент, но которые, тем не менее, способны употребляться в процессном значении. Мы имеем в виду возвратные глаголы перемещения с приставкой *с-*, значение которых в общем виде можно описать следующим образом:

(56) 'Многие объекты X с разных сторон прибывают в место Y'.

(57i) *Зеваки сходятся на площадь,*

(57ii) *Со всех сторон сюда стекаются потоки грязной воды,*

(57iii) *В комнату, где началась драка, сбегались соседи.*

Следовательно 'прибытие' - это не смысл, а типичный семантический признак, который должен быть приписан глаголам *приходить*, *прилетать*, *являться*, *заявляться* и некоторым другим, но не глаголам *сбегаться*, *слетаться*, *сходиться* и т.п. С перечисленными уточнениями интересующее нас правило приобретает следующий вид:

(58) Если X = (V, 'прибытие'), несов, то X = 'процессное'.

Другая большая и семантически легко выделяемая группа глаголов, не имеющих процессного значения, - это глаголы так называемого многократного способа действия (*хаживать*, *сиживать*, *говаривать*), которым в словаре должен приписываться семантический признак 'многократность'.

Аналогичные ограничения для изолированных глаголов типа *видать*, *слихать*, *находить* целесообразней оговаривать непосредственно в их словарных статьях, а не описывать с помощью семантических признаков.

2.2.3 В разделе 2.1 мы упоминали признак перформативности и его роль в некоторых синтаксических правилах. Перформативные глаголы обладают и весьма интересным семантическим свойством - в перформативном употреблении они не сочетаются с процессным значением несом; формально:

(59) Если X = (V, 'перформативность'), несом, наст, действ, изъяв, 1, ед, то X = 'процессное'.

О справедливости (59) свидетельствует тот факт, что перформативное использование перформативного глагола невозможно в контексте обстоятельства длительности:

(60) **Я долго клянусь, что он невиновен.*

Фраза типа (60) может быть правильной только в Praesens historicum. Любопытно, что в английском языке перформативные глаголы в перформативном смысле нельзя использовать в форме Present continuous как раз в тех условиях, где по всем правилам традиционной грамматики должна быть употреблена именно эта форма. Говорят I promise you, swear to you, beg your pardon, apologize, а не I am promising you, swearing to you, begging your pardon, apologizing,

хотя описываемое действие происходит, как будто, в момент речи, как это и требуется правилами употребления Present continuous.

2.2.4 Введем еще один семантический признак - 'стативность'.

Он приписывается глаголам, обозначающим: 1) эмоциональные состояния, ср. *любить, ненавидеть, уважать, гордиться, стидиться, удивляться*; 2) интеллектуальные состояния, ср. *знать, понимать, считать*; 3) волевые состояния, ср. *жаждать, желать, хотеть*; 4) существование, ср. *бить, иметься, существовать*.

Семантический признак 'стативность' не эквивалентен смыслу 'состояние', так как приписывается некоторым глаголам (ср. группу 4)), в толкование которых этот смысл явным образом не входит. С другой стороны, признак 'стативность' приписывается далеко не всем глаголам, в толкование которых смысл 'состояние' должен быть включен, ср. *бодрствовать, отдыхать, спать*.

Признак 'стативность' используется в следующем правиле:

(61) Если X = (V, 'стативность'), несов, то X = 'предстоящее' и X = 'двунаправленное' и X = 'общефактическое резуль- тативное'.

Этим правилом запрещаются, в частности, фразы

(62i) *Завтра я люблю (ненавижу) вас,

(62ii) *Завтра даже средние студенты знают (понимают) теореме- му Бернулли,

(62iii) *Со дня на день бойцы жаждут битвы.

Сказанному, как будто, противоречит факт правильности фраз типа

(63i) *Завтра я хочу ехать в Москву.*

Однако в таких фразах обстоятельство времени связано, по крайней мере семантически, не с управляющим, а с управляемым глаголом (*ехать завтра*). Таким образом, управляющий глагол в них используется в обычном процессном значении, а не в значении предстоящего действия. С другой стороны, во фразах типа

(63ii) *Завтра я захочу ехать в Москву*

обстоятельство времени семантически связано с управляющим глаголом но и этот факт не противоречит правилу (61), поскольку начинатель- ный глагол *захотеть* не обладает признаком стативности.

Признак 'стативность' нужен и для многих других правил. Ста- тивные глаголы не имеют, например, соотносительных форм совершен-

ного вида (семантические различия в парах *любить - полюбить, ненавидеть - возненавидеть, удивляться - удивиться, понимать - понять, считать - счесть, посчитать, жаждать - возжаждать, желать - пожелать, хотеть - захотеть* - не такие, как в классических "чисто видовых" парах). Кроме того, у формально переходных стативных глаголов нет естественно ожидаемой возвратной формы со страдательным значением (ср. неправильность **Он любится* (**ненавидится, ?уважается*) *всеми, кто его знает, ?Теорема Бернулли плохо вами понимается, *А что считается вами?*). Наконец, стативные глаголы имеют только одну разновидность процессного значения - собственно процессное - и неспособны к актуально-длительному употреблению (ср. неправильность **Смотри, он знает* (?*понимает*) *теорему Бернулли*).¹⁶

До сих пор мы говорили о правилах сочетаемости значений лексем и граммем в пределах одной словоформы. Перейдем к правилам сочетаемости значений разных словоформ, которые выше были условно названы лексемно-лексемными.

2.3 Правила сочетаемости значений лексем между собой.

В этом разделе, в соответствии с нашим общим планом, мы будем говорить лишь о таких правилах сочетаемости, которые формулируются в терминах нетривиальных семантических признаков и носят, следовательно, общий, "грамматический" характер. Помимо них в модели "Смысл \leftrightarrow Текст" имеются и другие, чисто словарные правила семантической сочетаемости - несочетаемости, обращающиеся непосредственно к толкованиям соответствующих лексем. Правила этого второго типа образуют, по существу, часть синтактики соответствующих языковых знаков. Несколько более подробных замечаний о них см. в разделе 3.3.

2.3.1 В Fillmore 1969 введено понятие фасадности, которому, на наш взгляд, следует придать статус нетривиального семантического признака.

Признак фасадности присваивается именам предметов, имеющих такую выделенную сторону, через которую в норме осуществляется их использование, в частности, проникновение в них. У нефасадных предметов такой выделенной стороны нет. Так, фасадным предметом является кресло в отличие от табурета: при нормальном использовании кресла на него можно сесть только с одной стороны (с трех других сторон этому препятствуют ручки или спинка), а табурет открыт для

использования по своему прямому назначению с любой из сторон. Равным образом фасадным является зеркало в отличие от простого стекла, письменный стол в отличие от обеденного, диван в отличие от топчана, шкаф в отличие от этажерки и т.д. Фасадные предметы чаще встречаются среди артефактов, чем среди природных объектов; наоборот, нефасадные предметы чаще встречаются среди природных объектов, чем среди артефактов.

Важно подчеркнуть, что в толкованиях фасадных существительных нет никакого общего смысла, с которым можно было бы связать свойство фасадности: каждый раз это свойство воплощается в особом физическом параметре данного предмета или данного класса предметов, отличающем его от других предметов или других классов предметов.

Рассмотрим теперь два типа значений пространственных предлогов *за* и *перед* (см. Апресян 1974, 111-112).

В предложениях

(64i) *Перед зеркалом стоял столик,*

(64ii) *Перед домом был разбит палисадник*

реализуется первое пространственное значение предлога *перед*, которое может быть истолковано следующим образом:

(64') *X находится перед Y-ом = 1.* 'X находится с той стороны Y-а, через которую Y нормально используется, и на таком расстоянии от Y-а, которое соизмеримо с размерами Y-а' | $Y = ('фасадность')$.

Указание на соизмеримость расстояния между X-ом и Y-ом с размерами самого Y-а необходимо: если размеры предмета намного (скажем, на порядок) превосходят это расстояние или уступают ему, использование предлога *перед* становится неуместным. То же замечание относится и к толкованию *за 1*. (см. 66').

В предложениях

(65i) *Перед горой лежало озеро,*

(65ii) *Перед нкем стоял огромный боровик*

реализуется второе пространственное значение предлога *перед*, толкуемое так:

(65') *X находится перед Y-ом = 2.* 'X находится между Y-ом и наблюдателем, размеры X-а и Y-а соизмеримы, и говорящему представляется, что расстояние от Y-а до

Х-а невелико и что оно не больше или не намного больше, чем расстояние от Х-а до наблюдателя' | Y = ('нефасадность').

Следует пояснить выбор модальной рамки ('говорящему представляется'), указание о соизмеримости размеров Х-а и Y-а и указание о соотношениях расстояний.

Для *перед* 2 существенны, действительно, не объективные расстояния между предметами, а только визуальные впечатления говорящего о них: если, например, говорящий находится в километре от берега большого озера, а по другую сторону озера на расстоянии 10 километров от него находится настолько большая гора, что в условиях плохой видимости или оптического обмана она зрительно воспринимается как расположенная сразу за озером, эта ситуация, бесспорно, может быть описана предложением *Перед горой лежало озеро*.

Указание о соизмеримости размеров Х-а и Y-а необходимо для объяснения аномальности фраз типа ²*Перед кустом лежало (громадное) озеро*.

Чтобы обосновать необходимость указаний о величине расстояния между Х-ом и Y-ом и о соотношении расстояний "Y - X" и "X - наблюдатель", рассмотрим некоторые варианты ситуации, описанной в (65ii). Если, например, говорящий ясно видит, что боровик находится на расстоянии 10-12 метров от пня, то вряд ли он опишет воспринимаемую картину фразой (65ii), независимо от того, где находится сам говорящий или другой наблюдатель. С другой стороны, расстояние "Y - X" может представляться говорящему намного меньшим, чем расстояние "X - наблюдатель", но не намного большим: если говорящий стоит в одном шаге от боровика, а от боровика до пня - полтора метра, то такая ситуация тоже не может быть описана фразой (65ii).

Оба замечания переносятся, *mutatis mutandis*, на (67').

Аналогичным образом определяются соответствующие пространственные значения предлога *за*.

(66i) *За зеркалом стояла картина,*

(66ii) *За домом начинались огороды.*

(66') *X находится за Y-ом = 1. 'X находится со стороны Y-а, противоположной той, через которую Y нормально используется, и на таком расстоянии от Y-а, которое*

соизмеримо с размерами $Y-a' | Y = ('фасадность')$.

(67i) *За озером висилась гора,*

(67ii) *За пнем во мху стоял огромный боровик*

(67') *X находится за Y-ом = 2. 'Y находится между X-ом и наблюдателем, размеры X-а и Y-а соизмеримы, и говорящему представляется, что расстояние от X-а до Y-а невелико и что оно не больше или не намного больше, чем расстояние от Y-а до наблюдателя' | Y = ('нефасадность').*

Как видим, первое пространственное значение предлогов *перед* и *за* реализуется в контексте признака фасадности, а второе пространственное значение тех же предлогов - в контексте признака нефасадности.

2.3.2 Признак фасадности является частным случаем более общего семантического признака абсолютной пространственной ориентации. По-видимому, все фасадные предметы обладают и свойством абсолютной пространственной ориентации, хотя есть абсолютно ориентированные предметы, не обладающие свойством фасадности.

Признаки абсолютной - относительной пространственной ориентации описаны в Bierwisch 1967 и Апресян 1974. Ниже воспроизводятся, с некоторыми уточнениями, основные рассуждения на эту тему, содержащиеся в упомянутой работе автора.

Семантические признаки абсолютной и относительной ориентации приписываются одним существительным для того, чтобы формулировать правила выбора значений других слов - пространственных существительных, прилагательных и наречий *верх - низ, верхний - нижний, перед - зад, передний - задний, голова - хвост, головной - хвостовой, начало - конец, первый - последний, бок, фланг, левый - правый, слева - справа* и т.п. - в словосочетаниях типа

(68i) *верх (низ) шкафа,*

(68ii) *верх (низ) кубика.*

Ясно, что существительные *верх* и *низ* в (68i) и (68ii) имеют не вполне совпадающие значения: *верх (низ) шкафа* не перестает быть *верхом (низом)*, независимо от того, как стоит шкаф (он может, в частности, стоять вверх тормашками) и откуда мы на него смотрим. Между тем, *верх (низ) кубика* меняется в зависимости от его поло-

жения: верх (низ) кубика - это та его грань, которая в момент наблюдения расположена выше (ниже) всех прочих его граней.

Существительному приписывается признак абсолютной ориентации по определенному линейному измерению (например, по верху - низу), если пространственная ориентация соответствующего предмета задается исключительно строением последнего. Существительному приписывается признак относительной ориентации по определенному линейному измерению, если пространственная ориентация соответствующего предмета задается не строением последнего, а его наблюдаемым положением или перемещением или положением/перемещением другого предмета, в частности, наблюдателя. Признак абсолютной ориентации по верху - низу приписывается, например, существительным *шкаф, картина, самолет, гора, дерево*, а признак относительной ориентации - существительным *кубик, шар, брусок, полено*.

Очевидно, что один и тот же предмет может обладать свойством абсолютной пространственной ориентации по одному измерению и свойством относительной пространственной ориентации по другому. Таковы, например, вагоны электропоезда, абсолютно ориентированные по верху - низу и относительно ориентированные по головной части - хвостовой части и левой стороне - правой стороне. В отличие от этого паровозы абсолютно ориентированы не только по верху - низу, но и по головной части - хвостовой части и относительно ориентированы лишь по левой стороне - правой стороне. Вообще надо сказать, что абсолютная ориентация по верху - низу встречается чаще, чем абсолютная ориентация по головной части - хвостовой части, а эта последняя - чаще, чем абсолютная ориентация по правой стороне - левой стороне. По правой стороне - левой стороне абсолютно ориентированы преимущественно живые существа, некоторые используемые людьми парные предметы (например, предметы одежды и обуви) и единичные другие объекты, например, реки, а в большинстве случаев имеет место ориентация относительно наблюдателя - реального или только воображаемого.

В словосочетаниях типа (681) и (681i) выбор нужных значений существительных *верх, низ* обеспечивается следующими средствами (ср. Wierzbicka 1972, 101):

- (68' i) *Верх* (верхняя часть) $X-a = 1$. 'та часть Y предмета X , которая при его нормальном положении находится дальше от земли или от точки опоры $X-a$, чем все другие его части' | $X =$ ('абсолютная ориентация по верху/низу').
- (68'' i) *Низ* (нижняя часть) $X-a = 1$. 'та часть Y предмета X , которая при его нормальном положении находится ближе к земле или к точке опоры $X-a$, чем все другие его части' | $X =$ ('абсолютная ориентация по верху/низу').
- (68' ii) *Верх* (верхняя часть) $X-a = 2$. 'та часть Y предмета X , которая в момент наблюдения находится дальше от земли или от точки опоры $X-a$, чем все другие его части' | $X =$ ('относительная ориентация по верху/низу').
- (68'' ii) *Низ* (нижняя часть) $X-a = 2$. 'та часть Y предмета X , которая в момент наблюдения находится ближе к земле или к точке опоры $X-a$, чем все другие его части' | $X =$ ('относительная ориентация по верху/низу').

Приведем без комментариев аналогичные значения прилагательных *передний* и *задний*.

- (69 i) *Передние* (задние) колеса автомобиля (ноги лошади), *передняя* (задняя) ось автомобиля.
- (69' i) *Передний* Y $X-a = 1$. 'та часть Y предмета X , которая является первой относительно направления нормального перемещения $X-a'$ ' | $X =$ ('абсолютная ориентация по переднему/заднему').
- (69'' i) *Задний* Y $X-a = 1$. 'та часть Y предмета X , которая является последней относительно направления нормального перемещения $X-a'$ ' | $X =$ ('абсолютная ориентация по переднему/заднему').
- (69 ii) *Передние* (задние) машины автопоезда, *передние* (задние) шеренги колонны демонстрантов.
- (69' ii) *Передний* Y $X-a = 2$. 'та часть Y предмета X , которая является первой относительно направления его наблюдаемого перемещения' | $X =$ ('относительная ориентация по переднему/заднему').
- (69'' ii) *Задний* Y $X-a = 2$. 'та часть Y предмета X , которая является последней относительно направления его наблюдаемого перемещения' | $X =$ ('относительная ориентация по переднему/заднему').

2.3.3. В Апресян 1974 введено понятие предельных прилагательных, статус которого в то время был не вполне ясен автору. Сейчас достижима несколько бóльшая степень ясности: предельность может рассматриваться как нетривиальный семантический признак (это, впрочем, не единственная мыслимая трактовка; см. примечание 19).

Предельным мы называем прилагательное, обозначающее такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень (предел). Таковы, например, прилагательные цвета. Если спектр разделить на участки, называемые основными русскими цветообозначениями (*красный, оранжевый, желтый* и т.п.), то максимальной степени (пределу) определенного цвета будет соответствовать середина соответствующего участка. Действительно, на участке красного цвета, например, уклонение в одну сторону будет давать постепенный переход в оранжевый цвет, а уклонение в другую сторону - в фиолетовый. Середина же участка будет соответствовать идеально красному цвету. Аналогичным образом обстоит дело и со всеми другими цветообозначениями.

В соответствии с этим прилагательным цвета приписывается семантический признак предельности.

Как следует из данного выше описания, прилагательное является непредельным в двух случаях:

- а) либо оно обозначает неградуируемое свойство (ср. *красный* = 'относящийся к революционной деятельности', например, *красная Москва, красные войны*);
- б) либо оно обозначает такое градуируемое свойство, которое не имеет максимальной степени (ср. *длинный, высокий, глубокий, далекий*).

Кроме прилагательных цвета предельными в указанном выше смысле являются прилагательные формы (*круглый, квадратный*, ср. *идеально круглый (квадратный)*), основные прилагательные оценки (*хороший, плохой*) и параметрические прилагательные, обозначающие "малый" участок шкалы линейного размера (*короткий, низкий, мелкий, близкий, узкий*).

Последняя группа предельных прилагательных заслуживает нескольких дополнительных замечаний, во-первых, потому, что признак предельности парадоксальным образом разводит в разные классы такие семантически близкие прилагательные, как антонимы типа *высокий - низкий*, во-вторых, потому, что у параметрических прилагательных он проявляет себя совсем иначе, чем у прилагательных цвета. И то, и дру-

гое объясняется спецификой той "наивной геометрии", понятия которой закрепляются в словах естественного языка.

Эта наивная геометрия допускает бесконечное увеличение большинства линейных размеров предметов, но не их бесконечное уменьшение. Так, "большой" участок шкалы высоты не имеет никакой предельной точки: высокий предмет можно бесконечно увеличивать в высоту, и он все равно будет называться *высоким*. Аналогичными свойствами обладают и прилагательные *глубокий*, *далекий*, *длинный*, тоже совместимые с представлением о никак не ограниченном увеличении соответствующего линейного размера или расстояния. Между тем, на "малом" участке шкалы высоты (длины и т.д.) предельная точка есть: это - та точка, где перестает действовать шкала высоты (длины) и начинает действовать шкала другого линейного размера или размер вообще.

Если, например, мы будем уменьшать высоту *высокого* сплошного цилиндра, то с какого-то момента его надо будет называть *низким*. При дальнейшем уменьшении высоты наступит момент, когда этот предмет станет *толстым*, а впоследствии - *тонким* и утратит в русском языке право называться *цилиндром*, превратившись с наивной точки зрения в *круг*.¹⁷ Взлетная полоса аэродрома может быть *длинной* и *широкой*. Если ее постепенно укорачивать, то рано или поздно она станет *короткой*, а с момента, когда она приобретет форму квадрата, ее нельзя будет называть ни *короткой*, ни тем более *длинной* (у нее останется только размер вообще). Дальнейшее уменьшение того же линейного размера приведет к тому, что он станет оцениваться как *ширина*, а тот линейный размер, который был до этого *шириной*, станет называться *длиной*.

В обоих рассмотренных случаях предельными оказываются точки, в которых один линейный размер превращается в другой.

Как видим, предельность проявляет себя очень по-разному у прилагательных разных семантических классов, в частности, у прилагательных цвета и размера. Поэтому она не может быть сведена ни к какому общему смысловому компоненту в их толкованиях. Это - нетривиальный семантический признак.

Признак предельности распространяется, как легко догадаться, далеко не на все значения прилагательного. Например, он должен быть приписан значениям прилагательных *здоровый*, *короткий*, *красный*, представленным в левой колонке (70i)-(70iii), и не должен быть приписан

другим значениям этих прилагательных, представленным в правой колонке (70i)-(70iii):

(70i) *здоровый ребенок vs. здоровый черт!* ('очень сильный'),

(70ii) *короткий шнур vs. короткое замыкание,*

(70iii) *красный галстук vs. красный воин.*

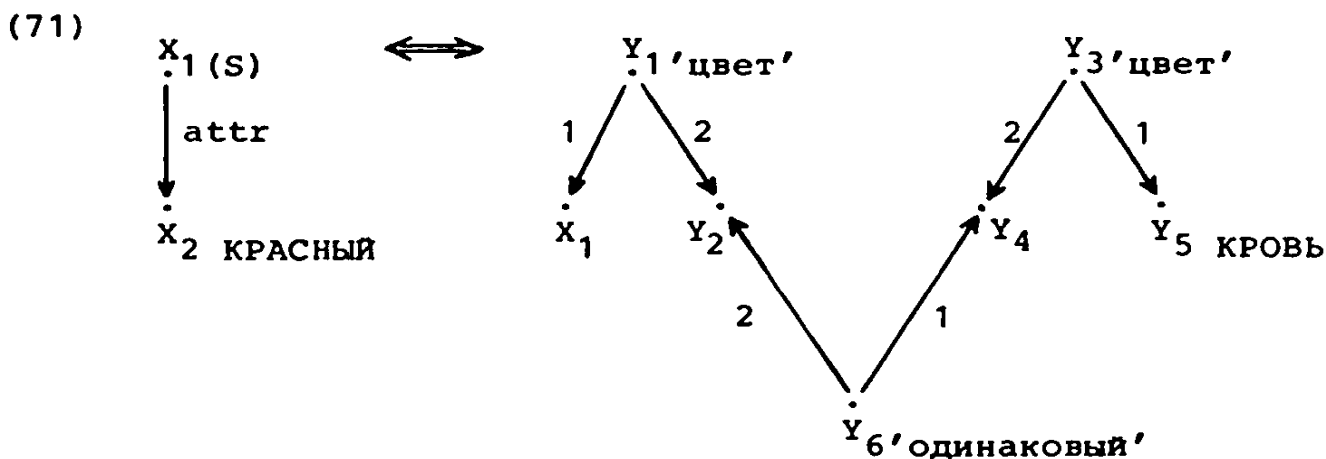
только предельные прилагательные обладают способностью сочетаться с наречиями типа *совсем, совершенно, абсолютно, идеально*, обозначающими полную степень признака.¹⁸ Это и понятно: *совсем* (*совершенно*) *низкий* (*топчан*) обозначает близость свойства *низкий* к его пределу, а *абсолютно* (*идеально*) *белый* (*снег*) обозначает предельную степень *белого*. Что касается сочетаний типа [?]*совсем* (*совершенно*) *высокий* (*столб*), *абсолютно* (*идеально*) *длинный* (*ремень*), то они представляются большинству информантов сомнительными или невозможными, в частности, потому, что в нормальных условиях не имеют смысла. Сказанное позволяет нам сформулировать следующее правило выбора значения прилагательного на этапе ГСС ↔ ПСемС:

(70') Если $X_{(A)} \xrightarrow{\text{attr}} Y_{(Adv, \text{'полная степень'})}$
то $X = (\text{'предельность'})$.¹⁹

3. Толкование значащих единиц языка.

С содержательной точки зрения объектом толкования является наивное понятие, закрепленное в языковой единице. В общем случае наивное понятие отличается от научного способом изображения внеязыковой ситуации, фиксацией положения наблюдателя относительно объектов описываемой действительности и указанием того, как говорящий оценивает описываемую ситуацию и какую оценку этой ситуации он предполагает у слушающего. Следовательно, в наивном понятии, кроме внеязыковой ситуации, могут отражаться еще некоторые аспекты ситуации восприятия и ситуации общения (подробнее об этом, а также об эвристических приемах поиска толкований и приемах их верификации см. Апресян 1974).

С формальной точки зрения объектом толкования является фрагмент обобщенной ГСС, содержащий толкуемую единицу (ср. Мельчук 1974а, 178 и сл.), например,

(71) отражает представление о красном как о цвете, одинаковом с цветом крови.

Поддереву $X_1 \xrightarrow{\text{attr}} X_2 \text{ КРАСНЫЙ}$ считается фрагментом обобщенной ГСС, потому что оно представляет не одну ГСС, а большой класс ГСС, в которых лексема *красный* атрибутивно подчинена какому-то существительному.

В действительности положение несколько сложнее: объектом толкования является не один фрагмент обобщенной ГСС, а некоторое множество фрагментов, отражающее все типы синтаксических связей между произвольным существительным и прилагательным *красный*, для которых правило (71) сохраняет силу. В число этих фрагментов входит, в частности, и тот фрагмент, в котором существительное связано с прилагательным через связку, ср. *Солнце было красным*. Дело в том, что

и в этом случае для семантической интерпретации прилагательного используется правило (71), а значение времени и наклонения, которыми предложения типа *Солнце было красным* отличается от словосочетания *красное солнце*, извлекаются не из синтаксических отношений, а из соответствующих граммем глагола-связки.

Представление о том, что объектом толкований является множество фрагментов обобщенных ГСС, является тривиальным, но необходимым уточнением некоторых прежних формулировок, в силу которых объектом толкования считалась ситуационная или сентенционная форма, содержащая толкуемое слово. Это представление прямо вытекает из того факта, что на вход поверхностно-семантического компонента поступают ГСП предложений (перерабатываемые на выходе в ПСемС): чтобы толкование языковой единицы было применимо к ГСП, его левая (входная) часть должна быть записана именно на глубинно-синтаксическом языке. Впрочем, в рамках данной работы это обстоятельство имеет для нас лишь теоретический интерес, ибо наши толкования, как мы уже говорили, будут неформальными.

3.1. Структура толкований.

В том, что традиционно считается значением слова или предложения, с давних пор принято различать несколько разных слоев смысла.

Г.Фреге был, по-видимому, первым ученым, выделившим в смысле предложения часть, получившую впоследствии название пресуппозиции (Frege 1892). С тех пор это понятие интенсивно обсуждалось в логической литературе, а с конца 60-х годов (Fillmore 1969) прочно вошло и в лингвистический обиход. Содержательный аналитический обзор различных пониманий термина "пресуппозиция" дан в Garner 1971; нам достаточно указать только то понимание пресуппозиции, которое представляет интерес для теории толкований языковых единиц.

Под пресуппозицией мы будем понимать, в соответствии с безусловно господствующей точкой зрения, ту часть толкования языковой единицы, которая остается неизменной под отрицанием; часть толкования, меняющаяся под отрицанием, называется утверждением. Иллюстрацией понятия пресуппозиции может служить общепринятое толкование основного значения частицы *только*:

(72) *X делает только Y* \cong 'X делает Y, и не существует Z, отличного от Y, такого, что X делает Z'.

(73) *X делает не только Y* \cong 'X делает Y, и существует Z, отличный от Y, такой, что X делает Z'.

Как можно видеть из (73), первая часть толкования ('X делает Y') остается неизменной под отрицанием и, следовательно, образует пресуппозицию *только*, а вторая часть толкования отрицается и, следовательно, образует собственно утверждение.

Итак, по одному признаку - отношению к отрицанию - толкование делится на пресуппозиционную и асертивную части.

С другой точки зрения толкование делится на описание факта, являющегося предметом сообщения (в частном случае - описание ситуации действительности), и описание того, как к этому факту относятся непосредственные участники общения. Более точно, в толковании некоторых языковых единиц необходимо включать оценку описываемой ситуации говорящим и предполагаемое говорящим отношение к этой ситуации со стороны адресата. Указанная часть толкования получила название модальной рамки.²⁰ Хотя модальные рамки, даже значительные по объему, вносят реально очень небольшой вклад в значения соответствующих единиц, игнорировать их ни в коем случае нельзя.

Модальные рамки - характерная черта вопросительных, отрицательных, ограничительных, усилительных и выделительных частиц, семантическое описание которых всегда было камнем преткновения для грамматистов и лексикографов. Ниже мы разберем два примера, из которых первый уже упоминался нами в других работах, но здесь рассматривается в новых аспектах.

Во фразах типа

(74i) *Даже Петя понял объяснение,*

(74ii) *Петя-то понял объяснение*

все толковые словари русского языка описывают слова *даже* и *-то* как "выделительные или усилительные частицы", употребляющиеся для "подчеркивания того слова или словосочетания, к которому относятся".

На основании подобных объяснений можно сделать вывод, что *даже* и *-то* синонимичны. Между тем (74i) и (74ii), различающиеся только этими частицами, воспринимаются скорее как антонимичные высказывания. Корректные толкования должны вскрывать эту интуитивно ощущаемую антонимичность.

(74'i) *Даже X сделал Y = 'X сделал Y; говорящий считал вероятным, что другие сделают Y; говорящий считал вероятным, что X не сделает Y'*

(уточнение толкования, заимствованного из Wierzbicka 1969).

(74'ii) *X-то сделал Y = 'X сделал Y; говорящий считал вероятным, что X сделает Y; говорящий считал достаточно вероятным, что другие не сделают Y'.*

В (74' i) тот факт, что X сделал Y, представляется говорящему неожиданным, а в (74' ii) - само собою разумеющимся. Кроме того, в (74' i) предполагается, что другие сделают Y, а в (74' ii) допускается, что другие не сделают Y.

Рассмотрим теперь вопросительные частицы *разве* и *неужели* в предложениях типа

(75i) *Разве там можно обеспечить хороший бит?*,

(75ii) *Неужели там можно обеспечить хороший бит?*

Другие примеры: *Разве (неужели) вам не страшно?*, *Разве (неужели) ты своего сына не любила?*, *Разве (неужели) они поедут вместе?*, *Разве (неужели) это танк?*, *Разве (неужели) другой должности для тебя не найдется?*, *Разве (неужели) он может нравиться женщинам?*, *Разве мы не обязаны делиться друг с другом?*, *Разве я говорю что-нибудь дурное?*, *Неужели мне суждено провести всю остальную жизнь в одиночестве?*, *Неужели он согласится?*

В Грамматике 1960, 645 эти частицы истолкованы следующим образом: "Частица *разве*... выражает сомнение и недоверие или даже уверенность в противоположном"; "Частица *неужели*... выражает сомнение или даже убежденность спрашивающего в противоположном". Из этих толкований можно сделать вывод, что *разве* и *неужели* - точные синонимы. К такому же заключению подталкивают и формулировки словарей: *неужели* = 'разве? возможно ли?', *разве* = 'так ли, правда ли, что?' (Ожегов, 1972); *разве* = 'выражает сомнение, недоверие, удивление', *неужели* = 'разве? возможно ли? Кроме вопроса выражает сомнение, недоверие, удивление' (МАС); *разве* = '... неужели; возможно ли, что', *неужели* = 'разве' (БАС).

Между тем, языковая интуиция восстает против того, что *разве* и *неужели* - точные синонимы. Об их существенных смысловых различиях (при довольно большом сходстве) свидетельствует хотя бы тот факт, что с ними связываются совершенно разные интонационные рисунки. Если исключить ситуации логического или эмфатического выделения отдельных слов в предложении, то можно утверждать, что а) на *неужели* всегда падает фразовое ударение, а на *разве* - никогда; б) на *неужели* всегда приходится вершина интонационного контура, а на *разве* - никогда; в) предложение с *неужели* произносится всегда с

нисходящим тоном (ИК-2 по Брызгунова 1969), а предложение с *разве* - всегда с восходящим (ИК-3 по Брызгунова 1969). Крайне мало вероятно, чтобы точные синонимы были столь различны в интонационном отношении: ведь интонация очень семантична.

Отправным пунктом при поиске более правильного толкования частиц *разве* и *неужели* могло бы послужить именно это различие в ассоциируемых с ними интонационных контурах. Чисто "интеллектуальное" *разве*, прежде всего, усиливает общий вопрос (ИК-3), центральная идея которого состоит в том, что говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть некое высказывание. Сверх этого, но во вторую очередь, *разве* предполагает, что говорящий, вопреки некоторым обстоятельствам, испытывает сомнения по поводу обсуждаемой ситуации. В повышенно эмоциональном *неужели* основная и периферийная части толкования распределены иначе. *Неужели* в первую очередь выражает удивление говорящего перед лицом фактов или высказываний, которые представляются ему крайне мало правдоподобными, и лишь во вторую очередь усиливает общий вопрос.

В свете сказанного более близкими к существу дела, хотя, видимо, и не исчерпывающими, кажутся следующие толкования:

(75' i) *Разве P?* \cong 'До момента речи говорящий считал, что не P; в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие P; сомневаясь, что P, говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть P'.

(75' ii) *Неужели P?* \cong 'До момента речи говорящий считал, что не P; в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие P; прося адресата подтвердить или опровергнуть P, говорящий сообщает адресату, что ему очень трудно поверить, что P'.

Есть основания полагать, что между понятиями пресуппозиции и модальной рамки имеется определенная связь, однако они отнюдь не совпадают друг с другом. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что понятие пресуппозиции в определенном выше смысле к (75' i) и (75' ii) вообще неприложимо. Если же понимать пресуппозицию более широко (ср. "пресуппозицию вопроса"), то на эту роль могло бы претендовать, например, предложение 'в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие P', между тем, как модальной рамкой (75' i) и (75' ii) является все, за исключением именно этого предложения.

По сравнению с понятием пресуппозиции, освященным основательной логической и философской традицией, понятие модальной рамки может показаться несколько импрессионистическим. В связи с этим может возникнуть желание обойтись вовсе без нее. В самом деле, почему бы не истолковать *даже* и *-то* не как (74'i) и (74'ii), а как (74''i) и (74''ii):

(74''i) *Даже X сделал Y* \cong 'X сделал Y; вероятность того, что другие сделают Y, была невелика; вероятность того, что X сделает Y, была велика'.

(74''ii) *X-то сделал Y* \cong 'X сделал Y; 'вероятность того, что X сделает Y, была велика; вероятность того, что другие не сделают Y, была достаточно велика'.

В этих толкованиях все предложения одной природы: все описывают исключительно ситуацию действительности, а не ситуацию общения.

Против сделанного нами предположения свидетельствуют два ряда фактов - факты, касающиеся семантических отношений между языковыми единицами, и факты, касающиеся правильности - неправильности предложений.

В качестве фактов первого рода рассмотрим пары *карлик - великан* и *домик - домище*. Слова типа *карлик - великан* интуитивно воспринимаются как обозначающие противоположности и теоретически трактуются как антонимы: действительно, *карлик* = 'ненормально низкий человек', а *великан* = 'ненормально высокий человек'. Попытаемся истолковать аналогичным образом вторую пару слов, семантически как будто близкую к первой: *домик* = 'небольшой дом', *домище* = 'большой дом'. Если бы эти определения были верны, *домик* и *домище* должны были бы восприниматься в точности так же, как воспринимаются *карлик* и *великан*, т.е. как антонимы. Между тем, в действительности *домик* и *домище* воспринимаются скорее как неточные синонимы, и это различие в характере семантических отношений внутри рассматриваемых пар должно быть теоретически объяснено. Введение модальной рамки в толкование слова *домище*, явным образом менее "объективного", чем слова *карлик*, *великан* и *домик*, создает искомую возможность: *домище* = 'дом, и говорящий считает, что дом очень большой, и говорящий хочет, чтобы адресат поверил, что дом очень большой'. Здесь сообщение о величине дома образует не утвердительную часть, а модальную рамку толкования, что вполне удовлетворительно объясняет семантическое различие между парами *карлик - великан* и *домик - домище*: для анто-

ними необходимо, чтобы исключаящие друг друга смыслы находились, так сказать, в одном и том же месте ПСемС (ср. *карлик - великан*), а не в принципиально разных местах (ср. *домик - домще*).

Перейдем к фактам второго рода, свидетельствующим в пользу модальных рамок, а именно, к объяснению свойств правильности - неправильности некоторых предложений. В Апресян 1978 было показано что одним из источников неправильности предложений естественного языка является логическое противоречие. Однако языковая неправильность порождается далеко не всяким случаем логического противоречия. Предложение (76i), при всей его неестественности и неидиоматичности, правильно, хотя и противоречиво:

(76i) *Петя пришел, и другие люди пришли, и вероятность того, что Петя придет и другие придут, была велика, и вероятность того, что Петя не придет и другие не придут, была велика.*

Логическое противоречие обычно не порождает языковой ошибки, если оба противоречащих друг друга смысла находятся в собственно утвердительной части предложения и выражаются лексическими средствами языка. Если же по крайней мере один из противоречащих друг другу смыслов находится в модальной рамке (или пресуппозиционной части) предложения или выражается грамматическими средствами, то логическое противоречие порождает языковую аномалию. Объясняется это, в частности, тем, что модальная рамка (и пресуппозиция) по самой природе вещей должна быть внутренне непротиворечива и не должна противоречить остальному материалу предложения.

Согласившись с этим теоретически естественным и эмпирически хорошо оправданным принципом и толкуя частицы *даже* и *-то* как (74' i) и (74' ii), мы получаем возможность объяснить неправильность предложения

(76ii) **Даже Петя-то пришел.*

Если же эти частицы толкуются как (74'' i) и (74'' ii) соответственно, то становится совершенно непонятным, почему (76ii) воспринимается как языковая ошибка, а синонимичное ему (76i) - как идеально правильное, хотя и противоречивое предложение.

Последнее существенное различие в структуре традиционных и формальных толкований состоит в следующем: формальные толкования должны быть размечены таким образом, чтобы к ним можно было применять правила семантических преобразований. Это, в частности, значи

что в толкованиях ряда слов должны быть отмечены смысловые компоненты, которые 1) снимаются (зачеркиваются) в определенном семантическом контексте, 2) заменяются другими смысловыми компонентами в определенном семантическом контексте, 3) являются областями действия определенных смысловых компонентов или целых значений других слов, контекстуально с ними связанных. Две последние ситуации подробно разбираются при изложении правил модификации и области действия в разделе 4.

3.2. Толкования лексических единиц.

Наибольший интерес для формальной модели языка и одновременно наибольшую трудность представляет толкование предикатных слов языка, т.е. слов, обозначающих ситуации с одним или более участниками. При толковании таких слов необходимо указать а) всех участников соответствующей ситуации, б) их положения, состояния, постоянные и переменные свойства, в) их взаимоотношения и действия, включая способ осуществления последних. Рассмотрим в качестве примера глагол *прибивать* в значении, представленном во фразах (77i) - (77iii) - ср. также Апресян 1979:

(77i) *Дядя прибил табличку к стене,*

(77ii) *Он прибивал доски топором,*

(77iii) *Сапожник прибивает подметку деревянными гвоздями.*

Участниками этой ситуации являются субъект *U* (тот, кто прибивает), объект *W* (то, что прибивается), объект и одновременно место *X* (то, к чему прибивают), инструмент *Y* (например, молоток), и средство *Z* (например, гвозди). Участники обладают следующими свойствами: *U* - существо или целесообразно действующий автомат; *W* - предмет или часть предмета; *X* - предмет или поверхность предмета; *Y* - компактный твердый и достаточно тяжелый предмет; *Z* - тонкий твердый предмет с острым концом. Участники ситуации характеризуются следующими действиями и взаимоотношениями: *U* ударяет *Y*-ом по *Z*-у; в результате ударов *Z* проникает сквозь *W* и углубляется внутрь *X*-а; в результате проникновения и углубления *W* начинает держаться на *X*-е.

Покажем на примере состава участников, что все сказанное необходимо для полного семантического описания глагола *прибивать*.

То, что без субъекта, объекта и объекта-места ситуация прибивания немыслима, вряд ли может вызывать сомнения. Остается обосновать необходимость в инструменте и средстве.

Если мы сравним ситуацию прибивания с похожей на нее ситуацией приклеивания, мы убедимся, что инструмент является необходимым участником первой из них и допустимым, но отнюдь не обязательным участником второй. Можно, например, пользоваться кисточкой для нанесения клея на поверхность прикрепляемого предмета, но вполне можно обойтись и без нее; между тем, прибивание без инструмента, ударной силой которого мы пользуемся, совершенно немыслимо.

Сравнивая, далее, *прибивать* и *прикреплять*, мы точно таким же образом убеждаемся в необходимости скрепляющего средства в первом случае и его необязательности во втором: прикреплять можно и без инструмента, и без средства. Итак, конституирующими для ситуации прибивания являются все пять названных нами участников: неупоминание хотя бы одного из них сразу дает другие ситуации, описываемые другими словами.

Вместо с тем очевидно, что для описания интересующей нас ситуации названных участников достаточно. Действительно, для прибивания совершенно неважно, например, то, по какой причине, с какой целью, в каком месте и в какое время оно производится. Включение соответствующих актантов в семантическое описание *прибивать* было бы совершенно излишним.

Приведем теперь с минимальными комментариями толкования еще нескольких лексем.

(78i) *X благодарек Y-у за Z* \cong 'Человек Y сделал для пользы человека X добро Z; X помнит Z и чувствует себя обязанным компенсировать Z словесно или добрым делом'.

(78ii) *X неблагодарный* \cong 'Если люди делают для пользы человека X добро Z, то X не помнит Z или не компенсирует Z словесно или добрым делом'.

Благодарек отличается от *неблагодарный* приблизительно так, как процессное (в частности, актуально-длительное) видовое значение от узуального или потенциального. Любопытно, что в русском языке (и в некоторых других европейских) нет однословного выражения для антонимичных смыслов (благодарность как постоянное свойство и неблагодарность как актуальное состояние), хотя эти два смысла не менее полезны, чем два первые.

(79i) *X кричит об Y-е* (например, *Сейчас все критики (все правительственные газеты) кричат о вашей новой пьесе*)

\cong 'Многие люди X или многие средства информации X чрезмерно много говорят об объекте Y, преувеличивая значение Y-а'.

(79ii) X хвастается Y-ом перед Z-ом = 'Человек X чрезмерно много или с преувеличением говорит человеку Z об объекте Y, который является свойством или частью X-а или связан с X-ом и который представляется X-у ценным, с целью произвести на Z благоприятное впечатление'.

Обратим внимание на эксплицированное в (79i) и (79ii) семантическое сходство между *кричат* и *хвастаться*.

(80i) X едет на W из Y-а в Z = 'Человек X перемещается из места Y в место Z, потому что X находится на перемещающемся объекте W, и перемещение в Z является целью Y-а'.

(80ii) X катается на Y-е = 'Человек X ездит на объекте Y с целью получения удовольствия от самой езды'.

Отметим, что смысл 'цель' в толковании *ехать* необходим: если у субъекта езды не может быть цели, о нем нельзя сказать, что он едет; ср. *Лес везли* (а не **Лес ехал*) на строительство Ингурской ГЭС. Более того, даже если субъект может в принципе иметь цель, но она состоит не в том, чтобы попасть в Z, использование глагола *ехать* неуместно, ср. *Пленник везли* (лучше, чем ?*Пленник ехали*) в тил. *Ехать* очевидным образом связано с *ездить* (ср. (47i), (47ii)), а *ездить* входит в значение *кататься*, семантический секрет которого состоит в своеобразной рефлексивности: *кататься* - это не просто 'ездить с целью получения удовольствия', как считает большинство толковых словарей, а 'ездить с целью получения удовольствия от самой езды'.

(81i) X ведет Y из W в Q = 'Существо X каузирует то, что существо Y идет из места W в место Q; одновременно X сам идет из места W в место Q, и перемещение Y-а в Q является целью X-а'.

К *вести* примыкают еще два глагола - *везти* и *нести*.

На первый взгляд кажется, что *везти*, по аналогии с *вести*, можно в первом приближении истолковать как 'каузировать кого-л. ехать и одновременно ехать самому': тогда *идти* - результатив от *вести*, а *ехать* результатив от *везти*. Примеры типа *Женщины везли на санках свой халкий скарб* показывает, однако, что эта аналогия -

ложная (неверно, что *скарб* ехал на санках) и что в действительности *везти* и *ехать* связаны друг с другом только через гораздо более общий смысл 'перемещаться, находясь на перемещающемся объекте':

(81ii) *X везет Y на Z-е из W в Q* = 'Человек X каузирует то, что объект Y перемещается из места W в место Q, потому что Y находится на перемещающемся объекте Z; одновременно X сам перемещается из места W в место Q, находясь на Z-е или в контакте с Z-ом, и перемещение Y-а в Q является целью X-а'.

Важно, что X обязательно является каузатором перемещения Y-а, но не обязательно - каузатором перемещения транспортного средства Z (ср. *Он решил везти виноград в Москву самолетом*),²¹ и что сам X хотя и перемещается, но не обязательно находится на перемещающемся объекте Z (ср. *Мать везла малыша в коляске*).

С обоими рассмотренными глаголами нетривиальным образом связан глагол *нести*:

(81iii) *X несет Y в/на Z-е из W в Q* = 'Существо X каузирует то, что объект Y перемещается из места W в место Q, потому что X идет или перемещается похожим на ходьбу способом из W в Q, держа Y в/на Z-е - части тела X-а или имея Y в/на ёмкости Z, которую X держит, и перемещение Y-а в Q является целью X-а'.

Последнее толкование обслуживает два разных типа употреблений *нести*, ср. *Девушка несла кувшин на голове vs. Слуга нес письма на подносе*. Что касается употреблений типа *Как ему пришло в голову нести такую сумму в кармане пальто?*, то мы полагаем, что в них представлено другое значение *нести* (нечто вроде 'иметь при себе').

3.3. Толкования грамматических единиц.

Как мы уже говорили, описание значений грамматических единиц - и в этом состоит одна из его главных трудностей - должно выполняться на том же семантическом языке, что и описание значение лексических единиц.

Ниже мы опишем значения двух синтаксических конструкций и некоторые видовые значения.

3.3.1. В Кжижкова 1967 было обращено внимание на то, что фразы типа *Я знал его в Праге*, содержащие обстоятельство места, выражают, вопреки ожиданию, еще и некоторое временное значение. Ниже дается более детальный, но далеко не исчерпывающий анализ таких фраз и

предлагается формальное семантическое правило их интерпретации.

Будем рассматривать фразы типа (i) и контрастирующие с ними фразы типа (ii):

(82i) *Я знал его в Москве,*

(82ii) *Моссовет поселил его в Москве,*

(83i) *Мы познакомились на Кавказе,*

(83ii) *Мы поселились на Кавказе,*

(84i) *Он понял это уже в коридоре,*

(84ii) *Декораторы повесили картину в коридоре.*

Если обозначить группу сказуемого, за вычетом локативного члена, через Р, а субъект Р - через У, то различие между фразами типа (i) и фразами типа (ii) может быть сформулировано следующим образом:

(i') 'Р в то время, когда У находился в W-e' vs. (ii') 'Р в W-e'.

Таким образом, конструкции типа (i) и (ii), на первый взгляд, полностью совпадающие, семантически существенно отличаются друг от друга.

Перечислим в первом приближении условия, за счет которых в конструкциях типа (i) возникает временное значение (i') (мы отвлекаемся здесь от таких осложняющих факторов, как отличный от нейтрального словопорядок, наличие в предложении модальных слов, наличие других обстоятельств места и времени и т.п.; их возмущающее действие на смысл предложения должно быть учтено с помощью ряда дополнительных условий):

- вершиной конструкции должен быть глагол Х, не имеющий локативной семантической валентности, т.е. валентности, замещаемой предлогами и наречиями с синтаксическим признаком (локат), ср. *в, на, около, там, здесь* и т.п.; таковы, в частности, *знать, познакомиться, понять, читать 1 (книгу)* - в отличие от глаголов *поселить, поселиться, повесить, читать 2 (лекции в университете)*, у которых локативная валентность есть;

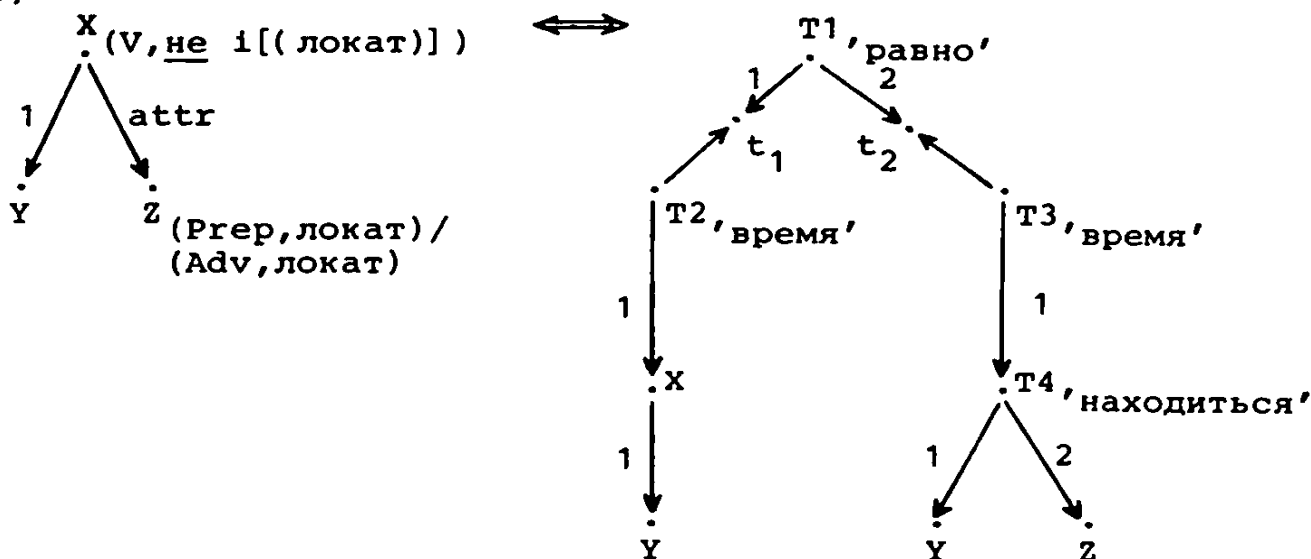
- у Х-а в ГСС должно быть атрибутивное зависимое Z с синтаксическим признаком (локат);

- либо глагол должен обозначать чисто интеллектуальное, эмоциональное или волевое действие или состояние (будем приписывать таким глаголам специальный семантический признак (α), либо группа Z̃ должна обозначать достаточно большое место или пространство. Последнее условие вводится для различения фраз типа *Он понял*

это в Париже, Он понял это в коридоре, с одной стороны, и фраз типа Он читал эту книгу в Париже, Он читал эту книгу в комнате, с другой : глагол *понять* обладает семантическим признаком (α), порождающим осмысление (i') независимо от величины места или пространства, обозначаемого группой \tilde{Z} ; в отличие от этого глагол *читать*, не обладающий признаком (α), дает осмысление (i') только тогда, когда группа \tilde{Z} обозначает достаточно большое место или пространство (ср. *читал книгу в Париже* vs. *читал книгу в комнате*).

Это совокупностью условий как раз и выражается смысл 'Р одновременно с нахождением X-а в определенном месте', который различает конструкции типа (i) и (ii).²² Формальное правило семантической интерпретации для описанной синтаксической конструкции, т.е. правило вида ГСС \leftrightarrow ПСемС, выглядит следующим образом:

(85)

$X = (\alpha)$ или $\tilde{Z} = ('большое')$

3.3.2. В русской грамматике существует долгая традиция изучения вводной конструкции с выражениями, "содержащими оценку степени достоверности сообщения", т.е. со словами и фразами типа *безусловно, вероятно, видимо, действительно, должно быть, кажется, как говорят (знают, считают, утверждают), как известно, конечно, может быть, несомненно, очевидно, по-вашему, по всей вероятности, пожалуй, по мнению (по словам, по убеждению) кого-л., по-моему, по-твоему, правда, разумеется* (см., например, Пешковский 1935, 363, Виноградов 1947, 739, Грамматика 1960, 151, Золотова 1973, 148).

Семантическая пестрота перечисленных выше слов (см. *безусловно и пожалуй, очевидно и видимо, разумеется и кажется* и т.п.) при-

водит к тому, что в большинстве определений лексическим заполнителям вводной конструкции интересующего нас типа приписывается способность выражать всю гамму модальных значений - от убежденности или веры до неуверенности или сомнения. У А.М.Пешковского, например, сказано, что в этой конструкции могут выступать "слова и сочетания, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли: верит он в нее или нет". Это не совсем так.

В другой своей работе (Апресян 1978) мы уже говорили, что значение данной вводной конструкции, в отличие от близкой ей по смыслу конструкции с придаточным дополнительным предложением, всегда безусловно утвердительно. Более точно, если предикат вводной конструкции является сам по себе утвердительным (ср. считать, думать, предполагать, говорить; утверждать, правда, разумеется, возможно, вероятно, по-моему и т.п.), то при нем не может быть отрицания; если же он является имплицитно отрицательным (ср. сомневаться, отрицать, маловероятно),²³ то при нем должно быть отрицание - в противном случае конструкция не будет правильной. Ср.:

- (86i) *Осетровые рыбы, говорят (считают, утверждают) знатоки, утратили свой белый вкус,*
- (86ii) **Осетровые рыбы, не говорят (не считают, не утверждают) знатоки, утратили свой белый вкус.*
- (87i) *Знатоки говорят (считают, утверждают), что осетровые рыбы утратили свой белый вкус,*
- (87ii) *Знатоки не говорят (не считают, не утверждают), что осетровые рыбы утратили свой белый вкус.*
- (88i) *Осетровые рыбы, не сомневаются (не отрицают) знатоки, утратили свой белый вкус,*
- (88ii) **Осетровые рыбы, сомневаются (отрицают) знатоки, утратили свой белый вкус.*
- (89i) *Знатоки не сомневаются (не отрицают), что осетровые рыбы утратили свой белый вкус,*
- (89ii) *Знатоки сомневаются (отрицают), что осетровые рыбы утратили свой белый вкус.*

Объяснение описанному феномену следует искать в семантике вводной конструкции. Если обозначить главное утверждение через Р, а предикат вводной конструкции - через R, то значение последней может быть истолковано следующим образом:

(90) 'Говорящий цитирует суждение Р, принадлежащее субъекту R-а, и утверждает, что субъект R-а утверждает Р'.

Воспользуемся толкованием (90) для интерпретации (86i) и (86ii). Р - это суждение *Осетровые рыбы утратили свой белый вкус*; R - это любой из встречающихся в наших примерах глаголов собственно вводной конструкции, в частности, глагол *считать*. Если при *считать* нет отрицания (см. (86i)), то оказывается, что субъект R-а действительно утверждает Р. Если же при *считать* есть отрицание (см. (86ii)), то получается, что суждение Р не утверждается, а отрицается субъектом R-а: 'не считать, что Р' равнозначно, с точностью до эмфазы, 'считать, что не Р'. Но тогда между содержанием модальной рамки и Р получается противоречие: говорящий утверждает, что субъект R-а утверждает Р, а фактически субъект R-а утверждает не Р.

Это противоречие объясняет неправильность (86ii). Аналогичным образом объясняется, на основании толкования (90), неправильность (88ii). Наконец, правильность фраз (87) и (89) и в утвердительных, и в отрицательных контекстах объясняется тем, что в их толкованиях вообще нет модальных рамок.

3.3.3. Рассмотрим, наконец, основные значения несов и сов. Попутно мы коснемся некоторых других вопросов семантики видов, постановка которых является естественным побочным результатом такого рассмотрения. К их числу относятся следующие вопросы: типы семантических различий между несом и сов, пресуппозиции и утверждения в толковании несом и сов, соотношение несом и сов по большей - меньшей смысловой сложности.

Основные значения несом и сов обычно описываются следующим образом: несом выражает нерезультативность и длительность (варианты: продолженность, процессность, линейность), а сов - недлительность и результативность (варианты: законченность, точечность, целостность). Такие квазисемантические определения, по существу, оставляют видовое значение неэксплицированным, и когда в очередной работе, посвященной семантике видов, объявляется, например, что сов выражает не результативность (законченность, точечность, целостность), как думали раньше, а "тотальность" (Телин 1978), то не происходит ничего, кроме рождения еще одного синонимичного термина.

Предпринимаемая ниже попытка собственно семантического описания основных значений несом и сов представляет другое направление аспектологических исследований (Маслов 1948, Вежбицка 1967, Апре-

сян 1974, 83-84, Гловинская 1977а, Гловинская 1977б, Гловинская 1980а). Главный принцип этих исследований состоит в том, чтобы толковать по отдельности каждый из двух членов чисто видовой пары. Тогда, как предполагается в Гловинская 1977а, общая часть двух толкований представляет лексическое значение глагола, а различные части - основные значения несов и сов соответственно. При таком подходе к описанию семантики видов оказывается, что типы семантических различий между несов и сов даже в так называемых "чисто видовых парах" гораздо богаче, чем это предполагается традиционными определениями.

В рамках данной работы мы, естественно, не ставим перед собой задачи охарактеризовать эти типы сколько-нибудь полно. Единственное, что мы можем сделать - это с помощью нескольких толкований дать общее представление о семантическом разбросе внутри области, которая традиционно трактуется как семантически однородная.

(91i) *Начался дождь* \cong 'В момент t_1 дождь не имел места; в момент t_2 дождь имел место; t_2 позже, чем t_1 '.

(91ii) *Начинался дождь* \cong 'В момент t_1 дождь не имел места; в более поздние моменты t_2, t_3, \dots, t_{n-1} имели место явления P_2, P_3, \dots, P_{n-1} , такие, что каждое P_{i+1} имело больше общих свойств с дождем, чем P_i ; если процесс P_1, P_2, \dots, P_n развивался нормально, то в момент t_n имел место дождь'.

Смысловое противопоставление 'начаться - начинаться' играет ключевую роль в видовой системе русского языка, потому что к нему сводится большинство противопоставлений, обнаруживаемых в "чисто видовых парах"; ср. *влететь - влетать, взбежать - взбегать, вылить - выливать, зацвести - зацветать, кончиться - кончатся, набить (обруч на кадку) - набивать, отцвести - отцветать, прекратиться - прекращаться, прилипнуть - прилипать, приступить - приступать, разойтись - расходиться, сдвинуть (шапку на лоб) - сдвигать, уехать - уезжать* и многие другие.

(92i) *X разбудил Y-а* (например, *Ивана разбудил звонок* (его сия)) \cong 'Фактор или существо X непосредственно каузировало то, что Y перестал спать'.

(92ii) *X будит Y-а* (например, *Жена* (не *звонок!) *уже полчаса безуспешно будит Ивана*) \cong 'Существо X воздействует на существо Y с целью каузировать то, чтобы Y перестал спать'.

В случае (92i) - (92ii) имеет место смысловое противопоставление '∅ - цель', характеризующее, кроме того, пары *выстрелить - стрелять*, *разбить (окно) - разбивать*, *убить - убивать*, *узнать - узнать* и другие. В связи с этим примером полезно отметить, что, при прочих равных условиях, процессное значение несов гораздо чаще, чем результативное значение сов, содержит указания на цель действия; ср. аналогичные замечания относительно английских форм Continuous в Lakoff 1968.

В (92) граммема несов, как мы видели, на смысл 'цель' сложнее, чем граммема сов. Однако заключение, что такое соотношение несов и сов будет иметь место всякий раз, когда в толкование несов входит семантическая подструктура вида 'P₁ с целью P₂', было бы в высшей степени опрометчивым. Рассмотрим толкования (93i) и (93ii):

(93i) *X решал Y* (например, *Ваня долго решал задачу*) \cong 'Человек X обдумывал информацию, имеющую отношение к продукту мысли Y, с целью получить ответ на содержащийся в Y-е вопрос'.

(93ii) *X решил Y* \cong 'Человек X обдумывал информацию, имеющую отношение к продукту мысли Y, с целью получить ответ на содержащийся в Y-е вопрос; X получил ответ на этот вопрос'.

Хотя, как видно из (93i), в толкование несов входит подструктура вида 'P₁ с целью P₂', сов, в отличие от (92), оказывается семантически сложнее несов. При этом класс глаголов, для которого характерно такое соотношение, по-видимому, не меньше, чем класс глаголов, представленных в (92). К нему принадлежат глаголы *добиваться - добиться*, *дожидаться - дожидаться*, *доказывать - доказать*, *ловить - поймать*, *обманывать - обмануть* и другие.

Полезно обратить внимание еще на одну деталь. В (93ii) часть толкования до точки с запятой образует пресуппозицию. В самом деле, в предложении вида *X не решил Y* отрицается только то, что X получил ответ на содержащийся в Y-е вопрос, но отнюдь не то, что он обдумывал информацию, имеющую отношение к Y-у. Между тем, в (93i) та же самая часть толкования образует собственно утверждение (*не решал* значит 'не обдумывал...'). Таким образом, различие несов и сов в данном случае сводится к изменению ассертивной части толкования на пресуппозиционную и к появлению новой ассертивной части ("выкраиваемой" из утвердительной), в которой сообщается о том, что цель

действия реализована.

Аналогичное соотношение пресуппозиционной и ассертивной частей имеет место в паре *догонять - догнать*, хотя в других отношениях она устроена иначе, чем пара *решать - решить*. Любопытно, что по своему внутреннему устройству она отличается и от антонимичной пары *отставать - отстать*.

(94i) *X догоняет Y-а* (например, *Машины неслись по автострате, догоняя и обгоняя друг друга*) \cong 'Объекты X и Y перемещаются в одном направлении, и X находится позади Y-а; X перемещается быстрее Y-а, в результате чего расстояние между X-ом и Y-ом сокращается'.

(94ii) *X догнал Y-а* \cong 'Объекты X и Y в моменты t_1, t_2, \dots, t_{n-1} перемещались в одном направлении, и X находился позади Y-а, и X перемещался быстрее Y-а, в результате чего расстояние между X-ом и Y-ом сокращалось; в момент t_n , более поздний, чем момент t_1, t_2, \dots, t_{n-1} , X поравнялся или приобрел контакт с Y-ом'.

В (94i) пресуппозиционная часть (до точки с запятой) меньше, чем в (94ii); в последнем случае в пресуппозицию входит высказывание 'X перемещался быстрее Y-а, в результате чего расстояние между X-ом и Y-ом сокращалось', которое выступает в качестве собственно утверждения в (94i). В самом деле, в *X не догоняет Y-а* отрицается именно то, что X перемещается быстрее Y-а (со всеми вытекающими последствиями). Между тем, когда мы говорим *X не догнал Y-а*, мы отрицаем только то, что X поравнялся с Y-ом или вошел с ним в контакт; допускается, что до момента t_n X мог перемещаться быстрее Y-а и что, следовательно, расстояние между ними могло сокращаться.

(95i) *X кончался около Y-а* (например, *Дорога кончалась около леса*) \cong 'Конец пространственного объекта X находился в месте M, которое находится около неподвижного объекта Y'.

(95ii) *X кончился около Y-а* (например, *Дорога кончилась около леса*) \cong 'Конец пространственного объекта X находился в месте M, которое находится около неподвижного объекта Y, и говорящий мыслит наблюдателя, перемещавшегося по X-у, сознание которого зарегистрировало этот факт'.

В этой весьма нетривиальной паре в толкование сов входит указание на фигуру наблюдателя, которая вводится говорящим в число

объектов описываемой им ситуации действительности. Этот тип семантических различий, никогда, насколько известно автору, не упоминавшийся в аспектологической литературе, при всей своей экстравагантности отнюдь не уникален. Он же представлен в парах *начи- наться - начаться* (*Тропа начинается (началась) около озера*), *доходить - дойти*, *обрываться - оборваться*, *поворачивать - повернуть* (*У верстового столба дорога поворачивает на юг - У верстового столба дорога повернула на юг*) и в некоторых других.

В (91) и (92) несов был семантически сложнее сов; в (93) - (95) сов семантически сложнее несом; приводимый ниже пример (96) представляет собой случай семантической равносложности сов и несом:

(96i) *X мешал Y-у сделать P* \cong 'Своими действиями или свойствами W существо X каузировало то, что Y-у было трудно сделать P'.

(96ii) *X помешал Y-у сделать P* \cong 'Своими действиями или свойствами W существо X каузировало то, что Y-у было невозможно сделать P'.

В (96) имеет место нестандартное семантическое противопоставление граммем несом и сов, сводимое к различию 'трудно' - 'невозможно'. Любопытно, что в паре *затруднять - затруднить*, семантически близкой к паре *мешать - помешать*, представлен вполне стандартный тип семантических различий между несом и сов.

Обилие типов семантических различий между основными значениями несом и сов создает по крайней мере три возможности описания соответствующих фактов:

1) Вид считается словоизменительной категорией. Тогда все возможные типы различий между основными значениями несом и сов, включая нестандартные, описываются в грамматике. В словаре помещается только одна видовая форма - та, которая в данной паре является лексикографически исходной (в частном случае - семантически менее сложной), а значение другой формы вырабатывается на основе этой словарной информации и отсылки к соответствующему правилу грамматики.

Принимая такое описание, необходимо считаться с тем, что число одних стандартных типов различий между двумя основными значениями несом и сов, т.е. без учета так называемых частновидовых значений, может достигать нескольких десятков (см. Гловинская 1980а). Это является достаточным основанием для того, чтобы усомниться в словоизменительном статусе видов в русском языке.

2) Виды - не чисто словоизменительная категория, а особая категория видообразования, промежуточная между словоизменительной и словообразовательной. Со словоизменением их роднит то, что они охватывают целиком такую важную в строе языка часть речи, какой является глагол, а со словообразованием - то, что значения видов очень фразеологизованы и тесно переплетаются с лексическими значениями соответствующих основ. Тогда в грамматике можно было бы описать несколько наиболее богато представленных типов семантических различий между несом и сов (в частности, (91) - (93)), а все, что в них не укладывается, считать случаями фразеологизации значений вида, подлежащими описанию в словаре. В соответствии с этим глаголы должны лексикографически обрабатываться двумя разными способами: если соотношение между основными значениями несом и сов целиком укладывается в один из выделенных в грамматике типов, то в словарь помещается только одна видовая основа, а значение другой вырабатывается так же, как в описании первого типа; если же это соотношение укладывается в один из выделенных типов лишь частично или вовсе не укладывается ни в один тип, в словарь помещаются обе видовые основы с самостоятельными словарными статьями.

Мы убеждены в том, что особенности видов русского языка будут лучше всего схвачены именно таким описанием. Однако на нынешней стадии исследования семантики видов, когда нужным образом описано всего несколько сотен глагольных лексем, практически наиболее удобным может оказаться третий тип описания.

3) Виды обрабатываются как словообразовательная категория: каждая из двух видовых основ, независимо от типа семантических различий между несом и сов, помещается в словарь и снабжается самостоятельной словарной статьей, включая и толкование.

3.4. Условия реализации значений.

Семантические правила, как и все остальные правила модели "Смысл \leftrightarrow Текст", трехчастны: они состоят из преобразуемого объекта (в нашем случае - ГСС), продукта преобразования (в нашем случае - ПСемС) и условий применения преобразования.

Эти последние представляют самостоятельный интерес, так как показывают, от какого громадного числа самых разнообразных факторов - семантических, синтаксических, морфологических, сочетаемостных, стилистических и даже фонетических - зависит реализация значений языковых единиц. Сколько-нибудь полный обзор столь обширного круга

факторов требует отдельного большого исследования. Ниже мы сумеем выборочно проиллюстрировать те правила ГСС \leftrightarrow ПСемС, которые с указанной точки зрения представляются нам содержательно нетривиальными.

3.4.1. Семантические факторы. Значение глагола *видеть*, реализующиеся во фразе

(97i) *Ты уже видел этот фильм (балет, спектакль)?*

семантически абсолютно синонимично одному из значений глагола *смотреть*; ср.

(97ii) *Ты уже смотрел этот фильм (балет, спектакль)?*

Различие между ними состоит лишь в условиях реализации. *Смотреть* в "зрелищном" значении не связано никакими семантическими ограничениями. Между тем, *видеть* в "зрелищном" значении реализуется лишь в прошедшем общефактическом (см. (97i)). Невозможна его реализация ни в каких других временах (см. (98), (99)) и ни в каких других значениях прошедшего времени (см. (100), (101)):

(98i) **Завтра мы будем видеть балет на льду,*

(98ii) *Завтра мы будем смотреть балет на льду,*

(99i) **Он видит сейчас передачу по телевизору,*

(99ii) *Он смотрит сейчас передачу по телевизору,*

(99iii) **Завтра он видит балет на льду,*

(99iv) *Завтра он смотрит балет на льду,*

(100i) **Когда я вошел, он видел передачу по телевизору,*

(100ii) *Когда я вошел, он смотрел передачу по телевизору,*

(101i) ?*Каждый день мы шли в "Лужники" и видели балет на льду,*

(101ii) *Каждый день мы шли в "Лужники" и смотрели балет на льду.*

3.4.2. Синтаксические факторы. Здесь мы рассмотрим некоторые проблемы описания значения глагола *бить* (см. также раздел 1.5.).

Один из главных синтаксических факторов, определяющих возможность реализации значения предикатного слова, - это наличие в тексте требуемых им управляемых форм. В модели "Смысл \leftrightarrow Текст" информация о том, каких управляемых форм по той или иной валентности требует данная лексема, задается с помощью объекта, называемого моделью управления.

Глагол *быть* во всех своих неспомогательных значениях - локативном, посессивном, экзистенциальном, связочно-классифицирующим и связочно-идентифицирующем - имеет по две валентности, из которых первая всегда оформляется одинаково - именной группой в именительном падеже за исключением случаев мены именительного на родительный в контексте отрицания, собирательного числительного, количественного наречия). Вторая валентность в подавляющем большинстве случаев реализуется разными формами.

Для локативного значения - это формы вида (Adv, локат) или (Прер, локат):

(102) *Отца там (на работе, в комнате, под навесом) не было.*

Для посессивного значения - это формы вида у (S)_{род}, у (Num)_{род} и другие подобные:

(103) *У каждого человека есть враги.*

Вторая семантическая валентность экзистенциального значения синтаксически, то есть в виде управляемой формы, вообще не реализуется (представление о двухвалентности экзистенциального значения заимствовано из Падучева 1974):

(104) *В декабре было несколько случаев аварий, сопровождавшихся человеческими жертвами.*

У связочно-классифицирующего значения вторая валентность реализуется формами вида (S)_{твор}, (A)_{твор}, (S)_{им}, (A)_{им}, (S)_{род}, (A)_{крат}, (A)_{сравн}, (Num), (Adv), (Прер) (S):

(105i) *Его сын был первопроходцем (первым, кто исследовал притоки Уссури),*

(105ii) *Он капитан милиции,*

(105iii) *Ситуация сложная,*

(105iv) *Какого он был возраста?,*

(105v) *Профессор был еще очень молод (моложе своей жени),*

(105vi) *Их было пятеро,*

(105vii) *Водопроводчик был навеселе,*

(105viii) *Он был из крестьян.*

Наконец, в связочно-идентифицирующем значении вторая валентность *быть* оформляется только именительным падежом существительного:

(106i) *Это был стол (камин, Джон),*

(106ii) *Столица Франции - Париж,*

(106iii) *Мой брат - вот тот человек.*

Идентифицирующее значение *быть* имеет и другие интересные синтаксические и семантические особенности и будет обсуждено более подробно. Это тем более необходимо потому, что в словарях оно никогда не описывалось отдельно от классифицирующего значения, хотя логикам идентифицирующее значение известно еще со времен Аристотеля, а в грамматике связанные с ним проблемы интенсивно дискутируются по крайней мере в течение полустолетия (см., например, Пешковский 1935, 127, 211-219; Арутюнова 1976, 300-325, с дальнейшей библиографией).

1. Идентифицирующее значение требует референтности обеих именных групп: и группа подлежащего, и группа предикатива должны обозначать конкретный, определенный объект (именно этим объясняется частое употребление в них дейктических местоимений).

2. В идентифицирующем значении *быть* управляет только именительным падежом предикатива, независимо от того, в каком времени он употреблен, между тем как в классифицирующем значении в прошедшем и будущем времени предпочитается творительный падеж предикатива (ср. семантическое противопоставление в *Этот человек был мой брат* vs. *Этот человек был моим братом*).

3. Управляемым при идентифицирующем значении может быть только существительное или синтаксически эквивалентная ему именная группа, но не прилагательное, наречие, числительное или предложно-именная группа.

4. В ряде случаев *быть* в идентифицирующем значении согласуется в роде и числе не с подлежащим, а с предикативом (*Это была та же самая девочка, Это был тот же самый мальчик, Это были те же самые дети*).

Рассмотрим еще одно значение глагола *быть* представляющее исключительный интерес с точки зрения условий его реализации - локативное. Фразы типа

(107i) *Отец был на море*

омонимичны: они могут значить либо то, что отец в принципе бывал на море (общефактическое нерезультативное значение несов), либо то, что отец в какой-то фиксированный момент находился на берегу моря (процессное значение несов).

Под отрицанием возможны две разные формы таких фраз - с сохранением именительного падежа подлежащего (107ii) и с изменением именительного падежа подлежащего на родительный (107iii).

(107ii) *Отец не был на море,*

(107iii) *Отца не было на море.*

В отличие от (107i), фразы (107ii) и особенно (107iii) неомонимичны. Первая из них понимается скорее в общефактическом значении, а вторая - только в процессном. Следовательно, условием реализации общефактического значения несом глагола *бить* в отрицательном предложении является сохранение именительного падежа подлежащего, а условием реализации процессного значения - изменение именительного падежа подлежащего на родительный.

Указанное свойство является, по всей видимости, специфичным для *бить*²⁵ и подлежит фиксации в его словарной статье.

3.4.3. М о р ф о л о г и ч е с к и е ф а к т о р ы. Обсуждая глаголы *видать* и *слизать* (см. раздел 2.2.), мы уже отмечали, что они не употребляются в будущем и настоящем времени. Аналогичным свойством обладают бесприставочные глаголы так называемого многократного способа действия, для которых формы настоящего времени (**хаживаю*, **сизиваю*) невозможны совсем, а формы будущего времени в высшей степени сомнительны.

У глагола *сопровождать* в значении, представленном в (108i) *Автор сопровождает (сопроводил) текст примечаниями* есть обе видовых формы, а в значении, представленном в (108ii) *Бред сопровождал лихорадку* - только одна, а именно, форма несом (ср. неправильность **Бред сопроводил лихорадку*).

У *разглядеть* (*Он издали разглядел своего коня; Я не разглядел, кто стоял передо мной*) нет формы несом, а у *разглядывать* (*Девочка внимательно разглядывала картинки*) нет формы сов.

Одно из значений глагола *позволить* реализуется только в повелительном наклонении (*Позвольте, позвольте, я ничего подобного не говорил!*).

Когда мы говорим о морфологических факторах, определяющих возможности реализации тех или иных значений, мы имеем в виду ограничения именно такого рода. Разумно предположить, что для любой части речи, имеющей парадигму формообразования, найдется слово с таким значением, условием реализации которого будет закрепление в некоторых выделенных формах этой парадигмы.

3.4.4. С о ч е т а е м о с т н ы е ф а к т о р ы. До сих пор мы рассматривали семантические, синтаксические и морфологические свойства самого слова X в качестве условий реализации значения или значений этого слова. Однако возможность реализации определенного значения

слова может зависеть и от различных свойств других слов, с которыми данное слово так или иначе связано в пределах предложения. Сведения об этих свойствах мы будем называть сочетаемостной информацией.

Сочетаемостная информация о слове X в значении ' X_1 ' может специфицировать 1) семантические, 2) лексические, 3) синтаксические, 4) морфологические, 5) стилистические и, может быть, некоторые другие свойства единицы Y , с которой X связан непосредственной или опосредствованной синтаксической зависимостью. Рассмотрим несколько примеров.

Глагол *мучиться* [X] имеет валентность причины, выражаемую формами *от* (S)_{род} и (S)_{твор} [Y]. В первой из них существительное чаще имеет значение физического состояния, а во второй - чаще значение интеллектуального или эмоционального состояния (семантическая сочетаемостная информация):

(109i) *Солдаты мучились от жажды (от голода, от зноя),*

(109ii) *Он мучился сомнениями (догадками, ревностью, сознанием собственного бессилия).*

Глаголы типа *везти, возить, доставлять, ездить, летать, плыть* в значении перемещения имеют семантическую валентность инструмента, реализуемую формами (S)_{твор} и *на* (S)_{пред}. Во втором случае речь может идти о любом транспортном средстве, а в первом только о некоторых. Для глагола *везти*, например, это - *поезд, пароход, самолет* но обычно не *собаки, лошади, телеги, велосипед* и т.д. (лексическая сочетаемостная информация):

(110i) *Пушкину в столицу решили везти на поезде (на самолете, на собаках, на лошадях, на телегах),*

(110ii) *Пушкину в столицу решили везти поездом (самолетом, ? собаками, ? лошадьми, ? телегами).*

Валентность содержания при глаголе *считать* выражается, наряду с другими формами, формой (S)_{вин}, в которой позицию существительного замещают только слова с синтаксическим признаком местоименности (синтаксическая сочетаемостная информация):

(111i) *А что вы считаете?,*

(111ii) *Я считаю следующее.*

Лексема *давать* 14 (побудительное значение, только повел) управляет глаголом первого лица множественного числа будущего времени (морфологическая сочетаемостная информация):

(111) *Давайте остановимся (поговорим).*

4. Правила взаимодействия значений.

Соединяясь друг с другом, значения отдельных единиц, подобно звукам в слитной речи, могут подвергаться взаимовлияниям и существенно видоизменяться. Излишне говорить, что законы, по которым это происходит, должны быть тщательно изучены, описаны и сделаны доступными для использования.

Проблематика взаимодействия значений является относительно новой не только для традиционной грамматики и лексикографии, которые ею вообще не занимались, но и для современной теоретической лингвистики. Она родилась всего около 15 лет назад. Однако разрабатывалась эта область столь интенсивно, что за сравнительно короткий срок были получены значительные по объему результаты. Обозреть и систематизировать их в данной работе мы не сможем и поэтому ограничимся изложением наших собственных наблюдений на эту тему и некоторых наблюдений, накопленных в ходе разработки словарного компонента модели "Смысл \leftrightarrow Текст".

Законы взаимодействия значений воплощаются в семантическом компоненте модели "Смысл \leftrightarrow Текст" в виде правил построения ПСемС для поддеревьев ГСС из ПСемС всех содержательных элементов, которые входят в состав этих поддеревьев.

По признаку того, каков объем класса единиц, на который распространяется правило, все правила такого рода делятся на общие (грамматические) и частные (словарные).

По признаку того, каков характер задаваемого ими семантического преобразования, они делятся на правила области действия, правила модификации и правила зачеркивания. Последний тип правил подробно описан в Апресян 1974, 84-94, и здесь мы не будем к нему возвращаться.

4.1. Общие и частные правила

4.1.1. Начнем с общих правил.

4.1.1.1. Рассмотрим предложение вида (112i) и его отрицание (112ii):

(112i) *X требует, чтобы Y сделал Z* = 'X побуждает Y-а сделать Z и X считает, что Y должен сделать Z',

(112ii) *X не требует, чтобы Y сделал Z* = 'X не побуждает Y-а сделать Z или X не считает, что Y должен сделать Z'.

Отрицательным предложением с глаголом *требовать* должно быть дано именно дизъюнктивное толкование (112ii). Только такое толкование способно объяснить интуитивно хорошо ощущаемое различие ситуаций, которые могут быть описаны фразами типа *Я не требую, чтобы вы сделали до-*

клад: я либо не побуждаю вас сделать доклад, либо не считаю, что вы должны его сделать, либо и не побуждаю, и не считаю.²⁶

Тогда соотношение между (112i) и (112ii) идеальным образом укладывается в известную равносильность исчисления высказываний:

(112ii) не (Р и Q) = не Р или не Q.

Действительно, ... не требует... = '... не (побуждает... и считает...)' = '... не побуждает ... или не считает...' = '...либо не побуждает..., либо не считает..., либо не побуждает... и не считает...'.

(113i) X боится, что Р (например, Я боюсь, что сектор расформируют) \cong 'X считает Р высоковероятным, и X считает Р нежелательным' (модификация толкования из Иорданская 1971, 23),

(113ii) X не боится, что Р \cong 'X не считает Р высоковероятным или X не считает Р нежелательным'.

На основании (112), (113) и других подобных примеров можно подозревать, что в случае, если в толкование некоторой языковой единицы входит конъюнкция ('и'), она взаимодействует с отрицанием по упомянутому выше правилу исчисления высказываний. Это правило заносится в список общих правил семантического компонента. Исключения из него оговариваются в описаниях (в частном случае - словарных статьях) тех языковых единиц с юнктивно организованными значениями, которые ему не подчиняются.

4.1.1.2. Анализируя значение отрицательной частицы, О.Есперсен в свое время пришел к выводу, что "во всех (или в большинстве) языков" она "означает "меньше чем"" (Есперсен 1958, 377; первое издание 1924 года). О.Есперсен приводит примеры трех типов:

(а) not lukewarm ' (даже) не тепловатый', not half full 'не заполненный (даже) наполовину'; (б) He does not read three books a year 'Он не читает и трех книг в год', He does not see her once a week 'Он не видит ее и один раз в неделю'; (в) The hill is not two hundred feet high 'Высота горы не достигает двухсот футов', His income is not 200 pounds a year 'Его доход не составляет 200 фунтов в год'.

Отдавая должное этим наблюдениям, мы бы хотели отметить, что ни одно из них не является вполне верным, во всяком случае для русского языка.

Во-первых, предложения с количественными дополнениями и обсто-

ятельствами допускают не одну ("уменьшительную"), а три разные интерпретации: "уменьшительную", чисто отрицательную и "увеличительную".

Поэтому, во-вторых, следует отдать предпочтение другому описанию фактов и усматривать здесь не особое значение отрицательной частицы (ибо тогда ей пришлось бы приписать и значение 'меньше', и значение 'больше'), а особое правило взаимодействия значений или, может быть, особое значение синтаксической конструкции (ср. Апресян 1974, 81-82).

Главным фактором, определяющим выбор одной из трех возможных интерпретаций предложений с количественными дополнениями или обстоятельствами, является сфера действия отрицательной частицы *не*. Если в сферу действия *не* входит только глагол, получается чисто отрицательное осмысление, а если она распространяется на глагол вместе с количественным зависимым, то получается "уменьшительная" или "увеличительная" интерпретация.

Сфера действия отрицания в свою очередь зависит от следующих четырех факторов:²⁷

- а) типа значения глагола,
- б) наличия/отсутствия у глагола валентности количества,
- в) значения количественного зависимого,
- г) способа предложно-падежного оформления количественного зависимого.

Эти факторы имеют разную силу и, действуя в разных комбинациях, создают следующие четыре ситуации:

1. Возможна только отрицательная интерпретация. Она возникает при следующей комбинации названных выше факторов: а) глагол имеет не стативное значение; б) у него есть валентность количества; в) количественное дополнение имеет не временное значение; г) количественное дополнение оформляется не винительным падежом.

(114) *Он не купил (не продал (не сдал, не снял)) дачу за сто рублей (акт купли-продажи (аренды) на указанных денежных условиях не состоялся).*

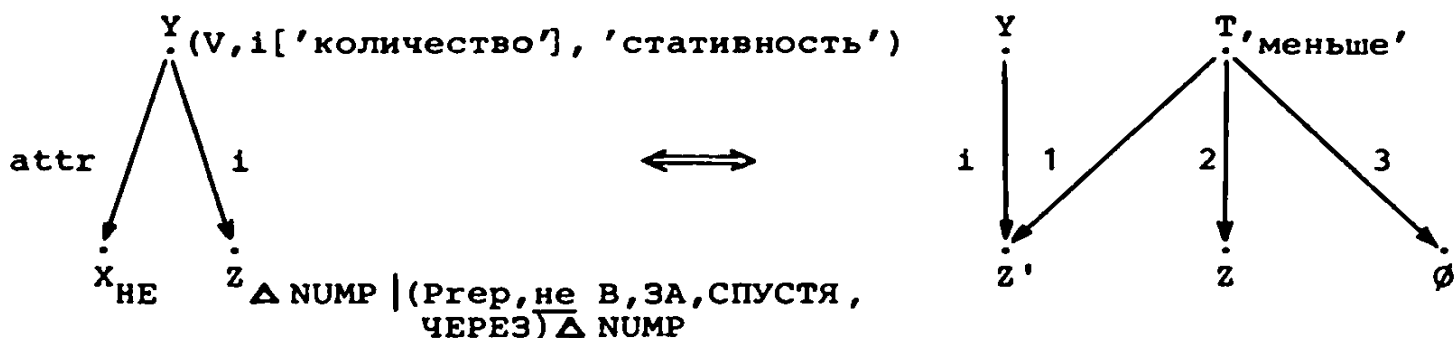
2. Возможна только "уменьшительная" интерпретация. Она возникает при следующей комбинации факторов: а) глагол имеет стативное значение; б) у него есть валентность количества; в) количественное дополнение может иметь любое значение; г) временное количественное дополнение оформляется не предлогами *в, за, спустя, через*.

Указанными свойствами обладает большая группа глаголов русского языка, ср. *бить* (*Ружье бьет на километр*), *весить* (*пять килограмм*), *емещать* (*три литра*), *делать* (*сто оборотов в минуту*), *длиться* (*два часа*), *достигать* (*роста человека*), *доходить* (*до сорока градусов*), *насчитывать* (*5000 жителей*), *превосходить* (*на пять процентов*), *прождать* (*кого-л. час*), *прожить* (*две недели*), *рассчитан* (*на 100.000 зрителей*), *составлять* (*200 фунтов*), *стоять* (*пять рублей*) и другие.

(115) X не стоит (не весит, ...) P (например, *Пальто не стоит 50 рублей, Мешок не весит 50 килограмм*) = 'X стоит (весит, ...) меньше, чем P'.²⁸

В общем виде и формально:

(115')

3. Возможна только "увеличительная" интерпретация. Она возникает при следующей комбинации факторов: а) значение глагола - любое, б) валентность количества может отсутствовать, в) количественное зависимое - дополнение или обстоятельство - имеет временное значение, г) количественное зависимое оформляется предложно-именной группой с предлогами *в*, *за*, *спустя*, *через*.

(116i) *Он не написал книгу за год* (если книга была написана, то на это потребовалось больше времени),

(116ii) *Деревья не распускаются за пять дней* (распускаются больше, чем за пять дней),

(116iii) *Он не возвратится через три минуты* (*пять минут спустя* (возвратится через больший промежуток времени)).

4. Возможна - при разных областях действия частицы *не* - "уменьшительная" или отрицательная интерпретация (ситуация омонимии).

Эта ситуация возникает при следующих двух комбинациях факторов:

1) либо а) глагол не стативен, б) валентность количества может отсутствовать, в) количественное зависимое - дополнение или обстоятельство - имеет любое значение, г) количественное дополнение

оформляется винительным падежом, а временное количественное обстоятельство - не предлогами *в, за, спустя, через*; 2) либо а) глагол стативен, б) у него нет валентности количества, в) количественное обстоятельство имеет временное значение, г) количественное обстоятельство оформляется не предлогами *в, за, спустя, через*.

- (117i) *Крейсер не плавал два года* (либо плавал меньше двух лет, либо в течение двух лет не плавал совсем),
- (117ii) *Он не истратил (не израсходовал) десять рублей* (либо израсходовал меньше десяти рублей, либо израсходовал все, за исключением десяти рублей),
- (117iii) *Он не прошел три мили* (либо прошел меньше трех миль, либо прошел все расстояние за исключением последних трех миль),
- (117iv) *Он не прыгнул на три метра* (либо прыгнул меньше, чем на три метра, либо вообще еще не прыгал на три метра),
- (117v) *Картина не висела (не лежала) там месяц* (либо висела (лежала) там меньше месяца, либо в течение месяца ее вообще там не было).

Имеется несколько исключений из этих правил. В том виде, как они были нами сформулированы (см. пункты 1.-4.), они не распространяются на слова *успевать - успеть, хватать - хватить, достаточно, равняться, равен* и некоторые другие. Все эти слова, хотя и по разным причинам, допускают только отрицательное осмысление, хотя и не обладают некоторыми из свойств а) - г), перечисленными в пункте 1.:

- (118i) *Мне не хватило 40 минут (литра воды)* ('Мне нужно было больше, чем 40 минут (литр воды)')²⁹,
- (118ii) *Я не успел сделать это за три дня* ('Мне нужно было больше, чем три дня, чтобы сделать это')²⁹,
- (118iii) *Площадь участка не равна двум гектарам* (либо меньше, либо больше двух гектаров).

Тем не менее, все четыре данных выше правила (ср. вполне строгую формулировку (115')) распространяются не на отдельные слова, а на целые группы слов и имеют, таким образом, достаточно общий характер.

4.1.2. Рассмотрим теперь два примера частных правил.

4.1.2.1. Предложение (119), произнесенное с нейтральной интонацией, омонимично и понимается либо в смысле (119'), либо в смысле (119''):

(119) *Вы не должны ходить туда.*

(119') 'Вам можно не ходить туда'.

(119'') 'Вам нельзя ходить туда'.

Как было предположено в Апресян 1974, 114, осмысление (119') получается на основании правил (120i)-(120iii), а осмысление (119'') - на основании правил (120i), (120iii) и (120iv):

(120i) $X \text{ должен } P \cong 'X\text{-у нельзя не } P'.$

(120ii) $X\text{-у нельзя } P \cong 'X\text{-у не можно } P'.$

(120iii) $'X_{\text{не}} \longrightarrow Y_{\text{не}} \longrightarrow P' = 'P',$

(120iv) $X_{\text{не}} \xleftarrow{\text{attr}} P \xrightarrow{2} Q' = 'P \xrightarrow{2} X_{\text{не}} \xrightarrow{1} Q',^{30}$

Действительно,

(119) *Вы не должны ходить туда* =
 'Вам не нельзя не ходить туда' =
 'Вам не не можно не ходить туда' =
 'Вам можно не ходить туда', т.е.(119')

(119) *Вы не должны ходить туда* =
 'Вы должны не ходить туда' =
 'Вам нельзя не не ходить туда' =
 'Вам нельзя ходить туда', т.е.(119'')

В дополнение к сказанному мы бы хотели обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство. Казалось бы, что правило смещения отрицания, действующее на таких "логических" словах, как отрицательная частица *не* и модальные глаголы, прилагательные и наречия, должно быть достаточно общим. Оно, действительно, допускает обобщения (см. предлагаемое ниже понятие "смещенного наречия"), но не на материале модальных слов. Даже такие (квази)синонимичные *должен* слова, как *обязан* и *следует*, не обладают свойством порождать омонимию рассматриваемого типа. Для отрицательных предложений с прилагательным *обязан* возможно только первое осмысление (разрешение не делать чего-л., см. (121)), а для отрицательных предложений с глаголом *следует* - только второе (запрещение делать что-л., см. (122)):

(121) *Вы не обязаны ходить туда* \cong 'Вам можно не ходить туда',

(122) *Вам не следует ходить туда* \cong 'Вам нельзя ходить туда'.

Таким образом информация об областях действия отрицательной частицы *не* в рассматриваемом случае не может быть задана никакими общими

правилами. Она должна быть занесена непосредственно в словарные статьи слов *должен* и *следует* (в поведении *обязан* относительно не ничего специфичного нет).

4.1.2.2. Во фразах типа (123) частица *чуть не* имеет три разные области действия в толковании глагола *убить* и создает, соответственно, три разные возможности понимания описываемых ими ситуаций (ср. (15) и (16)):

(123) *Джон чуть не убил его.*

(123') '*Джон чуть не каузировал то, что он стал мертвым*'.

(123'') '*Джон каузировал то, что он чуть не стал мертвым*'.

(123''') '*Джон каузировал то, что он стал чуть не (=почти) мертвым*'.

Некоторые теоретики порождающей семантики (см., например, McCawley 1968a, где были впервые рассмотрены такие примеры) сочли (123')-(123''') общим правилом грамматики, применимым к любым семантическим представлениям (толкованиям), в которые входит подструктура вида '*каузировать то, что X начал (перестал) иметь свойство или состояние P*'. Это утверждение ошибочно. В лучшем случае (123')-(123''') верно для *убить* в основном значении и еще нескольких подобных глаголов. Другие глаголы ему не подчиняются, хотя в их толкования и входит требуемая семантическая подструктура; предложения (124i)-(124iii) описывают каждое ровно одну ситуацию:

(124i) *Подражание старим мастерам чуть не убило его оригинальное дарование* ('...каузировало перестать существовать'),

(124ii) *Его чуть не расстреляли* ('...каузировали стать мертвым в порядке наказания путем стрельбы из стрелкового оружия'),

(124iii) *Он чуть не заразил меня тифом* ('...каузировал стать больным').

Следовательно, (123')-(123''') - частное правило, подлежащее фиксации в словарных статьях тех лексем, которые ему подчиняются.

4.2. Правила области действия.

Существует четыре разновидности правил семантической области действия:

- областью действия слова *X* является то слово *У*, которое непосредственно связано с *X*-ом в ГСС (нормальный случай);
- областью действия слова *X* является не одно слово *У*, непосредственно связанное с *X*-ом в ГСС, а синтаксическая группа \tilde{U} , т.е. *У* и все непосредственно или опосредованно зависящие от него слова (ситуация "мешка");

- областью действия слова X является слово Y , которое в ГСС непосредственно с X -ом не связано (ситуация смещения);
- областью действия слова X является не слово (или группа слов) Y целиком, а определенный компонент в ПСемС слова Y (взаимодействие на семантически субмолекулярном уровне).

Интересны для нас лишь три последние разновидности.

4.2.1. Наречие *постепенно* в ГСС предложений типа

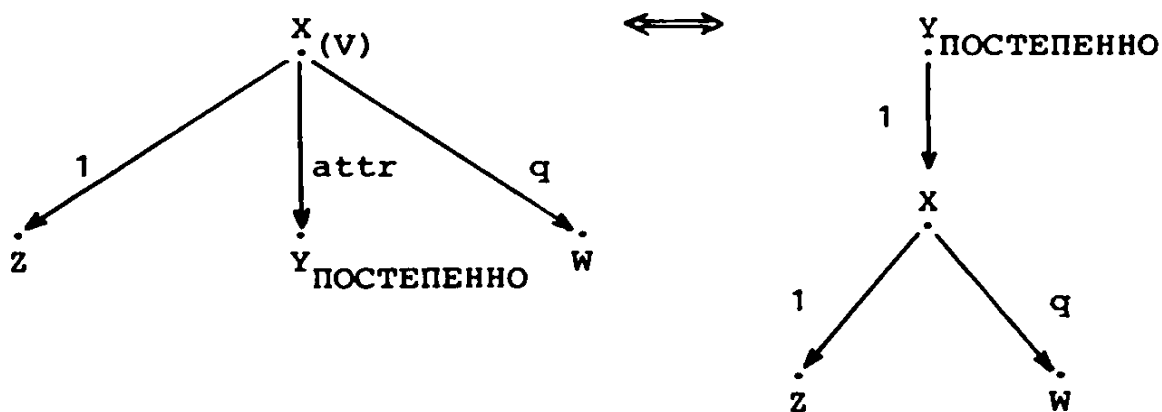
(1251) *Пришло время расставаться, товарищи постепенно уезжали один за другим* (И.Гончаров)

синтаксически подчинено глаголу, однако семантически (в ПСемС) связано не только с глаголом, но со всей глагольной группой *товарищи уезжали один за другим*: очевидно, что предикат *постепенно* должен иметь в качестве своего аргумента название разворачивающегося во времени процесса (сначала уехал один товарищ, затем - другой, затем - третий и т.д., причем временные интервалы между отъездами были приблизительно равными), а не название одноактного действия, каким является отъезд одного лица; фразы типа

(1251i) [?]*Иван постепенно уезжал*

воспринимаются по крайней мере как семантически странные именно потому, что только что сформулированное требование в них не соблюдено.

Описание слова *постепенно* - самостоятельная и нелегкая семантическая и синтаксическая проблема, которой мы здесь не будем касаться. Отметим только, что для перевода в ПСемС по крайней мере некоторых ГСС, содержащих это наречие, необходимо правило ГСС \leftrightarrow ПСемС следующего вида:

4.2.2. Наречие *случайно* в ГСС предложений типа

(127i) *Он случайно решал ту же самую задачу, что и вы* синтаксически подчинено глаголу, а семантически в ПСемС связано только со словами *ту же самую*, т.е. с идеей совпадения. Действительно, в качестве случайного в (127i) представлен, конечно, не факт решения задачи, а исключительно факт совпадения задач, решаемых разными людьми. Фразы типа

(127ii) [?]*Он случайно решал задачу,*

в которых для предиката *случайно* не находится не одного подходящего аргумента, воспринимаются как семантически аномальные, потому что их приходится интерпретировать в странном смысле 'обдумывал случайно с целью получить ответ на содержащийся в задаче вопрос'.

Следовательно, в (127i) имеет место своего рода "смещенное наречие", семантическая интерпретация которого получается по правилу, во многом подобному правилу смещенного отрицания (см. (120iv) и примечание 28). В связи с этим укажем на возможность дальнейшего обобщения понятия смещения: по-видимому, явление смещения характерно не только для отрицания, но и для большинства частиц, многих наречий и, может быть, некоторых прилагательных.

Отметим еще одну интересную деталь. Во фразе

(127iii) *Он случайно решил задачу,*

отличающейся от (127ii) только видом глагола, никакой аномальности или неправильности нет. Связано это с тем, что *случайно* в (127iii) имеет другую область действия, чем в (127i), а именно, компонент 'получить' в толковании глагола *решить*: *случайно решить* значит 'случайно получить ответ', а в случайном получении ответа, в отличие от случайного обдумывания, ничего странного, разумеется, нет.

4.2.3. Пример (127iii) подводит нас к третьей интересной разновидности правил семантической области действия, которая характеризуется тем, что областью действия слова X является компонент в ПСемС слова Y.

Имеется по крайней мере четыре группы смыслов, для которых необходимо иметь такое понятие области действия:

- отрицание;
- кванторные, количественные и степенные смыслы типа 'все', 'никакой', 'много', 'мало', 'достаточно', 'почти', 'постепенно' (ср. словосочетания типа *постепенно пожелтел*);
- модальные смыслы типа 'хотеть', 'мочь', 'должен' и т.п., (ср. *Я хочу потребовать, чтобы вы ушли* = 'Я хочу побудить

- вас уйти, считая, что вы должны это сделать', а не
'... Я хочу считать, что вы должны уйти');
- оценочные смыслы типа 'хороший', 'плохой', 'правильный',
'неправильный', 'случайный' и т.п.

Ниже мы рассмотрим только один, но, как нам кажется, весьма поучительный пример правил области действия интересующего нас типа, - взаимодействие оценочных наречий с компонентами ПСемС некоторых глаголов и существительных.

Предложение

(128i) *Петя хорошо охарактеризовал своих однокурсников* отчетливо омонимично и значит либо то, что говорящий высоко оценил мастерство Петиного описания, либо то, что Петя с похвалой отозвался о своих однокурсниках. В первом случае оно синонимично, с большей или меньшей степенью точности, предложению (128ii), а во втором - предложению (128iii):

(128ii) *Петя хорошо справился с характеристикой своих однокурсников,*

(128iii) *Петя дал хорошую характеристику своим однокурсникам.* Требуется объяснить эту неоднозначность и синонимичность, т.е. указать их источник.

Два хорошо изученных источника неоднозначности предложений - многозначность слов и омонимия синтаксических конструкций. Рассмотрим обе эти возможности применительно к (128i).

Допустим, что неоднозначность (128i) сводится к лексической полисемии (о)характеризовать:

(129') *X (о)характеризовал 1 Y-а* \cong 'человек X описал существенные свойства объекта Y',

(129'') *X (о)характеризовал 2 Y-а как Z* \cong 'человек X оценил как Z существенные свойства объекта Y'.

Тогда *хорошо охарактеризовал 1* = 'хорошо описал ...', т.е. (128ii), а *хорошо охарактеризовал 2* = 'оценил как хорошие ...', т.е. (128iii).

Это объяснение - неверное. Всякий раз, когда лексически многозначное слово *B* в значениях '*B*₁' и '*B*₂' может осмысленно фигурировать во фразах вида *ABC*, эти фразы воспринимаются как неоднозначные; ср.

(130) *остановка трамвая* = 'событие, состоящее в том, что трамвай остановился' vs. 'место, где обычно останавливается трамвай для высадки и посадки пассажиров',

(131) *эмалировка таза* = 'действие, состоящее в том, что таз эмалируют' vs. 'слой эмали, наложенный на поверхность таза,

- (132) *Была поставлена задача вывести сумчатого волка*
 (Теперь поставлена задача вернуть к жизни эту редчайшую породу, а когда-то австралийские фермеры поставили задачу истребить ее полностью как вредную для сельского хозяйства).

Ясно, что ничего подобного во фразах типа

- (128iv) *Петя охарактеризовал своих однокурсников*

не происходит: они никак не могут быть поняты в двух разных смыслах, и, следовательно, гипотеза о лексической многозначности *(о)характеризовать* должна быть отвергнута. Мы уж не говорим о том, что ни один толковый словарь русского языка не разбивает *(о)характеризовать* на значения указанным выше образом.

Перейдем ко второму источнику неоднозначности предложений - омонимии синтаксических конструкций. Нас будет интересовать лишь та разновидность синтаксической омонимии, которая представлена во фразах типа

- (133) *скорость света,*

которым соответствуют синтаксические структуры

- (133') *скорость свет,*
-

- (133'') *скорость свет.*
-

В случае (133') фраза (133) понимается в смысле 'скорость, характеризующая распространение света' (ср. *Скорость света равна 300 000 км/сек*), а в случае (133'') в смысле 'скорость перемещения объекта, равная скорости, с которой распространяется свет' (ср. *Никакой космический аппарат не может лететь со скоростью света*).

Неоднозначность (128i) можно свести к такого рода синтаксической омонимии при следующих допущениях: а) глагол *(о)характеризовать* имеет, помимо семантических валентностей субъекта и объекта характеристики (кто охарактеризовал кого), еще и семантическую валентность содержания характеристики (как охарактеризовал); б) наречие типа *хорошо* может присоединяться к глаголу не только обстоятельственным отношением, как это обычно считается, но и комплетивным (актантным) отношением, если у глагола имеется соответствующая валентность. Поскольку у *(о)характеризовать* она есть, получаем синтаксические структуры:

- (128i') *Петя хорошо -охарактеризовал своих однокурсников,*
-

- (128i'') *Петя хорошо охарактеризовал своих однокурсников.*
-

Изложенную гипотезу отводить не следует. Однако она не только не противоречит гипотезе о том, что *хорошо* имеет в ПСемС глагола (о)характеризовать разные семантические области действия, но идеальным образом дополняет ее.

(134) *X охарактеризовал Y-а как Z* \cong 'человек X описал существенные свойства объекта Y и оценил Y как Z'.

Если *хорошо* присоединяется к (о)характеризовать обстоятельственным поверхностно-синтаксическим (атрибутивным глубинно-синтаксическим) отношением, оно имеет в ПСемС в качестве своей области действия предикат 'описать', что дает осмысление (128ii):

(135) *X хорошо охарактеризовал Y-а* \cong 'человек X хорошо описал существенные свойства объекта Y и оценил Y как Z'.

Если же *хорошо* присоединяется к (о)характеризовать вторым компле- тивным поверхностно-синтаксическим отношением (третьим глубинно-син- таксическим), оно имеет в ПСемС в качестве своей области действия наз- вание объекта Y, являющегося темой характеристики, что дает осмысление (128iii):

(136) *X хорошо охарактеризовал Y-а* \cong 'человек X описал существен- ные свойства объекта Y и оценил Y как хороший'.

Таким образом, источником неоднозначности предложения (128i) в конечном счете является тот факт, что у наречия *хорошо* в ПСемС (о)ха- рактеризовать могут быть разные области действия.

Рассмотренное правило поучительно еще и потому, что оно носит частный характер и должно быть помещено не в грамматический, а в сло- варный компонент лингвистического описания. Чтобы продемонстрировать это, исследуем сначала глагольный, а затем адвербиальный и субстан- тивный компонент словосочетаний типа *хорошо характеризовать кого-что-л.*

Возьмем предложение

(137) *Петя не побоялся выступить против директора, и это хоро- шо его характеризует,*

в котором глагол *характеризовать* представлен в другом значении (кстати сказать, не имеющем формы совершенного вида). В этом предложении словосочетание *хорошо характеризовать* допускает только одно осмысле- ние. Следовательно, установленное нами правило распространяется лишь на указанное в (134) значение глагола (о)характеризовать.

Предложения

(138) *Петя хорошо описал своих однокурсников,*

(139) *Петя хорошо отозвался о своих однокурсниках*

тоже однозначны, но при этом (138) понимается только в смысле, близком к (128ii), а (139) - только в смысле, близком к (128iii). Следовательно, эффект неоднозначности возникает не при всяком глаголе, даже если он очень похож по значению на (о)характеризовать. Принципиальная возможность неоднозначности возникает только тогда, когда слово обозначает действие, в ходе которого выражается оценка какого-то объекта, но даже в этом случае оно реализуется не всегда; ср. однозначное *Он хорошо отрецензировал книгу.*

Отметим, наконец, что условием, способствующим или препятствующим неоднозначности, может быть видовая форма глагола; (140i) понимается в двух смыслах, а (140ii), при нейтральном интонировании, скорее в первом из них ('хорошее описание'), чем во втором ('похвала'):

(140i) *Петя хорошо говорил о своих однокурсниках,*

(140ii) *Петя хорошо сказал о своих однокурсниках.*

Похожий тип неоднозначности возникает в предложениях с существительными, в ПСемС которых входят компоненты 'действие' (или 'продукт действия') и 'оценка'. Словосочетания *хорошая рецензия, хороший отзыв* могут обозначать хорошо написанную, хотя и суровую критическую статью, или неважно как написанную, но хвалебную критическую статью. Любопытно, что глагол *отзываться*, связанный с существительным *отзыв* по крайней мере формальным отношением производности, не порождает ситуации неоднозначности (см. (139)).

В связи с таким разнообразием в поведении казалось бы очень похожих друг на друга слов соответствующие правила должны фиксироваться отдельно для каждого из них, т.е. в словаре (в частности, в словарной статье глагола (о)характеризовать).

Следующее подтверждение правильности словарного подхода к описанию всех этих фактов получается при рассмотрении адвербиального компонента предложений интересующего нас типа. Очевидно, что далеко не все наречия могут иметь разные области действия в ПСемС лексем, отвечающих сформулированному выше условию о наличии компонентов 'действие' и 'оценка'. Предложения типа

(141) *Петя быстро охарактеризовал своих однокурсников*

однозначны.

Более того, однозначны, хотя и по-разному, даже предложения

(142i) *Петя удачно (умело) охарактеризовал своих однокурсников*
(только осмысление (128ii)).

(142ii) *Петя положительно охарактеризовал своих однокурсников* (только осмысление (128iii)).

Как показывают эти примеры, способность порождать неоднозначность изучаемого типа в разной мере характерна даже для оценочных наречий. Она присуща наречиям *хорошо, плохо, неплохо*, но не наречиям *удачно, умело, изумительно, превосходно* (только осмысление (128ii)) и не наречиям *положительно, отрицательно, позитивно, негативно* (только осмысление (128iii)). Эти различия связаны, конечно, с толкованиями соответствующих наречий.

Рассмотрим, наконец, субстантивный компонент словосочетаний типа *хорошо (о)характеризовать кого-что-л.* Предложения типа (143i) неоднозначны, а предложения типа (143ii), как указала (устно) Т.В.Булыгина, понимаются только в одном смысле (близком к 128ii)), хотя в принципе ситуацию, обстановку и другие подобные объекты можно оценивать как хорошие или плохие:

(143i) *Он хорошо охарактеризовал вашу диссертацию (работу),*

(143ii) *Он хорошо охарактеризовал ситуацию (обстановку).*

Следовательно, одним из необходимых условий возникновения неоднозначности является природа характеризуемого объекта: неоднозначность возможна, если предметом обсуждения является человек или продукт его мысли.

4.3. Правила семантической модификации.

При описании семантически содержательных единиц языка, в особенности словарных, часто возникает следующая ситуация: единица X , которой приписана ПСемС ' X ', при определенной совокупности условий C меняет ПСемС ' X ' на ПСемС ' $X + \alpha$ ', где ' α ' - весьма незначительное семантическое приращение.

Ситуации такого рода могут быть адекватно описаны двумя принципиально различными способами: во-первых, ' $X + \alpha$ ' можно считать другим значением единицы X , требующим для своей реализации совокупности условий C ; во-вторых, можно считать, что смысл ' $X + \alpha$ ' является, так сказать, позиционно обусловленной модификацией, разновидностью смысла ' X '.

Выбор второго решения почти всегда может быть мотивирован и содержательно, и формально. Содержательные соображения, вынуждающие нас предпочитать описание второго рода, будут излагаться непосредственно при обсуждении конкретных примеров. Что касается формальных соображений, то они сводятся к принципу экономии. Описание, вклю-

чающее правило семантической модификации, но не требующее расщепления значения единицы X на ' X ' и ' $X + \alpha$ ', предпочитается в тех случаях, когда вся лексикографическая информация об $X = 'X'$ и $X = 'X + \alpha'$, за исключением совокупности условий C , совпадает. Очевидно, что если бы в такой ситуации ' X ' и ' $X + \alpha$ ' считались все же разными значениями единицы X , их пришлось бы описывать в отдельных словарных статьях, дублируя в словарной статье $X = 'X + \alpha'$ всю лексикографическую информацию, уже внесенную в словарную статью $X = 'X'$.

Одна разновидность правил семантической модификации - так называемый семантический эллипсис - уже давно привлекла к себе внимание (см. например, Леонтьева 1967). Более широкий круг фактов был описан в материалах к толково-комбинаторному словарю (ТКС 1970-1976), в которых правила семантической модификации фигурировали под названием "поправок к толкованиям".

В большинстве случаев необходимость в правилах семантической модификации возникает в связи с тем, что определенная семантическая валентность предикатного слова X выражается несколькими разными способами, причем некоторые из этих способов слегка трансформируют значение ' X '. Рассмотрим материал.

4.3.1. В предложениях

(144i) *Мальчики бросали камешки в воду (на землю, под колеса машин),*

(144ii) *Бросайте оружие!*

(144iii) *Мальчики бросали камешками друг в друга*

глагол *бросать* не остается семантически неизменным. В (144i) и (144ii) ему может быть приписано толкование

(144') X бросает Y в $Z \cong$ 'Существо X движением руки, в которой оно держит предмет Y , каузирует то, что Y летит или падает в объект или место Z '.

Между тем, (144iii) должно быть истолковано несколько иначе:

(144'') X бросает Y -ом в $Z \cong$ 'Существо X резким движением руки, в которой оно держит предмет Y , каузирует то, что Y летит в объект Z , с целью поразить Z '.

Различия между (144') и (144'') сводятся к тому, что в (144'') добавляются смыслы 'резкий', 'с целью поразить' и снимаются смыслы 'или падать', 'или место'.

Указанным семантическим различиям соответствуют следующие синтаксические и лексико-синтаксические различия: в (144i) и (144ii)

вторая валентность *бросать* оформляется винительным падежом существительного, а в (144iii) - творительным падежом, третья валентность в (144i) и (144ii) оформляется любым предлогом со значением конечной точки, а в (144iii) - только предлогом *в*.

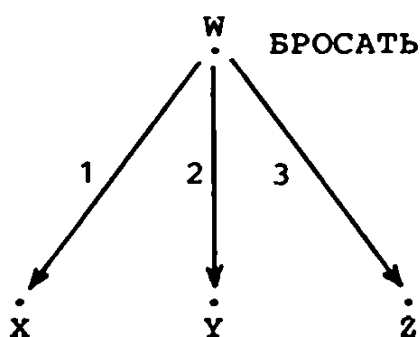
Эти факты описываются моделью управления (145i) и правилом семантической модификации (145ii).

(145i)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$	$M_3 = Z$
1. (S), им	1. (S), вин 2. (S), твор	1. (Преп, конечн)

1) если $M_2 = D_{2.2}$, то $M_3 = B$

(145ii)

'... резким движением...
X каузирует то, что Y летит в объект Z, с целью поразить Z'

1) $M_2 = D_{2.2}$
2) $Z = B$

Во всех других условиях действует основное толкование (144').

Альтернативное описание, предполагающее выделение в материале (144i) - (144iii) двух разных значений - *бросать 1* и *бросать 2* - антиинтуитивно. Не случайно все толковые словари русского языка усматривают здесь единое значение глагола *бросать*.

Формальным аргументом против расщепления значений является то обстоятельство, что в словарной статье *бросать 2* необходимо было бы продублировать всю лексикографическую информацию (в частности, все лексические функции), уже внесенную в словарную статью *бросать 1*. Более того, аналогичным образом пришлось бы расщепить синонимичные или родственные значения глагола *кидать* и *швырять*, существительных *бросок* и *швырок* и, может быть, некоторых других слов³¹.

4.3.2. Предложения

(146i) *Охотник стрелял в медведя,*

(146ii) *Охотник стрелял по медведю*

семантически противопоставлены следующим образом: (146i) предполагает выстрел с небольшого расстояния или выстрел с потенциально точечной областью поражения или выстрел по стационарному объекту (ср. *Охотник в упор выстрелил в медведя*). В отличие от этого, (146ii) предполагает выстрел с достаточно большого расстояния или выстрел по движущемуся объекту (ср. странность [?]*Охотник в упор выстрелил по медведю*), причем характер потенциальной области поражения нерелевантен.

Очевидно, что указанные семантические различия нельзя разумным образом связать с различиями значений глагола *стрелять*: в (146i) и (146ii) *стрелять* вне всяких сомнений представлен одним и тем же значением.

Противопоставление 'точечная область поражения' vs. 'любая область поражения' естественно сводится к различию в значениях предлогов *в* и *по*. Однако два других противопоставления нельзя свести к различиям между *в* и *по* без очень серьезной натяжки.

Действительно, если смысл 'с небольшого расстояния или по стационарному объекту' считать компонентом одного из значений предлога *в*, а смысл 'с достаточно большого расстояния или по движущемуся объекту' - компонентом одного из значений предлога *по*, придется сделать следующее абсолютно неправдоподобное допущение: у предлогов *в* и *по* имеются пространственные значения, требующие в качестве условия своей реализации управляющего глагола со значением стрельбы (ср. *бить из тяжелых орудий, палить из пушек, строчить из пулемета*). Крайне мало вероятно, чтобы пространственные значения предлогов *в* и *по* различались в зависимости от таких узких контекстов.

Если бы мы захотели пойти по этому пути достаточно далеко, мы должны были бы признать, что в контексте глаголов со значением удара реализуются другие значения тех же самых предлогов; ср. *Кони били копытами в землю, Солдаты молотили прикладами в дверь* ('удар прямой или место удара мыслится как точка') vs. *Кони били копытами по земле, Солдаты молотили прикладами по двери* ('удар скользящий или место удара мыслится как поверхность'). Как видим, этот путь чреват абсолютно неоправданным "умножением сущностей".

Указанные обстоятельства вынуждают нас принять другое решение - ввести два правила семантической модификации для всех глаголов со значением стрельбы, способных управлять предлогами *в* и *по*. Ввиду очевидности правил они в явном виде невыписываются.

4.3.3. У глаголов *порезать*, *поцарапать*, *ранить*, *ударить*, *уколоть* и некоторых других имеется четырехвалентная модель управления следующего вида:

(147i)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$	$M_3 = Z$	$M_4 = W$
1. (S), им	1. (S), вин	1. (S), твор 2. O(S), вин	1. (S), дат

1) если $M_3 = D_{3.2}$, то $M_4 = \text{СЕБЕ}$

(147ii) *Кошка поцарапала ему лицо когтями,*

(147iii) *Осторожнее, ты мне поцарапаешь иголкой палец,*

(147iv) *Я поцарапал себе палец о стекло,*

(147v) [?]*Я ему поцарапал палец о стекло.*

Как показывают примеры (147ii)-(147v), между двумя альтернативными способами выражения третьей валентности таких глаголов - (S), твор vs. o (S), вин - имеются следующие семантические различия:

(α) 'M₃ подвижный, свободно манипулируемый' vs. 'M₃ стационарный или закрепленный'

(β) 'ненамеренно или намеренно' vs. 'ненамеренно'.

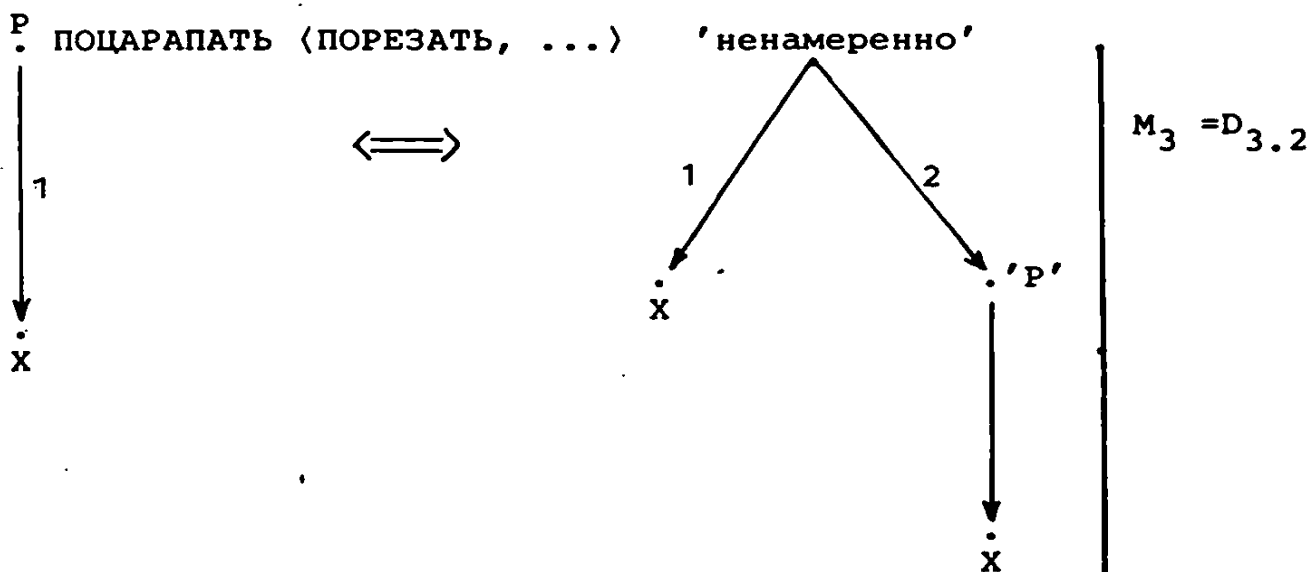
Противопоставление (α) можно (и нужно) свести к различию в значениях форм (S), твор и o (S), вин. В инструментальном значении (S), твор всегда обозначает свободно манипулируемый инструмент, а o (S), вин - стационарный, закрепленный; ср. *втирать руки полотенцем* vs. *втирать руки о полотенце*, *точить нож напильником* vs. *точить нож о камень*.

С противопоставлением (β) так поступить нельзя: форма (S), твор вполне совместима с идеей ненамеренности действия (ср. *поранить руку ножом*), а форма o (S), вин - с идеей намеренности действия (ср. *почесать спину о забор*).

Остается одна возможность - связать различие (β) со всей совокупностью языковых факторов, представленных в предложении, т.е.

ввести правило семантической модификации в словарные статьи глаголов *порезать*, *поцарапать*, *ранить* и т.д. Если обозначить через 'P' основное толкование такого глагола, то правило семантической модификации примет следующий вид:

(148)

4.3.4. Основное значение глагола *послать* может быть сформулировано следующим образом:

(1491) *X послал Y из W в/на Z делать P* \cong 'человек X каузировал то, что человек Y, получив от X-а задание делать P, отправился из места W в место Z делать P'.

В этом значении *послать* имеет следующую модель управления:

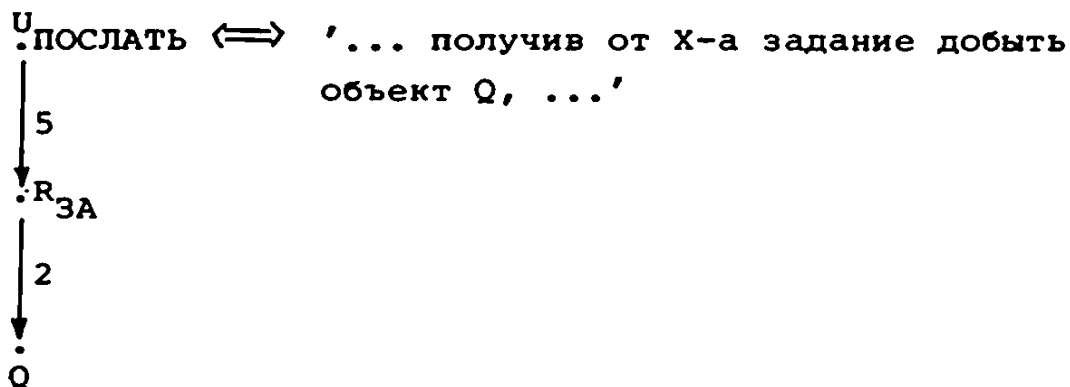
(1491i)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$	$M_3 = W$	$M_4 = Z$	$M_5 = P$
1. (S), им	1. (S), вин	1. (Прер, исход) 2. (Adv, исход)	1. (Прер, конечн) 2. (Adv, конечн)	1. НА (S), вин 2. ЗА (S), твор 3. (V), инф

Первая и последняя формы выражения пятой - целевой - валентности принципиально трансформируемы (*послать кого-л. на прогулку* \longleftrightarrow *послать кого-л. гулять*), не связаны ни с каким приращением смысла и поэтому не требуют никаких правил семантической модификации. В отличие от этого, форма *за* (S), твор связана с приращением смысла (*послать кого-л. за бочкотарой* \longleftrightarrow 'послать кого-л. приобрести или достать бочкотару'),

который, однако, самой этой форме не может быть приписан. Поэтому для ее обработки оказывается необходимо следующее правило семантической модификации:

(149iii)

4.3.5. В заключение этого раздела рассмотрим, с некоторыми уточнениями, один интересный класс правил семантической модификации, описанный в ТКС 1970-1976.

Слова, обозначающие физические параметры или линейные размеры вещей (*вес, высота, длина, скорость, температура, цвет* и т.п.), имеют по две семантические валентности. Своей первой валентностью такое слово присоединяет к себе название вещи, которой присущ данный параметр (*вес мешка, высота дома, длина дороги, скорость поезда, температура воздуха, цвет ткани*), а второй валентностью - значение величины. Схематически:

(150)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$
1. (S), род	1. (NUMP), им 2. В (NUMP), вин 3. (A) 4. (S), род

Как легко видеть из (150), значение величины может быть указано либо явно (первые три способа, ср. *вес в пять килограмм, высота 500 метров, десятиметровая длина*), либо неявно (последний способ, ср. *со скоростью света, цвета граната*).

Специальный интерес для нас представляет этот последний способ выражения второй валентности, потому что именно с ним связано одно важное правило семантической модификации.

Мы уже говорили (см. (133)), что словосочетания типа

(151i) *бить на высоте Монблана,*

(151ii) *лететь со скоростью света,*

(151iii) *происходить при температуре плавления вольфрама,*

(151iv) *платье цвета граната*

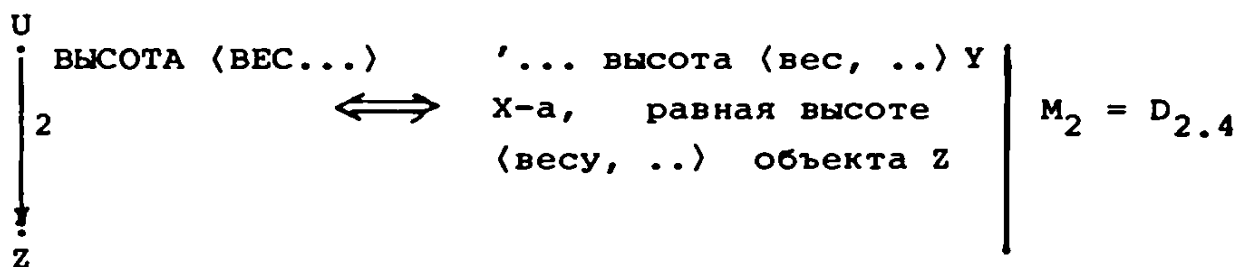
имеют значения

(151i') 'быть на высоте, равной высоте Монблана',

(151ii') 'лететь со скоростью, равной скорости света'

и т.д. Смысловые компоненты, выделенные разрядкой, не входят в основное толкование соответствующих существительных и должны вырабатываться специальным правилом семантической модификации. Оно имеет следующий вид:

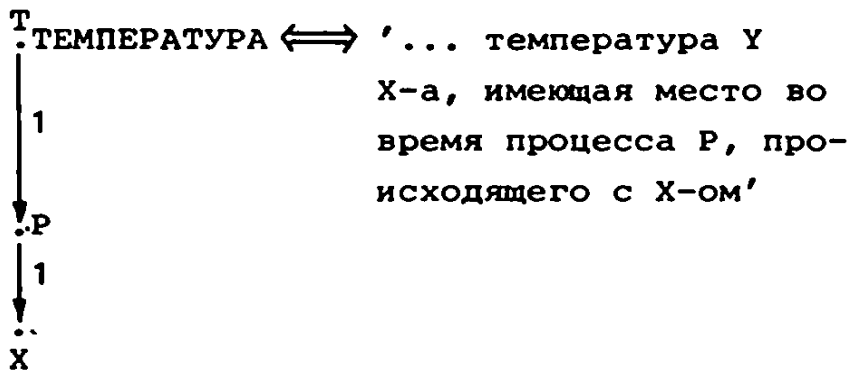
(152)

Аналогичное правило необходимо для семантической интерпретации некоторых предложений со словами типа *судьба, доля, участь, характер, лицо, улыбка, фигура* и т.п., хотя они и не обозначают физического параметра вещи; ср. *Его постигла судьба Джордано Бруно, У него улыбка младенца.*

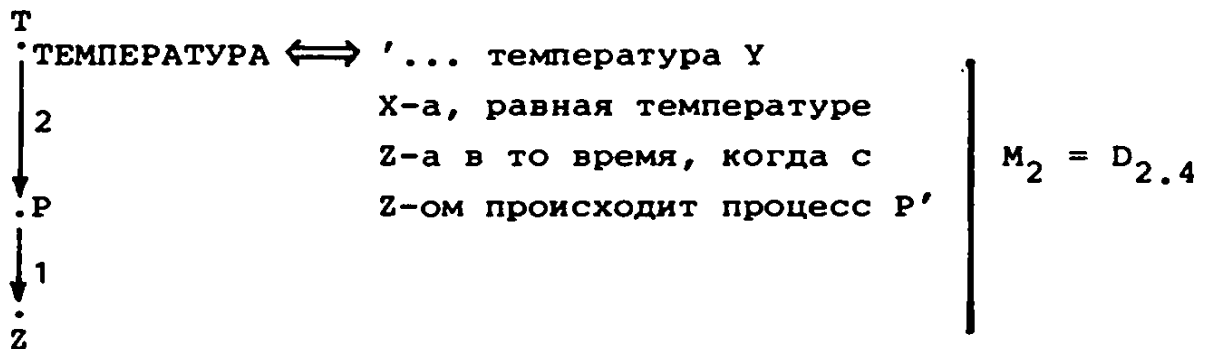
Рассмотрим еще несколько правил семантической модификации, связанных со словом *температура*.

(153)

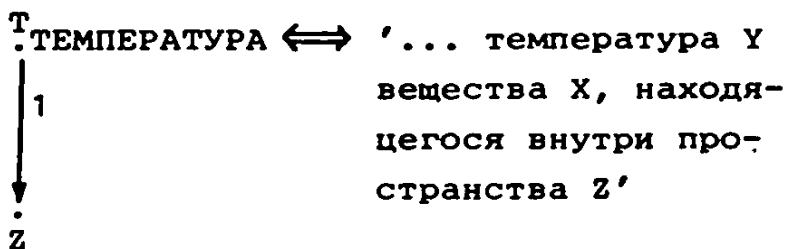
(температура плавления вольфрама (кипения воды)).

(154)

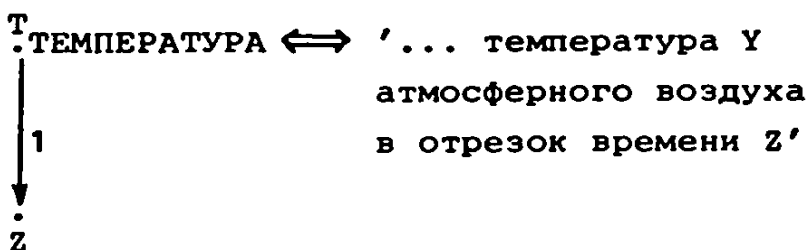
(достигнув температуры плавления [P] стали [Z], вольфрам [X] остается твердим).

(155)

(температура верхних слоев атмосферы).

(156)

(средняя температура сентября (зима)).

5. Заключение

Итак, чтобы выполнять две свои основные задачи - эксплицировать отношения синонимии и отношения омонимии между предложениями определенного естественного языка, или, другими словами, устанавливать много-многозначное соответствие $\{ГСС\} \Leftrightarrow \{ПСемС\}$, поверхностно-семантический компонент должен располагать ПСемС (толкованиями) всех содержательных единиц языка, условиями их выбора и правилами получения из ПСемС отдельных элементов ПСемС целых предложений. Для решения перечисленных задач требуется учесть индивидуальные свойства сотен тысяч словарных, морфологических, синтаксических и просодических единиц и индивидуальные свойства громадного, сейчас пока не представимого числа пар единиц (ср. разные семантические свойства парных словосочетаний *хорошо охарактеризовал - хорошо отозвался - хорошо описал - положительно охарактеризовал - удачно охарактеризовал*). Хотя рядовые носители языка не испытывают, по-видимому, никаких затруднений в практическом использовании всех этих единиц и правил их взаимодействия, их полное формальное описание представляет уникальную по сложности и гигантскую по объему работы теоретическую задачу, поставленную в лингвистике лишь в самое последнее время и еще очень далекую от решения.

Рукопись этой работы была прочтена И. М. Богуславским, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Л. Л. Иомдиным, Л. П. Крысиным, А. В. Лазурским, И. А. Мельчуком, Н. В. Перцовым, Т. Ройтером и В. З. Санниковым, которым автор выражает признательность за чрезвычайно ценные критические и конструктивные замечания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Традиционные грамматики и словари указанным свойством не обладают. Чтобы это утверждение не показалось голословным, сошлемся на следующий хорошо известный факт. В синтаксических описаниях различных языков фигурируют теоретические объекты, которые сейчас принято называть синтаксическими признаками лексических единиц (Katz and Postal 1964, Мельчук и Перцов 1975). Одним из относительно простых синтаксических признаков в русском языке является одушевленность - неодушевленность существительных. В некоторых одноименных формах (например, в форме винительного множественного) такие существительные по-разному согласуются с прилагательными и причастиями, ср. *вижу белых слонов*, но *вижу белые камни*. Соответствующее синтаксическое правило согласования должно, следовательно, использовать информацию о том, является ли данное существительное одушевленным или неодушевленным. Очевидно, что перечисление всех одушевленных и неодушевленных существительных непосредственно при правилах согласования, т.е. в грамматике, в высшей степени нерентабельно. Место этой информации - в словаре. Между тем, единственный словарь русского языка, который содержит пометы об одушевленности - неодушевленности существительных - это грамматический словарь А.А.Зализняка (Зализняк 1977). Ни в одном из существующих толковых словарей, с которыми должны были бы взаимодействовать грамматики, таких сведений нет. Их отсутствие в достаточно полном теоретическом описании языка, дающем возможность строить хотя бы грамматически правильные словосочетания, можно было бы объяснить лишь ссылкой на то, что пометы об одушевленности - неодушевленности избыточны, потому что они однозначно вытекают из имеющихся в словаре толкований существительных: одушевленности соответствует смысл 'живое', а неодушевленности - 'неживое'. Известно, однако, что такой прямой зависимости между рассматриваемыми синтаксическими признаками и смыслами нет, хотя в определенной степени первые и мотивируются вторыми. Действительно, такие слова, как *мертвец*, *покойник*, *робот*, названия тушек животных, употребляемых в пищу, названия кукол в виде людей, зверей и насекомых и само слово *кукла*, названия игральных карт, шахматных фигур, - все это одушевленные существительные, обозначающие неживые существа. Следовательно, синтаксическая помета об одушевленности - неодушевленности существительного в общем случае не дублирует семантической информации, нужна на независимых основаниях и должна включаться в толковый словарь, если он претендует на научный статус интегральной части единого теоретического описания языка. Добавим к сказанному, что общее число таких нетривиальных синтаксических признаков в описаниях развитых литературных языков может достигать нескольких сотен, а в традиционных словарях фиксируется не больше десятка.

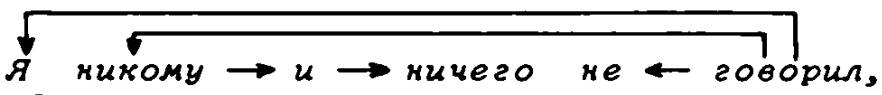
2. Обычно описания значений грамматических и словарных единиц выполняются на разных языках. Значения таких граммем, как *ед - мн* или *сов - несов*, описываются с помощью квазисемантических признаков типа 'единичность' (*книга*), 'цельность, неделимость' (*виноград*, *студенчество*) - 'раздельное множество' (*книги*), 'парность' (*боти*), 'множественная совокупность' (*деньги*), 'собирательность' (*родители*), 'результативность' (*прочитал*), 'потенциальность' (*Тебе не поднять этого камня*), 'изобразительность' (*А ветер как гикнет*) - 'длительность' (*спал час*), 'потенциальность' (*Вы по-венгерски читаете?*), 'узуальность' (*встает в семь часов*) и т.п. Между тем, значения словарных единиц не описываются через признаки, а толкуются, например, *сокращаться* = 'становиться меньше' (*Расстояние между бегунами постепенно сокращалось*). Принципиальное различие между описанием значений через признаки и их толкованием состоит в том, что признаковое опи-

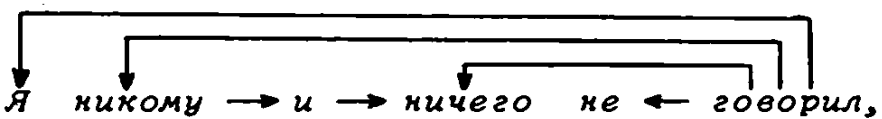
сание не имеет никакой внутренней структуры и поэтому не может быть осмысленным образом введено в текст вместо определяемой единицы, а толкование обладает этим свойством; ср. *Расстояние между бегунами постепенно сокращалось* \Rightarrow 'Расстояние между бегунами постепенно становилось меньше', но не *Пришли Мишины родители* \Rightarrow '*Пришли Мишины родители-сбирательность'. Использование единого семантического языка для описания значений любых содержательных единиц естественного языка создает основу для того, чтобы отношения синонимии между предложениями, независимо от природы материала, из которого они построены, могли быть формально эксплицированы самым простым и непосредственным образом, без каких бы то ни было дополнительных соглашений.

3. Некоторые исследователи используют термины "тема" и "данное", "рема" и "новое" в качестве синонимичных. В системе понятий, принятой в модели "Смысл \leftrightarrow Текст", эти термины обозначают разные, хотя и связанные друг с другом понятия, поскольку существуют предложения, коммуникативную организацию которых нельзя естественно описать одной парой понятий. Рассмотрим, например, коммуникативную организацию предложений *В составе финишировавшей группы было пять голландцев и поляк* и *В составе финишировавшей группы были пять голландцев и поляк*. При нейтральном интонировании темо-рематическое членение обоих предложений идентично: *В составе финишировавшей группы было* (были) - тема, *пять голландцев и поляк* - рема. Между тем, членение на данное - новое в них различно. В первом предложении *пять голландцев и поляк* - новое, а во втором эта группа может быть и данным, и тогда оказывается, что данное находится в реме предложения. Средством выражения этого различия в членении предложений на данное - новое является различное согласование группы подлежащего *пять голландцев и поляк* с глаголом-сказуемым: при отсутствии согласования в числе (было) подлежащее представляет собой чисто классифицирующую именную группу (\cong 'шесть людей, из которых пятеро были голландцами и один - поляком' - новое), а при наличии согласования в числе (были) подлежащее может быть и идентифицирующей именной группой (\cong 'те самые пять голландцев и поляк, о которых уже шла речь' - данное).

4. Введение составляющих в деревья зависимостей диктуется необходимостью отразить в синтаксических представлениях семантические различия, возникающие из-за того, что определенная единица в составе предложения имеет разные области действия. Предложение *Мальчик не болел пять дней* имеет два осмысления: (а) 'Мальчик был здоров в течение пяти дней' и (б) 'Мальчик болел менее пяти дней'. В случае (а) областью действия отрицательной частицы *не* является только глагол, а в случае (б) - глагол вместе с обстоятельством длительности. Эти различия естественней всего удержать посредством синтаксических структур (а') ... не \leftarrow болел \rightarrow день... (без составляющей) и (б') ... не \leftarrow [болел \rightarrow день ...] (с составляющей). Подробнее см. Богуславский 1978б. В Гладкий 1979 предполагается не локальное вкрапление составляющих для различения омонимии пред-

ложений, а использование принципиально комбинированных структур, всегда содержащих и сведения о зависимостях, и сведения о составляющих. Более того, сейчас имеются сильные доводы в пользу того, что в общем случае оптимальные синтаксические структуры – это не деревья, хотя бы и с составляющими, а графы более сложного вида. В Санников 1979 показано, например, что структуру предложений типа *Я никому и ничего не говорил* естественно изображать не посредством традиционных деревьев,

а посредством графов

поскольку нет никаких содержательных оснований считать, что в рассматриваемом предложении вторая валентность глагола *говорить* не насыщена. Однако в данной работе мы не рискуем предпринять столь глубокую ревизию понятия синтаксической структуры и пользуемся приведенным в основном тексте достаточно традиционным понятием.

5. В "падежной грамматике" Ч.Филмора (Fillmore 1968), одно время пользовавшейся большим влиянием (ср. Schank 1972), валентностям предикатных слов, в первую очередь – глаголов, приписываются определение смысла, или роли – Агента, Источника, Контрагента, Цели, Инструмента, Места и т.п. Похожая система семантически содержательных валентностей развивалась в ряде работ автора, в частности, в монографии Апресян 1974. В обзоре Мельчук 1974б корректность подобных семантических языков была поставлена под вопрос. Долгие размышления на эту тему привели нас к выводу, что смысл в семантическом языке, действительно, должен кодироваться единообразно. Если же для его кодирования используются два разных средства – слова и стрелки, – возникает и остается без принципиального ответа вопрос о том, какие именно смыслы должны кодироваться словами, а какие – стрелками.

6. Пример с видом показателен еще в одном отношении. Как известно (см. литературу и примеры в разделе 3.3), в таком языке, как русский, собственно видовое значение настолько тесно переплетается с лексическим значением основы, что истолковать его отдельно от лексического значения нельзя. Поэтому каждый русский глагол должен быть истолкован, по существу, дважды – в форме несов и сов. Между тем, в безвидовых языках каждая глагольная система имеет одно толкование, причем даже в том случае, когда толкуются максимально соответствующие друг другу глаголы разных языков, например, *начать* – *начинать* и французское *commencer*, трудно ожидать, что это единственное толкование безвидового глагола совпадает с каким-либо из двух толкований видового глагола. Возникает парадоксальная

ситуация: с одной стороны, *начать*, *начинать* и *commencer* должны получить разные семантические представления, потому что в противном случае семантическая специфика русского языка не будет описана. С другой стороны, они должны получить одно и то же семантическое представление, потому что в противном случае окажется не описанной межъязыковая синонимия, а именно - факт переводимости *начать* - *начинать* и *commencer* друг в друга. В формальной модели, где имеется всего один уровень представления значений, этот парадокс нельзя разрешить естественным образом. Расщепление семантического уровня на два новых подуровня, на первом из которых описывается национальная семантика (в частности, различие между *начать* и *начинать*), а на втором - универсальная семантика (в частности, межъязыковая синонимия), создает такую возможность.

7. Много фактов такого рода собрано в Гак 1966, Гак 1972, Розенцвейг 1972. Бóльшая роль родовых слов во французской лексике объясняется обычно ее абстрактностью (ср. Ullmann 1952), а детальность русских видовых номенклатур в области глагола связывается, в частности, с богатством префиксального глагольного словообразования; ср., в дополнение к уже рассмотренным примерам, французские *couper*, *découper* и русские *резать*, *вырезать*, *нарезать*, *обрезать* (*бахрому*), *отрезать*, *перерезать*, *подрезать*, *прорезать*, *разрезать*, *срезать*, *стричь*, *остричь*, *отстричь*, *постричь*, *состричь*; французское *laver* и русские *мыть*, *вымывать*, *отмыть*, *перемывать* (все, многое), *промыть*, *смыть*, *стирать*, *вистирать*, *отстирать*, *перестирать* (все, многое), *простирать*. В свою очередь, французский язык навязывает говорящим более детальную классификацию действий в зависимости от того, каков их объект. Русскому глаголу *срезать* соответствуют французские глаголы *couper* (см. выше), *ébarber* (срезать лишнее, неровности), *ébrancher*, *élaguer* (подстригать деревья), *rogner* (срезать концы чего-л. - ногтей, страниц), *tondre* (срезать шерсть, волосяной покров). Русскому глаголу *измерять* соответствует французские *arpenter* (мерить землю), *cuber*, *jauger* (измерять объем, вместимость), *sonder* (измерять глубину). Не будем умножать примеров. Явления семантической несоизмерности разных языков давно стали предметом изучения, а та идея, что язык навязывает человеку выражение определенных мыслей, с редкой красотой и силой, хотя, может быть, и не в полном согласии с фактами, развивается в гипотезе лингвистической относительности Сэпира - Уорфа (см. прекрасный обзор Kluckhohn 1961).

8. В ПСемС (6ⁿ) с достаточной полнотой воплощен лишь один существенный результат семантического анализа - разложение значений граммем и лексем в более элементарные смыслы. Вследствие неразработанности языка семантических графов в ней почти полностью отсутствуют сведения об иерархической организации смыслов ("мешках", их вложениях и пересечениях), которые могли бы служить путеводителем по графу, т.е. инструкцией о том, в каком порядке должно протекать считывание ГСС с ПСемС. Отметим две конструктивные особенности ПСемС (6ⁿ): 1) фрагменты ПСемС, являющиеся образами грамматических значений, содержат абсолютные вершины (узлы, не подчиненные никаким другим узлам). Это формальное свойство "грамматических" фрагментов ПСемС находит вполне естественное объяснение: в русском языке значение любой граммемы - это предикат, аргументом которого является

значение лексемы и которое само, вследствие независимости граммем разных категорий, не является чьим-либо аргументом. 2) Каждый узел в ПСемС (6'') имеет несущий элемент - переменную. При этом условия легко разграничиваются вхождения имени одного и того же референта (одна и та же переменная) и разные референты, имеющие одно и то же имя (разные переменные, ср. X1, X2, X6, X12). Кроме того, становится возможным непринужденное преобразование графа в алгебраическую (скобочную) запись.

9. Граница между реальной и ложной омонимией, конечно, условна. Когда фраза типа (23i) воспринимается как элемент более широкого контекста, обычно остается ровно одна возможность ее осмысления. Если бы модель располагала формальными средствами контроля смысла не отдельных предложений, а текста в целом, она была бы в состоянии выбрать правильное осмысление многих подобных фраз. С другой стороны, неравными возможностями контроля смысла и, следовательно, различия омонимии обладают разные уровни представления предложений. То, что выглядит как реальная омонимия на одном уровне представления предложений, например, морфологическом, может оказаться ложной омонимией на более глубоком уровне. Следовательно, когда мы говорим о ложной омонимии, мы имеем в виду омонимию, устранимую в данных условиях, в частности, на основе той информации и тех правил ее переработки, которыми формальная модель располагает на данном уровне представления предложений. Снятие ложной омонимии (и полисемии) - морфологической, синтаксической, лексической, граммемной - происходит на всех этапах преобразований, предусмотренных в модели "Смысл \leftrightarrow Текст", и обеспечивается правилами самой разной природы - словарными и грамматическими. См. об этом Апресян и др. 1979.

10. Вопрос о том, считать ли этот шаг последним шагом в процессе перехода ПСС \leftrightarrow ГСС или первым шагом в процессе перехода ГСС \leftrightarrow ПСемС, представляется нам не слишком принципиальным; мы видим больше оснований в пользу второго решения.

11. По-видимому, имеет смысл и понятие глубинно-синтаксического признака. В качестве глубинно-синтаксических признаков лексем выступают, в частности, их определения в терминах лексических функций. Эти определения показывают, значением какой лексической функции и от какого класса аргументов является данная лексема. Например, при глаголах *оказывать* (*доверие* (*помощь, влияние, ...*)), *одерживать* (*победу* (*верх, ...*)), *производить* (*атаку* (*разведку, впечатление, ...*)) в зону DEF(INITATION) соответствующих словарных статей вносится запись вида $\text{Opex}_1(Y)$, где Y - второй актанта в модели управления перечисленных лексем. Эта запись в значительной мере определяет их поведение на глубинно-синтаксическом уровне, в частности, в правилах перифразирования.

Поскольку понятие глубинно-синтаксического признака в данной работе не используется, поверхностно-синтаксические признаки именуется в дальнейшем просто синтаксическими.

12. Существуют и такие синтаксические признаки, которые полностью дублируют определенные смыслы. К их числу относится, например, признак 'ден', приписываемый словам со значением денежной единицы. Однако даже такие признаки описывают не значение соответствующих слов, а исключительно их синтаксические свойства, т.е. способность участвовать в определенных синтаксических конструкциях.
13. Принципиально мыслимы и граммемно-граммемные правила, но в данной работе будут рассмотрены только те два типа правил, которые названы в основном тексте.
14. Следовало бы, конечно, в данном случае иметь унифицированные толкования с совершенно стандартной добавкой: ведь если можно *бегать назад и вперед*, то можно и *ходить назад и вперед*; если можно *ходить куда-то в разное время*, то, бесспорно, можно и *бегать куда-то в разное время*; если *бегать* - действие, то и *ходить* - действие, и если *ходить* - движение, то и *бегать* - движение; и т.д.
15. Глаголы *видать* и *слыхать* имеют еще одно интересное ограничение - они не употребляются в форме настоящего времени и, видимо, не вполне корректны в форме будущего времени (тем же свойством обладают и многократные глаголы типа *тахивать, сихивать*). Однако это ограничение имеет не семантическую, а морфологическую природу и должно оговариваться в другом месте лингвистического описания; см. раздел 3.4.
16. О возможности принципиального разграничения актуально-длительного и собственно процессного значений несомненно см. Гловинская 1980а.
17. В языке математики этот объект будет по-прежнему называться *цилиндром* (монета с математической точки зрения - цилиндр) и по-прежнему будет характеризоваться *высотой*, какой бы малой она ни была. Рассмотренный пример интересен, в частности, тем, что в ясной форме показывает различие между наивными понятиями, т.е. значениями единиц естественного языка, и научными понятиями - значениями терминов искусственных языков. Ср. замечания о наивной и научной физике в МПИПЛ 1964.
18. Смысл 'полная степень', может быть, образует лексическую функцию, семантически близкую к *Max* (ср. функцию *Lim* в Червенкова 1975). Во всяком случае при разных словах он выражается достаточно различными средствами, ср. *совсем хороший, совершенно испорченный, абсолютно здоровый, идеально белый, предельно замотанный, полностью отомобилизованный, вконец обессилевший, целиком поглощенный чем-л., всецело занятый чем-л.*, при некорректности или невозможности *?предельно хороший, *полностью низкий, ?идеально испорченный, *целиком здоровый, *вконец отомобилизованный, *всецело замотанный* и т.д. Поэтому, когда мы говорим, что предельные прилагательные сочетаются с наречиями полной степени признака, мы имеем в виду, что сочетаются хотя бы с одним из них.
19. Здесь остается еще много неясного. С одной стороны, любые прилагательные, обозначающие "малый" участок шкалы размера, хорошо сочетаются с наречиями полной степени признака, а любые прилагательные, обозначающие "большой" участок шкалы размера,

плохо сочетаются с ними. С другой стороны, не все свойства, обозначаемые "малыми" параметрическими прилагательными, имеют предельную точку, равно как не все свойства, обозначаемые "большими" параметрическими прилагательными, не имеют ее. Так, толщину тонкой пластинки можно, по-видимому, уменьшить до бесконечности, и она все равно будет называться тонкой. Между тем, увеличивать ее толщину беспредельно нельзя, потому что с момента, когда толщина по абсолютной величине превзойдет ширину, она станет называться высотой. Указанным свойством обладают и другие шкалы, занимающие не первое место в иерархии шкал (первое место занимают длина и высота: они могут быть приписаны предмету и в том случае, когда ни о каких других его линейных размерах говорить нельзя; ширина занимает второе место в иерархии, поскольку она предполагает наличие у предмета по крайней мере еще одного измерения, а толщина отодвигается на третье, поскольку она предполагает наличие у предмета ровно двух других измерений). Картина еще более запутывается при учете прилагательных типа *высокий 2* 'находящийся на большом расстоянии вверх от земли', ср. *высокие облака*): хотя *высокий 2* так же плохо сочетается с наречиями полной степени признака, как *высокий 1*, оно, в отличие от *высокий 1*, несовместимо с представлением о бесконечно растущей *высоте 2* (спутники Земли скорее *далекие*, чем *высокие 2*, а Луна, конечно, *далекая*, а не *высокая 2*). В связи с этим, может быть, признак предельности следовало бы считать не семантическим, а синтаксическим, описывающим исключительно сочетаемость лексем. Тогда его можно было бы использовать на этапе перехода к ПСС в синтагме, устанавливающей атрибутивное отношение между качественным прилагательным и зависящим от него наречием степени.

20. Учение о модальной рамке имеет давнюю историю. Отметим две традиции в исследовании этого теоретического понятия. Первая (Женевская школа) сводится к тому, что во всяком предложении, имеющем форму утверждения, усматривается открывающий *modus* вида 'Говорящий считает, что...' (см., например, Bally 1950; впоследствии аналогичные взгляды развивали некоторые американские лингвисты, ср. Fillmore 1969). Поскольку такая модальная рамка предваряет всякое утвердительное предложение, значение последнего, равно как и значения его составных частей могут изучаться независимо от нее. В этом отношении вторая традиция (Польская школа) более интересна, поскольку она сосредоточивается на изучении оценок описываемой в предложении ситуации со стороны говорящего или адресата речи, инкорпорированных непосредственно в значение определенных языковых единиц и противопоставляющих одни единицы другим. См. об этом в особенности Wierzbicka 1969, хотя глубокие мысли на этот счет высказывались и раньше. В этой связи нельзя не процитировать следующее тонкое толкование, принадлежащее В.В.Виноградову: "... *авось* обозначает, что о чем-то говорится с оттенком недостаточно обоснованной надежды" (Виноградов 1947, 738). Для сравнения приведем толкования МАС (*авось* = 'может быть') и немного более пронизательное, но все же уступающее виноградовскому толкование из Ожегов 1972: *авось* = 'может быть (о том, что желательно для говорящего, на что он надеется)'

21. Может показаться, что предложение *Он решил взять виноград в Москву самолетом* омонимично и имеет следующие два смысла: 1) 'Он решил взять виноград в Москву, лично управляя самолетом' vs. 2) 'Он решил переправить виноград в Москву, летя на самолете в качестве пассажира'. Такой взгляд на вещи приводит к необходимости расщепить рассмотренное значение глагола *взять* на два новых значения - '*взять 1*', сформулированное в основном тексте работы, и '*взять 2*' = 'каузировать *взять 1* в свою пользу'. Дополнительным основанием для такого решения мог бы послужить тот факт, что в русском языке глаголы с бесспорной комбинацией значений типа '*делать Р*' - '*каузировать кого-л. делать Р в свою пользу*' представлены достаточно широко, ср. *Петр шьет костюм (чинит обувь) vs. Петр шьет костюм в модном ателье (чинит обувь в ближайшей мастерской), Он бреется vs. Он бреется у одного и того же парикмахера и т.п.* Никаких неопровержимых доводов против этого решения привести нельзя, сверх того, что лексикографически расщепление *взять* представляется в высшей степени неестественным. Признавая неделимость значения *взять* в рассмотренном круге употреблений, мы тем самым усматриваем в предложении *Он решил взять виноград в Москву самолетом* не языковую омонимию, а ситуативную неопределенность. В связи с этим полезно подчеркнуть, что неодинаковая обработка одних и тех же смысловых различий - замечательная и характерная черта естественных языков. В частности, в русском языке можно указать еще три типа смысловых различий, кроме отмеченного выше, которые иногда выражаются собственно языковыми средствами и могут порождать омонимию, а иногда восстанавливаются на основе знания реального положения дел и порождают не более чем ситуативную неопределенность: 1) '*делать Р*' - '*уметь делать Р*', ср. *Вы говорите по-французски? vs. Вы говорите по-французски?* (разные значения глагола *говорить*, которые в форме общего вопроса реализуются в разных акцентуационных условиях); *Лифт медленно поднимается vs. Лифт поднимается вверх за минуту* (разные значения граммы несом при тождестве лексического значения глагола); *Он чинит ботинки* (ситуативная неопределенность: сейчас чинит или умеет чинить); 2) '*Р*' - '*намеренно Р*', ср. *Шум будит ребенка vs. Мать будит ребенка* (разные значения *будить*) и *Иван упал* (ситуативная неопределенность: случайно или намеренно); 3) '*Р*' - '*Р*, делая высказывание *Q*', ср. примеры (38) - (39) и фразы типа "*Не знаю*", - *почесался парень*, где у *почесаться* нет значения '*сказать*'.

22. Теоретически допустима гипотеза, что рассматриваемый нами смысл выражается не совокупностью условий, т.е. не синтаксической конструкцией, а ровно одной единицей в составе фразы типа (i), например, предлогом (или наречием). Это значит, что каждому пространственному предлогу и каждому пространственному наречию надо приписать в словаре, помимо чисто пространственного значения, еще и "синкретичное" пространственно-временное значение, реализующееся в контексте трех перечисленных выше условий. Это описание не имеет никаких преимуществ перед тем, которое было предложено выше, но явным образом уступает ему в экономности и поэтому должно быть отвергнуто.

23. Утверждение, что предикаты *сомневаться*, *отрицать*, *маловероятно* имплицитно отрицательны, значит, что хотя лексически отрицание не входит в их состав, смысл 'не' составляет часть их толкования: *X сомневается, что P* \cong 'не имея точной информации об истинности P, X допускает, что вероятно не P'; *X отрицает, что P* \cong 'X утверждает, что не P'; *P маловероятно* \cong 'говорящий считает, что велика вероятность не P'.

24. Считается, что на семантическом уровне субъект, т.е. первый актант, есть и у предикатов типа *возможно*, *вероятно*, *видимо*, *разумеется* и т.п.

25. Большинство экзистенциальных глаголов (*бывать*, *поступать*, *происходить*, *случаться*, *существовать*, *требоваться*), для которых характерно изменение именительного падежа на родительный в контексте отрицания, этим свойством не обладают; ср. *Сведения о продвижении войск не поступали* и почти синонимичное ему *Сведений о продвижении войск не поступало*.

26. Полезно подчеркнуть, что предложение (112ii) не омонимично (многозначно), а лишь ситуативно неопределенно в смысле Weinreich 1966. Таким образом, класс дизъюнктивно организованных ПСемС является формальным аналогом одного частного, но важного случая ситуативной неопределенности.

27. Мы отвлечемся от ряда осложняющих обстоятельств. Во-первых, мы не будем анализировать различий между фразами с винительным падежом дополнения (*Установка не работала три года* - два осмысления) и фразами с родительным падежом дополнения (*Установка не работала трех лет* - только "уменьшительное" осмысление); см. об этом Богуславский 1978б. Во-вторых, мы не будем учитывать количественных групп вида *три раза в год*, *раз в неделю*, *сто километров в час*, которые, при прочих равных условиях, повышают вероятность "уменьшительной" интерпретации в ущерб чисто отрицательной. Наконец, в-третьих, мы проигнорируем случаи, когда в состав количественной группы входят усилительные атрибутивные зависимые - прилагательные, наречия или частицы типа *Установка не работала целых (всего) три года*, *Установка не работала и три года*. Они проясняют смысл либо в сторону отрицательности (первый пример, в котором, кстати, невозможна трансформация винительного в родительный, всегда связанный с "уменьшительностью"), либо в сторону "уменьшительности" (второй пример, где такая трансформация не только возможна, но и желательна).

28. Традиционно считается, что большинство глаголов, управляющих винительным падежом, в отрицательных предложениях могут либо сохранять винительный падеж, либо менять его на родительный. Некоторые информанты в предложениях типа (115) считают винительный падеж отклонением от нормы. Языковой опыт автора полностью соответствует традиционным оценкам, на которые и ориентировано наше изложение. Эта ориентация тем более оправданна, что существуют контекстуальные условия, в которых мена винительного на родительный либо нежелательна, либо невозможна. Одним из таких условий является

наличие в предложении второго дополнения, особенно дополнения в винительном падеже; ср. сомнительность *Он не купил дачи за сто рублей* (при корректности *Он не купил дачи* и *Он не купил дачу за сто рублей*) и неправильность **Он не прождал меня двух часов* (при корректности *Он не прождал двух часов* и *Он не прождал меня два часа*).

29. Внешне эта интерпретация выглядит не как отрицательная, а как "увеличительная". Семантический анализ слов типа *хватить*, *успеть*, в которые входит смысл 'быть достаточным', показывает, однако, что здесь имеет место обычная отрицательная интерпретация. Действительно, *X-у достаточно Y-а для P* \cong 'Для выполнения P человеку X нужен объект Y в количестве Z, и X имеет Y в количестве Z'' (пресуппозиции); 'Z' не меньше, чем Z' (утверждение). Тогда *X-у не достаточно Y-а для P* = 'Для выполнения P человеку X нужен объект Y в количестве Z, и X имеет Y в количестве Z', и Z' не не меньше, чем Z' = '... и Z' меньше, чем Z' = '... и Z больше, чем Z'', т.е. X-у нужно было больше Y-а, чем у него реально имелось.

30. В Апресян 1974, 114 (120iv) было названо "частным и факкультативным правилом переноса отрицания"; ср. понятие *neg-transportation* в порождающей семантике. В Падучева 1974, 154 аналогичные явления исследуются под названием "смещенного отрицания". Последний термин следует признать более удачным. См. также Богуславский 1978а.

31. Обратим внимание на примеры другого типа, тоже, по-видимому, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме: *вертеть хлыстик (трость) - вертеть хлыстиком (тростью)*, *двигать горшки в печи - двигать горшками в печи*, *Ветер шевелит листья - Ветер шевелит листьями* и т.п. Они представляют значительный лексикографический интерес, тем более, что лексикографическая практика в описании таких фактов непоследовательна: иногда они трактуются как репрезентирующие одно значение глагола, а иногда - как два разных. Ср. также разноречивую грамматическую трактовку этого материала: Пешковский 1935 (творительный отличается от винительного только стилистически) и Jakobson 1936, Мразек 1964, Кацнельсон 1972 (между творительным и винительным есть семантические различия). Новые соображения по поводу семантики творительного в таких и других аналогичных сочетаниях высказаны в Wierzbicka 1979.

ОБОЗНАЧЕНИЯ

Здесь приводятся используемые в статье обозначения, за исключением тех, которые расшифровываются в тексте или вообще не нуждаются в расшифровке.

вин	- винительный падеж
дат	- дательный падеж
действ	- действительный залог
ед	- единственное число
изъяв	- изъявительное наклонение
им	- именительный падеж
инф	- инфинитив
(исход)	- синтаксический признак исходности
(конечн)	- синтаксический признак конечности
крат	- краткая форма прилагательного
лич	- личная форма глагола
(локат)	- синтаксический признак локативности
M_i	- i -е место предикатного слова
мн	- множественное число
наст	- настоящее время
непрош	- не прошедшее время
несов	- несовершенный вид
повел	- повелительное наклонение
предик	- предикативное поверхностно-синтаксическое отношение
предл	- предложный падеж
род	- родительный падеж
сов	- совершенный вид
сравн	- сравнительная степень прилагательного
твор	- творительный падеж

\emptyset	- отсутствие элемента
(A)	- прилагательное
(Adv)	- наречие
Adv _{1B} (X)	- лексическая функция, значением которой является наречие или предлог деепричастного типа, образованное (по смыслу) от X, ср. <i>охотно</i> - <i>любить</i> , <i>из-за</i> - <i>вызывать</i>
attr	- атрибутивное глубинно-синтаксическое отношение
CausFunc _o (X)	- лексическая функция, значениями которой являются, например, следующие глаголы (в квадратных скобках указывается аргумент функции): <i>вызывать</i> [смерть], <i>сеять</i> [панику], <i>ставить</i> [вопрос], <i>выдвигать</i> [предложение]
(Conj)	- союз
Conv ₂₁ (X)	- конверсив двухвалентного предиката X (слово, обозначающее обратное отношение)
Copul(X)	- лексическая функция, значениями которой являются, например, следующие глаголы: <i>бить</i> [причиной], <i>служить</i> [пристанщем], <i>доводиться</i> [дядей]
COREF(X ₁ , X ₂)	- X ₁ и X ₂ обозначают один и тот же объект
D _{ij} , D _{ik}	- способы выражения i-го места предиката
(Num)	- числительное
(NUMP)	- количественная группа
(Prep)	- предлог
(S)	- существительное
S _i (X)	- лексическая функция, значением которой является типовое название i-го участника ситуации, обозначаемой предикатным словом X (S ₁ (<i>лечить</i>) = <i>врач</i> , S ₂ (<i>лечить</i>) = <i>пациент</i>)
Syn(X)	- синоним слова X
(V)	- глагол

- | - знак условия
- \neq - знак неравенства
- \Leftrightarrow - знак двустороннего синонимического преобразования
- $X \supset Y$ - X включает в себя Y
- Δ - знак дерева зависимостей
- \tilde{X} - группа X-а, т.е. X и все зависящие от него непосредственно или опосредованно узлы

Литература

- Апресян 1967 - Ю.Д.Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974 - Ю.Д.Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1978 - Ю.Д.Апресян. Языковая аномалия и логическое противоречие. - В кн.: "Tekst. Język. Poetyka". Warszawa, 1978.
- Апресян 1979 - Ю.Д.Апресян. К понятию глагольного управления. - Wiener Slawistischer Almanach, Bd. 3, 1979.
- Апресян и др. 1979 - Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин, Л.П.Крысин, А.В.Лазурский, Н.В.Перцов, В.З.Санников. Типы и формальные способы представления информации в толково-комбинаторном словаре (в печати).
- Арутюнова 1976 - Н.Д.Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- БАС - Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1-17. М.-Л., 1951-1965 (Большой академический словарь).
- Богуславский 1977 - И.М.Богуславский. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? - Известия АН СССР, Серия литературы и языка, № 3, 1977.
- Богуславский 1978а - И.М.Богуславский. О понятии смещенного отрицания. Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР, вып. 107, 1978.
- Богуславский 1978б - И.М.Богуславский. Отрицание в предложениях с обстоятельствами в русском языке. - В кн.: "Studia grammatyczne." Kraków, 1978.
- Бондарко 1971 - А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Брызгунова 1969 - Е.А.Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.
- Виноградов 1947 - В.В.Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Гак 1966 - В.Г.Гак. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966.

- Гак 1972 - В.Г.Гак. К проблеме семантической синтагматики. - В кн.: "Проблемы структурной лингвистики 1971".М.,1972.
- Гладкий 1979 - А.В.Гладкий. Описание синтаксической структуры предложения с помощью систем синтаксических групп. II. Лингвистическая интерпретация (в печати).
- Гловинская 1977а - М.Я.Гловинская. К вопросу о значении видо-вого противопоставления в русском языке. - В кн.: "Лингвометодические вопросы преподавания русского языка на подготовительном факультете".М.,1977.
- Гловинская 1977б - М.Я.Гловинская. О некоторых трудностях в изучении семантики видов. - Болгарская русистика, № 3, 1977.
- Гловинская 1980а - М.Я.Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.М.,1980.
- Гловинская 1980б - М.Я.Гловинская. Общефактическое значение несовершенного вида (форма прошедшего времени). - В сб.: "Структурная лингвистика 1979".М.,1980.
- Грамматика 1960 - Грамматика русского языка. Т.І. Фонетика и морфология.М.,1960.
- Грамматика 1970 - Грамматика современного русского литературного языка. (Отв. редактор Н.Ю.Шведова).М.,1970.
- Есперсен 1958 - О.Есперсен. Философия грамматики.М.,1958.
- Жолковский и Мельчук 1967 - А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. О семантическом синтезе. - В сб.: "Проблемы кибернетики", вып.19,1967.
- Зализняк 1977 - А.А.Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение.М.,1977.
- Золотова 1973 - Г.А.Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка.М.,1973.
- Иомдин 1979 - Л.Л.Иомдин. Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. Оператор согласования для определительных конструкций (прилагательное + существительное) (в печати).
- Иомдин - Мельчук - Перцов 1975 - Л.Л.Иомдин, И.А.Мельчук, Н.В.Перцов. Фрагмент модели русского поерхностного синтаксиса. I. Предикативные синтагмы. - Научно-техническая информация, серия 2, 1975, № 7.
- Иорданская 1967 - Л.Н.Иорданская. Автоматический синтаксический анализ. Том II. Новосибирск,1967.

- Иорданская 1971 - Л.Н.Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских глаголов со значением чувства. - В бюл.: "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып.13,1971.
- Кацнельсон 1972 - С.Д.Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление.Л.,1972.
- Кжижкова 1967 - Е.Кжижкова. Адвербиальная детерминация со значением места и направления. - Вопросы языкознания, 1967, № 2.
- Леонтьева 1967 - Н.Н.Леонтьева. Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке. - В бюл.: "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып.10,1967.
- МАС - "Словарь русского языка в четырех томах". Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Тт. I-IV. М., 1957-1961 (Малый академический словарь).
- Маслов 1948 - Ю.С.Маслов. Вид и лексическое значение глагола. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, VII, вып.4, 1948.
- Мельчук 1974а - И.А.Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \longleftrightarrow Текст". М., 1974.
- Мельчук 1974б - И.А.Мельчук. Об одной модели понимания речи (семантическая теория Р.Шенка). I. - Научно-техническая информация, серия 2, 1974, № 6.
- Мельчук 1960 - И.А.Мельчук. К вопросу о грамматическом в языке-посреднике. - В бюл.: "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып.4, 1960.
- Мельчук и Перцов 1975 - И.А.Мельчук, Н.В.Перцов. Модель английского поверхностного синтаксиса. Перечень синтагм. - Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР, вып.64-66, 1975.
- МПИПЛ 1964 - Бюл. "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып.8, 1964.
- Мразек 1964 - Р.Мразек. Синтаксис русского творительного. Praha, 1964.
- Ожегов 1972 - С.И.Ожегов. Словарь русского языка. М., 1972.
- Падучева 1974 - Е.В.Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974.

- Пешковский 1935 - А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Издание 5-е.М.,1935.
- Рассудова 1968 - О.П.Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке.М.,1968.
- Розенцвейг 1972 - В.Ю.Розенцвейг. Языковые контакты. М.,1972.
- Санников 1979 - В.З.Санников. Сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их синтаксическое представление. - Wiener Slawistischer Almanach, Bd.4, 1979.
- Сэпир 1934 - Э.Сэпир. Язык. Введение в изучение речи.М.,1934.
- Телин 1978 - Н.Б.Телин. О семантике видов в русском языке. VIII Международный съезд славистов, Загреб - Любляна, 3-9 IX, 1978.
- ТКС 1970-1976 - Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып.2,1970; вып.4,1970; вып.7,1970; вып.23,1971; вып.26,1972; вып.28,1972; вып.29,1972; вып.34,1973; вып.35, 1973; вып.37,1973; вып.38,1973; вып.42,1973; вып.63,1975; вып.80,1976; вып.85,1976.
- Червенкова 1975 - И.В.Червенкова. О показателях меры признака (на материале современного русского литературного языка). - Тодишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии, т.LXVIII, № 1, София,1975.
- Austin 1962 - J.L.Austin. How to do things with words. Oxford, 1962.
- Bally 1950 - Ch.Bally. Linguistique générale et linguistique française. Troisième éd. Berne,1950.
- Bierwisch 1967 - M.Bierwisch. Some semantic universals of German adjectivals. - Foundations of language. International journal of language and philosophy, vol.3, № 1,1967.
- Chomsky 1971 - N.Chomsky. Deep structure, surface structure and semantic interpretation. - In: "D.D.Steinberg and L.A.Jakobovits (eds.). Semantics." London and New York, 1971.
- Fillmore 1968 - Ch.J.Fillmore. The case for case. - In: "E.Bach and R.T.Harms (eds.). Universals in linguistic theory". N.Y.-Chicago-San Francisco,1968.

- Fillmore 1969 - Ch.J.Fillmore. Types of lexical information. - In: "F.Kiefer (ed.). Studies in syntax and semantics". Dordrecht, 1969.
- Fodor 1977 - J.D.Fodor. Semantics: theories of meaning in generative grammar. The Harvester Press, England, 1977.
- Forsyth 1970 - J.Forsyth. A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Frege 1892 - Г.Фреге. Смысл и денотат. - В сб.: "Семантика и информатика", вып. 8, М., 1977.
- Garner 1971 - R.Garner. "Presupposition" in philosophy and linguistics. - In: "Ch.J.Fillmore, D.T.Langendoen (eds.). Studies in linguistic semantics". N.Y., 1971.
- Gruber 1976 - Jeffrey S. Gruber. Lexical structures in syntax and semantics. Amsterdam-New York-Oxford, 1976.
- Jakobson 1936 - R.Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. - In: "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", 6, 1936.
- Jakobson 1959 - R.Jakobson. Boas' view of grammatical meaning. - American Anthropologist, vol. 61, № 2, 1959.
- Katz, Postal 1964 - J.J.Katz and P.M.Postal. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.
- Kluckhohn 1961 - Ch.Kluckhohn. Notes on some anthropological aspects of communication. - American Anthropologist, vol. 63, № 5, 1961.
- Lakoff 1970 - G.Lakoff. Global rules. - Language, vol. 46, № 4, 1970.
- Lakoff 1971 - G.Lakoff. On generative semantics. - In: "D.D. Steinberg and L.A.Jakobovits (eds.). Semantics." London and New York, 1971.
- McCawley 1968 - J.D.McCawley. Lexical insertion in a transformational grammar without deep structure. - In: "Darden B.I., Bailey C.-I.N. and Davison A. (eds.). Papers from the Fourth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society", Univ. of Chicago, Chicago, Illinois, 1968.
- McCawley 1971 - J.D.McCawley. Prelexical syntax. - In: "P.Seuren (ed.). Semantic Syntax". London, 1971.

- Schank 1972 - R.C.Schank. Conceptual dependency: a theory of natural language understanding. - Cognitive psychology, 3, № 4, 1972.
- Ullmann 1952 - S.Ullmann. Précis de sémantique française. Berne, 1952.
- Weinreich 1966 - U.Weinreich. Explorations in semantic theory. - In: "Current trends in linguistics. III - Theoretical foundations". London- The Hague - Paris, 1966.
- Wierzbicka 1967 - A.Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish. - In: "To honour Roman Jakobson". The Hague - Paris, 1967.
- Wierzbicka 1969 - A.Wierzbicka. Dociekania semantyczne. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1969.
- Wierzbicka 1972 - A.Wierzbicka. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.
- Wierzbicka 1979 - A.Wierzbicka. The case for surface case (в печати).

TYPES OF INFORMATION FOR THE SURFACE-SEMANTIC
COMPONENT OF THE "MEANING \Leftrightarrow TEXT" MODEL

A B S T R A C T

This abstract is based on an original Russian version by Ju.D.Apresjan which has been enlarged by the editor in order to give a more detailed outline of the main points of the book as well as to provide more specific examples. It is hoped that with the help of L.N.Iordanskaja and I.A.Mel'čuk, long-standing friends and collaborators of Ju.D.Apresjan, I have not misrepresented any of the author's ideas.

Translations from Apresjan's original resumé are given in quotation marks. The problem of terminology has been solved by giving parallel English and Russian wordings where it seemed necessary; all Russian examples are provided with English glosses which, owing to the complexity of the subject, are sometimes rather approximate.

I would like to thank here L.Elnitsky and R.Kittredge who have kindly accepted to improve my English.

This book presents a new viewpoint on some problems of semantics within the framework of the "Meaning \Leftrightarrow Text" model introduced to linguistics by I.A.Mel'čuk, A.K.Žolkovskij and Ju.D.Apresjan. In addition to some new formalisms and concepts it provides a great number of specific informal semantic analyses and thus gives a good idea of Apresjan's approach to semantics.

Chapter 1 starts with a GENERAL DESCRIPTION OF THE "MEANING \Leftrightarrow TEXT" MODEL, its conceptual apparatus and its formal organization, which makes the present book self-contained. Special attention is paid to the syntactic and semantic levels of representation of a sentence.

Accepting the division of the syntactic level into surface-syntactic and deep-syntactic (sub)levels proposed in previous studies on the model (cf. I.A.Mel'čuk, *Opyt teorii lingvističeskix modelej "Smysl \Leftrightarrow Tekst"*, Moskva, 1974) Apresjan now sees the need for a further distinction within the semantic level. He puts it the following way: "Meaning expressed in natural language is language-specific. This is evident when some meanings (not only grammatical, but also lexical ones) are obligatorily expressed, independently of their importance for the matter of communication." As an example the variety of Russian verbs of motion, denoting departure, like *vyjti* '(to) walk out', *vyletet'* '(to) fly out', *vyplyt'* '(to) swim out', and *vypolzti* '(to) creep out' vs. a unique verb *sortir* in French is discussed. "Therefore a new distinction within the semantic level imposes itself: a surface-semantic level (= level of language-specific semantics) and a deep-semantic level (= level of universal semantics) have to be established."

Given the new distinction, Apresjan deals with the surface-semantic (= shallow-semantic) level: "Using a special semantic language this level makes explicit a) all meanings expressed in a

given sentence, comprising the language-specific compulsory ones- and b) relations of homonymy and synonymy between sentences of natural language" [which cannot be dealt with on other levels - T.R.J.]

Then the role of the SURFACE-SEMANTIC COMPONENT OF THE "MEANING \leftrightarrow TEXT" MODEL is explained: "It is the surface-semantic component which accounts for the many-to-many correspondence between the deep-syntactic and the surface-semantic representations of a sentence." Since a complete representation of a sentence within the model consists of a) its structure on the given level, b) indications about its communicative organization (topic and comment, old and new information, presuppositional and assertional parts, emphasis etc.), c) indications about reference - nonreference - coreference of different nodes of its structure, and d) indication about the scope of given items relative to others, Apresjan makes the following restriction: "The present study considers only the structure of a sentence rather than its whole representation, and only the direction of analysis, i.e. transition from the deep-syntactic-structure (DSynS) of a sentence to its surface-semantic structure (SSemS)." [It is understood that the DSynS is a dependency tree whose nodes are, in general, labeled by the lexemes of the sentence with grammatical subscripts (= grammemes), whereas the SSemS is an arbitrary graph reflecting the meaning of the given sentence - T.R.J.]

"The process of transition is logically split up into four steps:

- (1) preparation of the DSynS for semantic interpretation - possible combinations of senses of polysemous lexemes and grammemes of the sentence are selected;
- (2) replacement of meaningful items - lexemes and grammemes - by their corresponding SSemS;
- (3) construction of SSemS for pairs of connected nodes of the DSynS taking into account their possible interaction;
- (4) construction of the reduced SSemS for a given DSynS as a whole" [this point is not dealt with in the book - T.R.]

Chapter 2 introduces the concept of (non-trivial) SEMANTIC FEATURES. Apresjan shows how they are used at the first step of transition from the DSynS of a sentence to its SSemS.

Semantic features are ascribed to lexemes in the dictionary. "These features describe general semantic properties of lexemes of a certain class, but cannot be reduced to a common meaning-component in their lexicographic definitions." It is then the surface-semantic rules (= rules of the surface-semantic component) which make us of them.

"Semantic features of lexemes appear in the following types of rules:

- a) In rules where, for a given node L of some DSynS, among all the senses 'g₁', 'g₂', ..., 'g_k' of a polysemous grammeme G, ascribed to L, those must be selected which are compatible with the meaning 'L';
- b) In rules where, for a given node L of some DSynS, among all the senses 'l₁', 'l₂', ..., 'l_n' of a polysemous node L of the same DSynS those must be selected which are compatible with the meaning 'L'."

The following examples are given:

It is shown that verbs of motion in Russian must be marked as 'spatial frequentative' (*prostranstvennaja kratnost'*) or as 'temporal frequentative' (*vremennaja kratnost'*); another group of verbs with the prefix *pri-* are marked by 'arrival' (*pribytie*), a third group of verbs as 'performative' and a fourth group as 'stative'. Only these features make it possible to provide for correct transition when the grammeme *i m p e r f* (= imperfective aspect) is present. Surface-semantic rules using the above-mentioned features select the right meanings of *i m p e r f* amongst the following: 'processive' (*processnoe*), 'impending' (*predstojaščee*), 'two-way' (*dvunapravlennoe*), 'factual-resultative' (*obščefaktičeskoe-rezultativnoe*) and 'factual-nonresultative' (*obščefaktičeskoe-nerezultativnoe*).

Some nouns like *zerkalo* 'mirror' must be marked by 'front-side' (*fasadnost'*) to account for the proper selection among two given spatial senses of the prepositions *pered* 'in front of' and *za* 'behind', when occurring with such nouns.

Other nouns like *škaf* 'cupboard' carry the feature 'orientation - absolute or relative' to account for the meaning of certain phrases like *verx škafa* 'the upper part of the cupboard'.

Some adjectives like *krasnyj* 'red', *xorošij* 'good' and *korotkij* 'short' must be marked as 'terminative' (*predel'nost'*) to allow for proper transition to meaning for adjective - noun and adjective - adverb phrases.

Chapter 3 is devoted to the study of (lexicographic) DEFINITIONS OF MEANINGFUL ITEMS - lexemes, syntactic constructions and grammemes.

"Informally speaking, the definition of a meaningful item makes explicit the naive concept presented in this item. From a formal point of view, a lexicographic definition is a subgraph of SSemS, corresponding to a generalized fragment of the deep-syntactic tree." We remember that the second step of analysis consists in the replacement of meaningful items by their corresponding SSemS.

Since the present state of semantic studies does not allow full formal treatment, Apresjan confines himself to a rather informal notation using a standardized semantic language which is in many respects near to natural language.

The first section of the chapter deals with the structure of a definition in general, emphasizing the distinction between pre-suppositional and assertional parts, paying special attention to the modal frame, and discussing meaning components which disappear, change or are otherwise affected in the context of other meaning components. A detailed analysis of the lexemes *daže* 'even', *-to* 'as for', *razve* 'really' and *neuželi* 'is it true that ...' is given.

In the second section Apresjan surveys the actant structure of predicate words like *pribit'* '(to) nail to'.

The main point of the third section, which discusses grammatical items, is to stress the need for their lexicographic definition using the same semantic languages as for the lexical items. (Here it becomes clear that Apresjan is in favour of a much broader understanding of the role of the dictionary in linguistic description.)

One of the grammatical items dealt with at some length is a certain instance of parenthetical constructions of the type *Osetrovye ryby, sčitajut znatoki, utratili svoj byloj vkus* 'Salmon, connoisseurs believe, has lost its former taste'.

Much space is given to the problems of aspect-semantics, i.e. to the grammemes *i m p e r f / p e r f*. The author provides a detailed analysis of several pairs of verbs, usually called aspect pairs, e.g. *načinat'/načat'* '(to) begin', *budit'/razbudit'* '(to) wake up', *rešat'/rešit'* '(to) solve', *dogonjat'/dognat'* '(to) catch up with', *mešat'/pomešat'* '(to) interfere'.

The fourth section of chapter 3 makes reference to a number of conditions on the realization of given senses of polysemous items. Autonomous semantic, syntactic, and morphological factors as well as some cooccurrence factors (the latter again subdivided into semantic, lexical, syntactic and morphological ones), allowing or not allowing for certain realizations, are listed. Some of the items involved are *videt'* '(to) see', *byt'* '(to) be', *sopровоždat'* '(to) accompany' and *vezti* '(to) take to'.

C h a p t e r 4 gives an insight into some problems of building up complex meanings out of given simpler ones. Formally, this means constructing a complex semantic graph out of given partial ones which appear as a result of transition to meaning. In fact, this is the above-mentioned third step in the process of analysis.

The proposed RULES FOR INTERACTION OF MEANINGS (*pravila vzaimodejstvija značenij*) are "classified as follows:

- (1) according to the number of entities to which they apply, all rules are subdivided into general and specific rules;
- (2) according to the character of the evoked semantic transformation, all rules are subdivided into general and specific rules" [the latter are not dealt with in the present book - T.R.].

In the first section Apresjan makes use of phrases with the negation *ne* to illustrate some general and specific rules, e.g. the general rule of predicate calculus *not (P and Q) = not P or not Q* as applied to definitions using conjunction or disjunction, the general rule of transition to meaning for some quantity-phrases with *ne* and specific rules for phrases of the type *ne + modal words* and *čut' ne* 'almost'.

Different types of scope rules are discussed in the second section, with words like *postepenno* 'gradually', *slučajno* 'by chance' and *xorošo* 'well' serving as examples.

It is shown that "scope rules can be of different kinds depending on

- a) whether the nodes X_1 and X_2 of a given DSynS are connected by a direct syntactic dependency or not;
- b) whether the scope of the node X_1 is the whole SSemS of X_2 or only a part of it;
- c) whether X_1 acts only upon one node of the given DSynS or on several at the same time."

The third (and final) section of chapter 4 deals with semantic modification rules. They are subdivided into a) rules for semantic ellipsis, and b) rules for adjustment of definitions (*popravki k tolkovanijam*)."

As an example rules for an increment in meaning from 'X' to 'X+α' ('X' being given by a lexicographic definition) under a certain set of conditions is discussed. Apresjan shows how such semantic changes should be indicated in the dictionary entry of the lexeme X without postulating a new sense. (This solution stems from the maximal economy principle and helps to avoid unnecessary 'multiplication of entities'.) Detailed discussion of the lexemes *brosat* '(to) throw', *streljat* '(to) shoot', *pocarapat* '(to) scratch', *poslat* '(to) send' and some lexemes denoting physical and linear parameters like *vysota* 'height' and *temperatura* 'temperature' is given.

Apresjan's book ends with a carefully selected bibliography on semantics, including recent Russian work in this field.

Tilmann Reuther

Bayerische
Staatsbibliothek
München